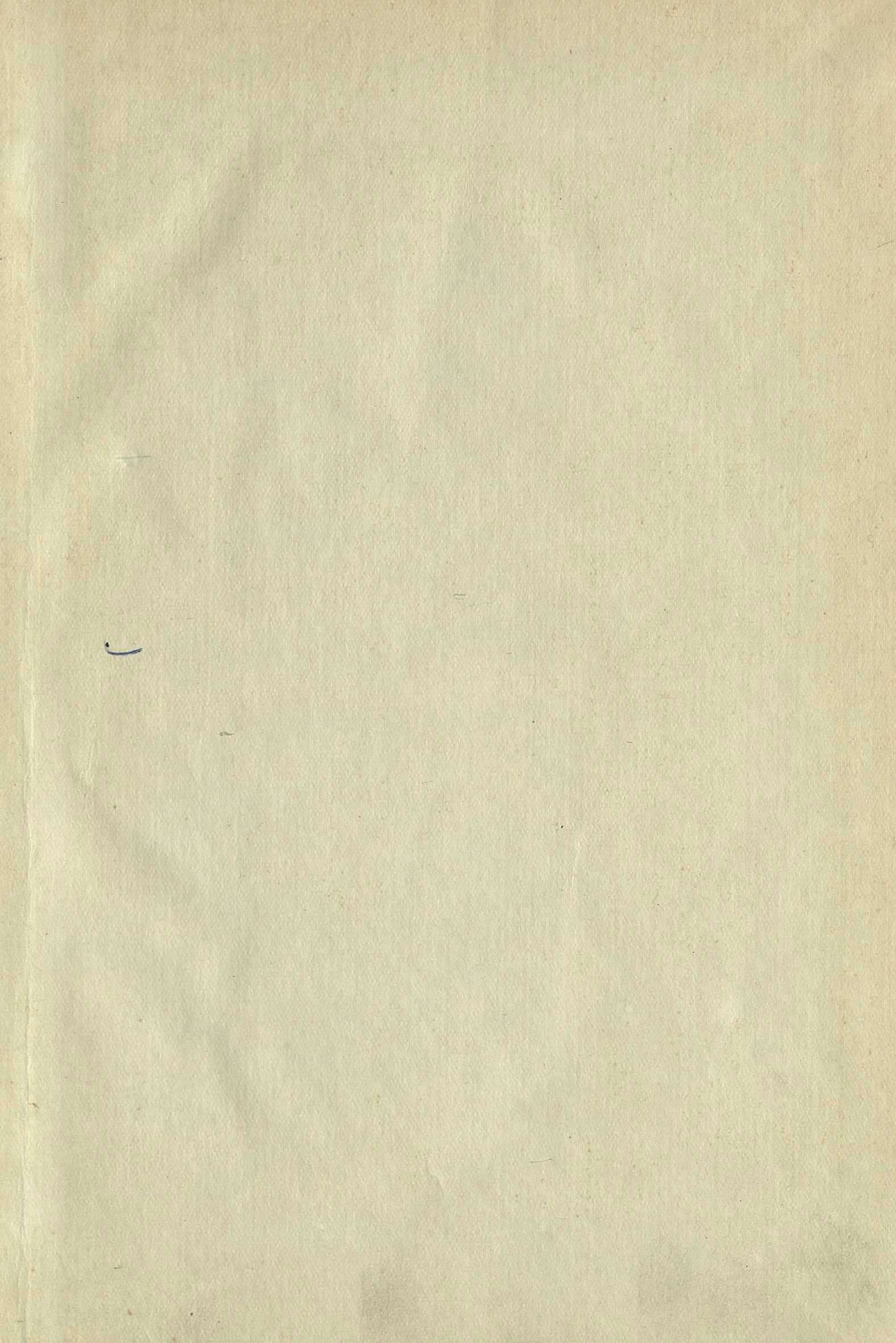

БАРОН А. БУДБЕРГ

ДНЕВНИК БЕЛОГВАРДЕЙЦА

П·Р·И·Б·О·Й

Барон Алексей Будберг

ДНЕВНИК БЕЛОГВАРДЕЙЦА

(КОЛЧАКОВСКАЯ ЭПОПЕЯ)

РЕДАКЦИЯ
П. Е. ЩЕГОЛЕВА

ПРИБОЙ

1929

Ленинградский Областлит № 31973.
19 л. Тираж 5000. (С, 52. 29113/Пр.).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Барон Алексей Будберг принадлежал к старому кадровому офицерству царской армии. Участник русско-японской войны, он провел около одиннадцати лет на службе во Владивостокском укрепленном районе. С началом мировой войны Будберг занимал целый ряд штабных и строевых должностей в действующей армии.

Октябрьская революция застала его на посту командующего корпусом, стоявшим на позициях около Двинска. Вскоре после начала мирных переговоров с немцами Будберг покинул армию и направился в Петроград. Здесь он, пользуясь старыми связями, выхлопотал себе фиктивную командировку в Японию и 23 января (по ст. ст.) 1918 г. выехал на Дальний Восток. После непродолжительного пребывания в Японии Будберг с начала апреля обосновался в Харбине. Здесь ему пришлось стать свидетелем и отчасти участником хорватовской эпопеи (попытки начальника Китайской Восточной железной дороги генерала Хорвата объявить себя «всероссийским правителем»). После образования колчаковского правительства Будберг в конце марта 1919 года был назначен главным начальником снабжений при ставке Колчака. 29 апреля Будберг прибыл в Омск. В Омске он последовательно занимал посты начальника снабжений, управляющего военным министерством и с 27 августа 1919 г. военного министра. В начале октября Будберг вышел из состава правительства и эвакуировался в Харбин, не дожидаясь наступившего вскоре окончательного разложения колчаковщины.

Дневник Будберга печатался в белом «Архиве русской революции» (тт. XII — XV). Начинается он записью от 7 октября 1917 г. (Архив, т. XII, стр. 197). Настоящее издание охватывает только омский период деятельности Будберга, как представляющий наибольший интерес для советского читателя. В самом тексте произведены незначительные редакционные опущения.

Место, занимаемое дневником Будберга среди существующей белой литературы о Колчаке, очень значительно. С дневником могут быть сопоставлены только записки Гинса,[1] но Гинс велеречив, апологетичен и местами просто привирает. Будберг отличается от Гинса и от всех прочих мемуаристов специфичностью

[1] Т. К. Гинс. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин. 1921 г., 2 тома.

избранной им литературной формы. Это поденные записи, подлинный дневник. Конечно, мы не можем быть уверены, что не была произведена последующая редакционная обработка этих записей или самим автором, или же редакцией «Архива». Это обстоятельство надо оговорить заранее. Но, во всяком случае, несомненно, что канва будберговского дневника составилась именно из поденных записей, быть может, и подвергшихся последующей редакционной шлифовке.

Определение политических убеждений и классовой природы автора дневника не представляет никаких трудностей. Этот представитель остзейского дворянства, старый кадровый офицер, не думает скрывать своих монархических симпатий. Летом 1918 г. Будберг находил, что «истинные, не показные только монархисты обязаны спрятать свои чувства и работать идейно для тех времен, когда реставрация станет неизбежной» (т. XIV, стр. 228). Во всем облике Будберга очень ярки черты кастово-дворянской «феодальной идеологии». Узнав о национализации банков, он записал в дневнике: «лично я всегда был против банков и считал их жадными пауками и родителями всевозможных спекулянтов, но принятая большевиками мера бьет по всем без разбора» (т. XII, стр. 262). В печатаемом тексте читатель найдет целый ряд выпадов против буржуазии и «буржуев». Эти выпады совершенно во вкусе той дворянско-бюрократической среды, из которой вышел сам Будберг.

То, что составляет интересное личное качество Будберга, это его п е с с и м и з м. Мы не знаем другого представителя белого движения, который в такой степени с самого начала не верил в возможность конечного успеха. Это придает совершенно особый отпечаток и всему дневнику. В дни кажущихся успехов Будберг, не без позировки, исполнял в белом лагере роль зловещей пророчицы Кассандры. Правда, под все свои наблюдения он так и не сумел подвести общей базы. Хищения, казнокрадство, атаманщина, разложение тыла, — все эти явления представляются Будбергу результатом ошибочной системы управления, результатом бездарности и глупости ответственных руководителей движения, только на самом исходе пришел он к некоему обобщению, запечатленному в записи от 23 сентября: «За нас состоятельная буржуазия, спекулянты, купечество, ибо мы защищали их материальные блага. . . Все остальное против нас, частью по настроению, частью и активно». В этой записи дана окончательная «политическая философия» автора, и надо признаться, что социальную базу колчаковщины он определил чрезвычайно метко. Даже это чисто эмпирическое обобщение должно было привести его автора к определенному выводу, что дело не в личных свойствах Колчака, не в бездарности Лебедева, не в Михайловых и Сукиных, а в целом общественном классе, карта которого была безнадежно бита еще в октябре 1917 года.

П. Щеголев.

1919 ГОД.

29 апреля. Прибыл в Омск; еле нашел какой-нибудь приют. Жара здесь совсем летняя, а пылища по самому первому разряду. Уличное освещение совершенно отсутствует, и для него нет никаких приспособлений, даже керосиновых. Весь день мыкался по ставке и разным лицам, пытаясь ознакомиться с обстановкой.

Выяснилось, что управления снабжений здесь нет, обязанности его даже не выяснены и все надо выдумывать и создавать заново при полном отсутствии кадров личного состава; все, сколько-нибудь годное, разобрано и сидит на местах.

В ставке невероятная толчея, свойственная неналаженному учреждению; в работе не видно системы и порядка; старшие должности заняты молодежью, очень старательной, но не имеющей ни профессиональных знаний, ни служебного опыта, но зато очень гоноровой и обидчивой. На один такт верный приходится девять неверных или поспешных; все думают, что юношеский задор и решительность достаточны, чтобы двигать крайне сложную и деликатную машину центрального управления.

Обстановка работы срочная, почему большинство невольных, по неопытности и поспешности происходящих ошибок приносит скверные и непоправимые результаты; кроме того, по быстротечности и изменчивости распоряжений ошибки эти самыми верхами почти не учитываются, и поэтому даже и опыта путем ошибок не накопляется. Низы же больно чувствуют разлаженность, неопытность и ошибки старшего управления, что порождает злобу, недоверие, насмешки, а, что еще хуже, привычку обходить нелепые и неприятные распоряжения и атаманничать.

Говорят, что на фронте по военной части благополучно, но плохо по части снабжений, особенно по вещевому довольствию (белье и обувь). Взгляды на внутреннее состояние армии здесь очень оптимистические, в полную противоположность тому, что

приходилось до сих пор слышать. Боюсь, что это нездоровый оптимизм, столь свойственный высоким сферам, далеким от действительности и питающимся прикрашенной информацией; старшие войсковые начальники тем же миром мазаны, тоже скрывают правду и замазывают свои грехи. Молодая, задорная, честолюбивая и бесконечно далекая от войск ставка сама не в состоянии разобраться и узнать истину.

30 апреля. Всю ночь работал над идеей и организацией моего рождающегося управления. Идея родилась в ставке вне времени и пространства; ставка недовольна снабжательской деятельностью военного министерства и хочет создать свой орган снабжений, но при данной обстановке это почти неосуществимо, так как фронтовые армии считаются отдельными и имеют свои органы снабжений; военное же министерство заготовками не ведает, ибо это почему-то отдано министерству снабжений.

При таких условиях управление снабжений при ставке будет только лишним этажом статистически-контрольного характера и ничего, кроме путаницы и увеличения переписки, не принесет. Надо в первую голову уничтожить отдельные армии и образовать управление снабжений фронта, как то полагается по «Положению об управлении в военное время»; сейчас не время заниматься новшествами и вырабатывать новые положения. Насколько узнал, борьба с армиями будет очень трудная, ибо командующие там совсем обатаманились и автономию в деле снабжений с сепаратными заготовками считают незыблемым основанием своего существования; власть Омска признается на фронте тоже «постольку-поскольку», и будет очень нелегко перевести всю эту атаманщину на государственный меридиан.

Познакомился со своими помощниками по артиллерийской и технической части; артиллерист генерал Прибылович произвел превосходное впечатление своими знаниями, энергией, отсутствием шаблона, идейностью взглядов, рыцарской преданностью своему делу и влюбленностью в свою работу.

Являлся верховному правителю; в Харбине его я ни разу не видал, знал о нем только по рассказам и внутренно был против него предубежден. Вынес симпатичное впечатление: несомненно, очень нервный, порывистый, но искренний человек; острые и неглупые глаза, в губах что-то горькое и странное; важности никакой; напротив — озабоченность, подавленность ответствен-

ностью и иногда бурный протест против происходящего — вот то, что дало мне наше первое свидание для его характеристики.

По просьбе адмирала рассказал ему свои впечатления о харбинской и владивостокской военной, политической и общественной жизни; высказал свое credo, что атаманы и атаманщина это самые опасные подводные камни на нашем пути к восстановлению государственности и что необходимо напрячь все силы, но добиться того, чтобы или заставить атаманов перейти на законное положение и искренно лечь на курс общей государственной работы, или сломать их беспощадно, не останавливаясь ни перед чем.

Адмирал ответил, что он давно уже начал эту борьбу, но он бессилен что-либо сделать с Семеновым, ибо последнего поддерживают японцы, а союзники решительно отказались вмешаться в это дело и помочь адмиралу; при этом Колчак подчеркнул, что за Семенова заступаются не только японские военные представители, но и японское правительство.

Боюсь, что по этой части адмирала обманывают его докладчики, а особенно Иванов-Ринов и другие спасители Семенова; общее впечатление моих дальневосточных впечатлений, что дальневосточную атаманщину поддерживают определенные лица японской военной партии и делают это ловко, придавая всему вид тайной правительственной поддержки.

Адмирал сообщил, что только что получил от Иванова-Ринова две листовых телеграммы о том, что все спасение Дальнего Востока в назначении Семенова командующим дальневосточной армией; очевидно, читинские фимиамы так вскружили голову бывшей полицейской ярыжке, что он возомнил, что в союзе с Семеновым ему легко будет забраться и повыше второго места на Дальнем Востоке.

Я вновь доложил адмиралу свое убеждение в необходимости раз навсегда разрешить атаманский вопрос и высказал свой взгляд, что единственным исходом будет официальное обращение ко всем союзникам с протестом против поведения Японии, поддерживающей явного бунтовщика, не признающего власти омского правительства, подрывающего ее авторитет и насаждающего своими насилиями и безобразиями ненависть к правительству и сочувствие к большевикам. Раз союзники заявляют, что не желают вмешиваться в наши внутренние дела, то зачем же они

допускают японцев поддерживать антиправительственную организацию и вмешиваться в отношения адмирала к взбунтовавшемуся и забывшемуся подчиненному?

Если же это не поможет, то самому адмиралу надо принять командование над отрядом и итти на Читу; пусть японцы устраивают всесветный скандал и разоружают самого верховного главнокомандующего. Читинский нарыв надо ликвидировать, иначе он все сгноит и задушит.

Радикальность предлагаемых мной мер смутила даже адмирала, и он перешел на отчаянное положение дела снабжений армии. На мой доклад о необходимости коренных реформ в организации армий, уничтожения сепаратизма и эгоистических автономий адмирал просил изложить это его начальнику штаба, так как это вопрос очень щекотливый и связанный с самолюбием старших фронтовых начальников, уже привыкших к большой самостоятельности.

Очевидно, что железный закон о том, что тот, кто хочет командовать, должен прежде всего уметь повиноваться, у нас основательно позабыт.

1 мая. Весь день бьюсь в попытках родить какую-нибудь идею и систему для общего управления снабжениями с возможно меньшей ломкой существующей организации. И адмирал, и ставка хотят вылечить тяжелую болезнь какими-то четверть-мерами.

Разведка с Дальнего Востока подтверждает, что там организовался тайный союз из Иванова-Ринова, атаманов и кандидатов в местные украинские гетманы (сначала Хрещатицкий, а затем Вериго), работающий во-всю, чтобы сделаться хозяином автономного Дальнего Востока с Риновым вместо Хорвата; существовавшие ранее предположения о заключении атаманского союза для установления казачьей гегемонии подтверждены опросом бежавшего от Семенова ротмистра Н., служившего в семеновской разведке. Получены сведения, что Ринов начал формирование украинских куреней, причем агенты-вербовщики сманивают молодых солдат из войсковых частей Приамурья.

2 мая. Читал пространное донесение полевого контроля при отряде атамана Анненкова, работающего к югу от Семипалатинска на границах Семиречья; порядки те же, что и у нас в Приамурьи; то же беззаконие, тот же произвол, то же нежелание перейти на легальные условия существования и хозяйства.

Я отлично понимаю, что сейчас недопустимы все крючкотворства прежней бюрократии, но между ними и тем, что сейчас всюду творится, есть разумная середина, достаточно законная и разумно целесообразная, безобразий не допускающая и делу не вредящая.

На вопрос контроля об оплате произведенных реквизиций Анненков ответил: «Я реквизирую, а кто будет платить — не мое дело».

К делу поставок в этом отряде примазались разные проходимцы и мошенники, выгнанные со службы и судимые за подлоги и растраты; всюду для грязных операций нужны грязные люди.

Перевод на легальный путь, конечно, очень нелегок, и с этим надо считаться; надо расширить разные денежные отпуски, а главное — надо дать всем начальствующим лицам крупные экстраординарные суммы в их распоряжение на непредвиденные расходы, с самой простой, только расписками, по ней отчетностью. Это уменьшит стремление к добыванию таких сумм сомнительными и нелегальными путями и сразу проведет резкую черту между тем, что законно и что нет. Эту идею сообщил дежурному генералу ставки для осуществления.

Вернулся с фронта начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Лебедев, выдвинутый ноябрьским переворотом на эту исключительно важную должность. Что побудило адмирала взять себе в помощники этого случайного юнца, без всякого стажа и опыта? Одни говорят, что таково было желание устроителей переворота; другие объясняют желанием адмирала подчеркнуть связь с Деникиным, который прислал сюда Лебедева для связи.

Впечатление от первой встречи с наштаверхом неважное: чересчур он надут и категоричен, и по этой части очень напоминает всех революционных вундеркиндов, знающих, как пишется, но не знающих, как выговаривается. На очередном оперативном докладе он поразил меня своим апломбом и быстротой решений; я это уже не раз видел во время Великой войны в штабах армий, где стратегические мальчики, сидя за сотни верст от фронта, во все мешались и все цукали. Здесь то же самое: такая же надменная властность, скоропалительность чисто эмоциональных решений, отмены отдаваемых армиями распоряжений, дерзкие окрики и обидные замечания по адресу фронтовых начальников,

и все это на пустом соусе военной безграмотности, отсутствия настоящего военного опыта, непонимания психологии армии, незнания условий жизни войск и их состояния. Все это неминуемые последствия отсутствия должного служебного стажа, непрохождения строевой службы и войсковой боевой страды, полного незнания, как на самом деле осуществляются отдаваемые распоряжения и как все это отзывается на войсках. От этого мы стонали и скрежетали зубами на большой войне, и опять все это вылезло, обло и стозевно, и грозит теми же скверными последствиями.

Большинство ставочных стратегов командовали только ротами; умеют «командовать», но управлять не умеют и являются настоящими стратегическими младенцами. На общее горе они очень решительны, считают себя гениями, очень обидчивы и быстро научились злоупотреблять находящейся в их руках властью для того, чтобы гнуть и ломать все, что не по-ихнему и им не нравится.

Понятно, почему так ненавидят на фронте ставку; все ее распоряжения отдаются безграмотными в военном деле фантазерами и дилетантами, не знающими ни настоящей, неприкрашенной обстановки, ни действительного физического и морального состояния войск, т. е. тех решительных коэффициентов, которые в своей сумме определяют боевую эффективность армий, их способность выполнения операции. Все делается без плана, без расчетов, под влиянием минутных импульсов, навеваемых злой критикой, раздражением, личными неудачами и привычкой цукать.

Забыто все, чему учила военная наука и академия по части разработки плана операций; плывут по течению совершающихся событий, неспособные ими управлять.

Из ознакомления с донесениями с фронта убедился, что дела там совсем не важны, и что оптимизм ставки ни на чем не основан. Достаточно разобраться по карте и проследить последние события, чтобы убедиться, что наше наступление уже захлебнулось и подкрепить его уже нечем. Здесь этого не хотят понять и злятся, когда это говоришь: слишком все честолюбивы, жаждут успехов и ими избалованы.

В районе Бугуруслана нас прорвали в очень опасном месте; этот прорыв уже третьего дня намечался группировкой красных

войск и их передвижениями, и мало-мальски грамотный штаб, конечно, в этом разобрался бы и принял бы необходимые меры. У нас же этого не расчухали, или прозевали, или не сумели распорядиться. Сейчас зато злятся, ищут виновных и рассылают обидные цуки.

Я считаю положение очень тревожным; для меня ясно, что войска вымотались и растрепались за время непрерывного наступления-полета к Волге, потеряли устойчивость и способность упорного сопротивления (вообще очень слабую в импровизированных войсках).

При таких обстоятельствах обозначившийся уже на левом фланге переход красных к активным действиям очень неприятен, так как готовых и боеспособных резервов у ставки нет; имеются совершенно сырые части генерала Каппеля, но для них нужно еще 2 — 3 месяца, чтобы они стали годными для упорных операций.

Ставка упорно закрывает глаза на то, что сброшенные как бы с боевых счетов красные вновь обозначились и не только затормозили наше продвижение, но уже сами начали нас кое-где толкать.

Плана действий у ставки нет; летели к Волге, ждали занятия Казани, Самары и Царицына, а о том, что надо будет делать на случай иных перспектив, не думали. Не хотят думать и сейчас; и сейчас нет подробно разработанного, систематически проводимого, надежно гарантированного от случайностей плана текущей операции. Не было красных — гнались за ними; появились красные — начинаем отмахиваться от них, как от докучливой мухи, совсем так же, как отмахивались от немцев в 1914 — 1917 гг.

Такая стратегия всегда вела к неуспеху и катастрофе; теперь же она сугубо опасна, ибо фронт страшно, непомерно растянут, войска выдохлись, резервов нет, а войска и их начальники тактически очень плохо подготовлены, умеют только драться и преследовать, к маневрированию неспособны и по этой части совсем безграмотны; кроме того, жестокие условия гражданской войны делают войска чувствительными к обходам и к окружению, ибо за этим стоят муки и позорная смерть.

Красные по военной части тоже безграмотны; их планы очень наивны и сразу видны; при мало-мальски грамотных начальниках и обученных маневрированию войсках всякую операцию красных

можно обратить в их разгром. Но у них есть планы, а у нас таковых нет, и в этом их преимущество.

Был у военного министра генерала Степанова; знаю его по артиллерийскому училищу; порядочный человек; старательный, но бесцветный работник; знакомство с адмиралом в Японии выдвинуло его на тяжелый пост военного министра.

Сейчас под него подкапывается ставка, сваливая на него все недостатки по снабжению армии. Вообще отношения между ставкой и военным министерством самые враждебные; обе стороны зорко шпионят одна за другой и искренно торжествуют и радуются, если супротивник делает промахи и ошибки; оказывается, что в общем моральном разложении можно было докатиться и до такой гадости.

Вот к чему приводит борьба за власть, за первенство; честолюбие, корыстолюбие, женолюбие слепят многих и заставляют забывать главное — спасение родины. В угаре этой борьбы в средствах не стесняются, а поэтому сплетня, провокация, ругань, возведение самых гнусных обвинений и распространение самых подлых слухов в полном ходу.

Степанов рассказывал, что Ринов прислал адмиралу ультимативную телеграмму о назначении Семенова командующим войсками, но получил решительный отказ с рекомендацией не пускаться в застращивания. Семенов остается командиром 6-го Сибирского корпуса (не отдельного), а все остальное предается забвению. По словам Семенова, представители японской военной миссии очень недовольны решительностью адмирала.

3 мая. Мое служебное положение запутывается; я никак не могу выработать сносную идею и сущность нового управления, а на меня свалили еще разработку вопроса о снабжении товарами и продовольствием населения местностей, освобождаемых от советской власти. Несомненно, это вопрос огромной важности, но он так велик и сложен, что на него одного надо посадить нескольких работников, а не поручать это мне, вдобавок к снабжению армий, когда имеется налицо целое министерство продовольствия и снабжения с колоссальными штатами и целой сетью агентов. Одновременно меня хотят назначить председателем совещания по фабрично-заводской промышленности. Все это очень интересно, но не могу же я разорваться!

Утром поехал к члену местной японской военной миссии

майору Мике, который в 1914 — 1915 гг. состоял при штабе X армии, когда я был начальником штаба армии; приказа о моем назначении еще нет, и я решил воспользоваться своим неофициальным положением и прежним знакомством с Мике, чтобы резко, определенно и без всяких экивоков высказать ему свое удивление по поводу того, что своим вмешательством в наши дела с Семеновым они не дают нам возможности справиться с опасной смутой и утвердить незыблемый авторитет новой государственной власти. Какими фиговыми листами ни прикрывай они дерзости и бунтарство Семенова, истина для всех ясна, и дерзость есть дерзость, бунт есть бунт. Копаться в этой истории поздно, и ее надо прикончить, но так, чтобы при этом не пострадал престиж власти и чтобы впредь уже никому не было повадно выкидывать такие фокусы.

Если Семенов действительно любит Россию, то обязан понять, что сейчас долг каждого поддержать Омск, помогать ему, ослаблять его промахи и всячески поднимать авторитет власти; будь он даже прав во всей этой истории, он обязан пожертвовать своим личным на общее благо, проявить полнейшее, беспрекословное, сугубо подчеркнутое повиновение и, забыв все, работать изо всех сил на общее русское дело, а не ради интересов читинского болота и его вздорных лягушек. Сейчас это его священный долг, дабы залечить ту глубокую и опасную рану, которую он по заносчивости нанес общегосударственной власти.

Все это я высказал Мике, причем подчеркнул, что сейчас главная задача правительства возможно скорее восстановить законность, порядок, уважение к власти и внушить населению уверенность, что народившаяся власть — это власть крепкая, честная, законная и сильная, способная заставить себя слушаться; нельзя позволять населению края продолжать жить в атмосфере произвола и насилий, ибо это делает его анархическим и толкает в объятия большевиков и злостных агитаторов. На Дальнем Востоке одним из крупнейших препятствий к водворению порядка и законности являются атаманы и окружающие их банды насильников, интриганов и темных жуликов, прикрывающих высокими и святыми лозунгами всю разводимую ими грязь и преследование личных, шкурных, честолюбивых, корыстолюбивых, чрево- и плотоугодных интересов. Для этих гадин восстановление порядка и закона все равно что появление солнца для ночных пресмы-

кающихся, ибо с восстановлением закона приходит конец их вольному, разгульному и развратному житью и кончается приток в их бездонные карманы безотчетных сумм, добываемых самыми темными путями.

Психология этих белых товарищей самая комиссаровская, но у них не хватает откровенности, и они драпируются в ризы любви к отечеству и ненависти к большевизму. Каторжный Калмыков двух слов не скажет, чтобы не заявить, что он идейный и активный борец против большевиков, а японцам должно быть лучше всех известно, с кем и какими средствами борется и расправляется этот хабаровский подголосок Семенова.

Нам нужно кончить с этими гнойными нарывами, но нам мешают японцы; становишься втупик, каким образом рыцарский народ, обещавший нам помощь, может поддерживать столь грязные и антигосударственные организации и ставить в такие невозможные условия центральное правительство, несущее такой тяжелый крест. Если Семенов нужен Японии для ее монгольских планов и для получения каких-либо концессий и других реальных выгод, то все это можно осуществить иными, лояльными путями, не вызывая у нас таких опасных внутренних воспалений, которые хуже всяких большевиков, ибо точат власть внутри, губят ее авторитет и хуже всякой красной пропаганды валят и дискредитируют и без того шаткий и неокрепший престиж Омска. Неужели же наши друзья японцы руководствуются девизом «divide et impera»? Я указал Мике, что у них достаточно агентов при Семенове и Калмыкове, чтобы знать, что делается в Чите, Даурии и Хабаровске, в атаманских юридических отделах и чрезвычайках; как грабится казенное добро, как продаются вагоны и какого сорта люди окружают Семенова и являются его советниками, представителями и уполномоченными.

Было тяжело говорить это иностранцам, но я считал, что это мой тягостный долг. Мике и пришедший затем полковник Фукуда охали и изображали на своих лицах удивление, как будто бы я сообщил им что-нибудь новое и чрезвычайно странное; оба заявили, что ничего подобного им неизвестно, на что я порекомендовал затребовать от своих агентов необходимые сведения и выразил надежду, что, разобравшись, японцы могут нам обратить Семенова в законное русло и сумеют очистить его от облепивших его гадов, ибо по всему, что известно о Семенове, опасен

не он, а окружающая и пленившая его клика, о которой выражаются, что в ней никого и заподозреть в порядочности нельзя.

Раз японцы видят в Семенове какую-то силу, то они, как его друзья и опекуны, должны немедленно и начисто избавить его от накопившейся вокруг него слякоти и мерзости, и тогда, если он не дутый пузырь и не голый король, а реальная и нравственная сила, должны помочь проявить эти качества в здоровом государственном направлении.

Говорил я по-военному резко, не стесняясь в выражениях; с половины речи я уже чувствовал, что мои собеседники сжались и очень изумлены, что все это им так откровенно высказывается; но я считал своим долгом заставить японцев хоть раз выслушать всю горькую правду и квалификацию их поведения.

Свой разговор с японцами я передал Бурлину и Лебедеву; доложил о нем и адмиралу; все были как-то удивлены и ничего не сказали.

Вред атаманщины это мое credo; я считаю, что она работает на большевизм лучше всех проповедей и пропаганды товарищей Ленина и Троцкого. На это явление надо смотреть в широком масштабе, беспристрастно, объективно и аналитически. Мальчики думают, что если они убили и замучили несколько сотен и тысяч большевиков и замордовали некоторое количество комиссаров, то сделали этим великое дело, нанесли большевизму решительный удар и приблизили восстановление старого порядка вещей. Обычная психология каждого честолюбивого взводного, который считает, что он решил исход боя и всей войны. Но зато мальчики не понимают, что если они без разбора и удержа насильничают, порют, грабят, мучают и убивают, то этим они насаждают такую ненависть к представляемой ими власти, что большевики могут только радоваться наличию столь старательных, ценных и благодетельных для них сотрудников.

Многие из них прямо мстят за потерянное, за поруганное, за перенесенное. Тогда надо быть откровенным и не рядиться в иные ризы, как, говорят, барон Унгерн, и в этом он симпатичен.

4 мая. Уперся в стену по вопросу о системе своего управления; перепробовал десятки вариантов и все без успеха. Кругом бессистемная, поспешная и малопродуктивная работа ставки; работают усидчиво, старательно, но пользы от этого никакой.

Причина в том, что при автономности армий роль ставки

какая-то никудышная, и вся она что-то вроде колоссального аппендикса, занятого сводками, регистрациями, статистикой и путанием во все фронтовые и тыловые дела.

Решил, что в такой обстановке я бессилен что-либо сделать, так как своей деятельности у меня нет, слушать моего совета никто не хочет (кроме одного Бурлина, который усердно работает, но тоже бессилен что-либо изменить). Мои откровенные отзывы о ставочной стратегии и порядках уже вызвали кое-где ворчания на тему о бесцельности выписки сюда такого мрачного пессимиста и озлобленного старорежимника, как генерал барон Будберг, известный-де своей неуживчивостью.

Попросил освободить меня от ставочной должности и дать мне или строевое назначение, или применить меня в качестве инспектора для ознакомления с фронтом, выяснения его нужд и недостатков и вырешения всех вытекающих из этого вопросов.

Я быстро все объеду, всюду загляну и всюду суну свой нос; определю, что и почему происходит, и укажу способы ослабления, исцеления; опыт по этой части у меня колоссальный, охватывающий все отделы и отрасли военного дела и войсковой службы. Сидеть же на явно нелепой и безопасной должности ради синекуры не в моих правилах.

Ездил к министру снабжения и продовольствия К. Н. Неклютину (из модернизированного купечества).

Это министерство играет теперь решающую роль в снабжении армии, так как, за исключением специально боевого снабжения, все остальные заготовки возложены на это вновь созданное ведомство. Военный министр ведает только боевым снабжением (вооружение, огнестрельные припасы и специальное техническое имущество), а по остальной части является только сверхкаптенармусом, принимающим заготовленное, хранящим его после сдачи и распределяющим. Что-то совсем новое и, как большинство омских экспериментов, совсем несообразное. Свалив империю, мы зело возлюбили разные реформы и ломки и во время величайшей войны под дудку штатских военных министров занялись самыми чудовищными экспериментами над армией и военным укладом; доморощенные Карно корявыми пальцами стали копаться в самых деликатных тканях войсковой организации и уничтожать все, что было не по сердцу разной тыловой сволочи из писарей, обозных и дезертиров, сделавшихся вдруг властью.

В результате в полгода ликвидировали старую русскую армию, обратив ее в распущенные орды насильников и грабителей, способных продавать врагу свое вооружение.

Но этот ужасный опыт ничему не научил; Омск вместо того, чтобы взять испытанное старое, — конечно, весьма не идеальное, но практически достаточно удовлетворительное, — и на нем продолжать работу, стал развивать серию шалых экспериментов и вводить самые радикальные новшества и реформы. Одной из самых крупных и самых неудачных явилось создание министерства снабжений и продовольствия в его современном виде. Заготовляет все это министерство, а отдувается за него военное министерство, на которое вешают всех собак за недостатки снабжения армии.

Никто на фронте и в тылу не знает сути новой реформы и за все недостачи проклинают военного министра, который ни в чем тут не виноват; нет, впрочем, виноват, но только в том, что потерял время и связь с правителем, катаясь неизвестно для чего в Харбин и Владивосток, и не сумел в течение пяти месяцев добиться уничтожения этого нелепого порядка.

Впечатление от беседы с Неклютиным довольно пестрое; он видимо увлечен новостью своего министерского положения; наполнен благими намерениями улучшений; говорит, что знает и осуждает ошибки своего предшественника; многоглаголив, щеголяет кстати и некстати специфическими торговыми словечками, желая придать себе деловую форму; излишне оптимистичен; высказал, что считает необходимым круто свернуть с пути своих предшественников, которые хотели кипучее дело снабжений быстро растущей и импровизируемой армии вогнать в заплесневелые рамки старых бюрократических порядков; высказал также, что считает необходимым привлечь к делу поставок крупные торговые фирмы и биржевые комитеты.

Дай бог, чтобы его благие и, повидимому, искренние намерения осуществились и чтобы его неопытные руки сумели сломать старые порядки, удалить всю наросшую на дело снабжений грязь и нечисть и справиться со всеми прорехами и язвами его министерства.

Я ему откровенно высказал свое убеждение в нецелесообразности существования двух ведающих снабжением министерств, но добавил, что теперь не до новых ломок и преобразований, и

что надо недостатки организации пополнить дружной и согласованной работой и частичными, неторопливыми поправками.

Получил от Неклютина копию доклада главного начальника Уральского края Постникова о состоянии вверенного ему края; ужаснулся аналогии со всем тем, что происходит у нас на Дальнем Востоке: полное падение авторитета власти, вызванное нечистоплотностью ее представителей; то же засилье распущенных военных начальников; то же полевение народных масс, неудовлетворенных бесполезностью и гнилостью власти. При всем своем пессимизме я не ожидал, что и здесь так же плохо и что и тут, много ближе к власти и к арене ожесточенной борьбы, развертывается такая же безнадежная, гнетущая и грозная по своим неизбежным последствиям картина.

На фронте неважно. На Уфимском направлении один из украинских куреней (здесь тоже допустили эту нелепицу) перебил офицеров и перешел к красным. Несмотря на то, что в Западной армии дела совсем плохи, Сибирская армия продолжает наступление на запад. Ставка на все это взирает и, повидимому, не вмешивается, очевидно, неспособная понять, что неуспехи на фронте Западной армии глубже и опаснее, чем это им кажется, и что надо очень и очень об этом подумать, подобрать вожжи и выработать план действий сообразно слагающейся обстановке.

На оперативном докладе 27 — 30-летние генералы, не видевшие фронта, очень решительно ругают неуменье и нераспорядительность фронтовых начальников. Пока что, вместо того, чтобы остановить Сибирскую армию и сообразить, что же дальше делать, сорвали с места и экстренно гонят на фронт, на затычку разных дыр и слабин, совершенно неготовые к бою части генерала Каппеля и бывшие в тылу конные части. Этим сырьем дела поправить нельзя, затычки и заплатки не помогут, но зато части быстро истреплются и сделаются неспособными к бою; ведь опять-таки недавний еще опыт германской войны дал нам десятки печальных примеров такой стратегии.

Ясно, что наше наступление выдохлось, а красное началось; нужно это учесть и принять сильные меры, а не отмахиваться и затыкать пробиваемые во фронте дыры. На мои замечания ставочные вундеркинды удивленно косятся и небрежно замечают, что победы под Пермью, Уфой и в других местах одержаны еще более сырыми частями; они не способны понять разницы в обста-

новке и разницы боевого качества милиционных частей при успешном наступлении от такового же — при начавшихся неудачах, отступлении и необходимости упорной и стойкой обороны; к последней не были годны красные; не годны к ней и мы; значит, надо отходить, вытянуть резервы, дать им отдохнуть, дойти до выработанного исходного положения для нового наступления и тогда уже перейти в таковое.

При милиционных армиях теперешнего состава иной стратегии быть не может.

Собранные мной сведения дают самую безотрадную картину снабжения армии вообще и по части летней одежды, белья и обуви в особенности.

5 мая. По приказанию адмирала делал доклад совету министров о положении дел на Дальнем Востоке; предупредил членов совета, что докладываю разрозненные наблюдения обывателя; изложил свой взгляд на атаманщину и на ее гибельное значение для Омска и для всего дела восстановления разрушенной государственности. Указал на известные мне ошибки представителей дальневосточной власти, которые сделали слишком много для того, чтобы подорвать в корне нравственный престиж и реальный авторитет восстанавливаемой государственности, сделать ее одиозной в глазах местного населения и бросить его в объятия большевиков. Рассказал про порядки заготовки снабжения, про развал транспорта и пр.

Обвеянный старым чувством уважения к «совету министров», т. е. к ареопагу государственной мудрости и опыта, я вначале чувствовал себя очень смущенно, как будто бы на экзамене, и не успел даже рассмотреть, как следует, своих слушателей.

Полученные от армии сведения о состоянии снабжений дают самую отчаянную картину; самое скверное в том, что нет надежды на скорое улучшение, ибо все заказы с большими опозданиями размещены на востоке, срочность исполнения не обеспечена, а транзитный транспорт сократился почти вдвое, так как восстание в Енисейской губернии остановило ночное движение на всем Красноярском участке, и Иркутский узел все более и более забивается не пропускаемыми на запад поездами.

Считаю, что и ставка и военное министерство виноваты в том, что допустили передачу вещевого снабжения в постороннее министерство, не связанное ничем с армией, не понимающее ее нужд,

работающее вялым, бюрократическим темпом. Военные должны были соображать, что нельзя иметь голую армию, что и обязывало их не довольствоваться разговорами и обещаниями снабжательных штатских и принять такие меры, чтобы недостатка в вещевом снабжении не было; тут уж можно было ломить во-всю, не считаясь ни с расходами, ни с контролем, ни с какими препятствиями.

6 мая. Привезли офицеров штаба 21 красной дивизии, сдавшихся около Ижевского завода; по их показаниям, у красных служат Шейдеман, Мартынов, Морозов, Суворов, Раттель, Парский, Надежный, Величко и др.

Верховный правитель едет в Екатеринбург на съезд представителей фабрично-заводской промышленности Уральского района, на котором думают разобраться в положении этого края и разрешить вопросы по восстановлению разрушенной уральской промышленности.

Поздновато спохватились, так как положение на фронте Западной армии делается тревожным; к сожалению, ставка смотрит на все это очень легкомысленно, как на временный неуспех, и уверена, что с вводом в дело отправляемых туда резервов все будет исправлено. Оптимизм такой, что делаются все приготовления по переезду ставки в Екатеринбург.

Адмирал предложил мне ехать с ним на екатеринбургский съезд, чему я очень обрадовался, так как это дает возможность близко познакомиться с положением Урала, с видными представителями местной промышленности и общественности, а в Екатеринбурге увижу прославленные резервные формирования Сибирской армии.

Восстановление Урала имеет, несомненно, колоссальное значение, и военное и государственное, ибо если с божьей помощью дойдем до Волги и перекатимся за нее, то при помощи уральских заводов избавимся от иностранной помощи по части снабжений, дадим населению работу и возродим к жизни огромный промышленный район, который долгое время, впредь до восстановления южных и среднерусских районов, должен будет питать всю Россию и всю Сибирь. Перспективы тут открываются грандиозные, и реставрация Урала должна быть начертана и осуществлена в огромном масштабе, не жалея средств. Урал должен стать новым сердцем новой России.

7 мая. Еду в поезде верховного правителя в Екатеринбург.

Адмирал мрачен и утомлен; молчит и только сверкает глазами. Вся свита почтительно молчит; я пытался разговорить адмирала, желая узнать от него планы по действиям на фронте, познакомиться с общей политической обстановкой и вообще разобраться в том, что такое представляет собою наш верховный правитель и главнокомандующий. Однако все мои попытки оказались тщетными, что меня очень огорчило, так как я очень рассчитывал на дни переезда, свободные от назойливой текущей работы и очень удобные для обсуждения вопросов, планов и задач будущего и проверки работы прошлого.

Дорога Омск — Тюмень — Екатеринбург в порядке, на станциях чисто.

8 мая. Утром прибыли в Екатеринбург; на вокзале встречены командующим Сибирской армией генералом Гайдой; почетный караул от ударного имени Гайды полка с его вензелями на погонах, бессмертными нашивками и прочей бутафорией; тут же стоял конвой Гайды в форме прежнего императорского конвоя.

Все это очень печальные признаки фронтового атаманства; противно видеть все эти бессмертные бутафории, достаточно опозоренные в последние дни агонии старой русской армии; еще противнее вместо старых заслуженных вензелей видеть на плечах русских офицеров и солдат вензеля какого-то чешского авантюриста, быть может и храброго, но все же ничем не заслужившего чести командовать русскими войсками.

Сам Гайда, ныне уже русский генерал-лейтенант, с двумя Георгиями, здоровый жеребец очень вульгарного типа, по нашей дряблости и привычке повиноваться иноземцам влезший на наши плечи, держится очень важно, плохо говорит по-русски. Мне — не из зависти, а как русскому человеку — бесконечно больно видеть, что новая русская военная сила подчинена случайному выкидышу революционного омута, вылетевшему из австрийских фельдшеров в русские герои и военачальники. Говорят, он храбр, но я уверен, что в рядах армии есть сотни наших офицеров, еще более храбрых; говорят, что он принес много пользы при выступлении чехов, но ведь это он делал для себя, а не для нас; вознаградите его по заслугам, и пусть грядет с миром по своему чешскому пути; что он нам и что мы ему, он показывает это достаточно своим исключительно чешским антуражем, тем чешским флагом, который развевается у него на автомобиле, теми симпа-

тиями, которые он во всем проявляет к чехам, всячески их поддерживая. Не могу дознаться, кто подтолкнул Омск на такое назначение, которое обидно, бесцельно, а может быть и вредным; то, что я слышал про Гайду в ставке, убеждает, что это тоже крупный атаман, сумевший поблажками, наградами, подачками и возвышениями приобрести известные симпатии и образовать обширные кадры преданных ему лиц; такие революционные случайности понимают, что они случайны, и обыкновенно запасаются обязанными людьми для борьбы с разными течениями и деградациями. Вырастают эти бурьяны легко, а вырываются с великим трудом.

Начальником штаба у Гайды состоит генерал Богословский, цыганистый брюнет, вид энергичный, глаза неглупые; говорят, что по части боевого управления все лежит на нем, и что распоряжается он толково.

Отпустив почетный караул, адмирал с Гайдой и встречавшими генералами ушел в свой вагон; меня туда не пригласили, что меня удивило, потому что все же я один из старших здесь генералов генерального штаба, с известным именем и с очень обширным военным стажем, пройденным достаточно почетно и заметно; вызван на вторую по значению должность в ставке, и по всему этому не могу быть лишним ни при каком докладе или разговоре, если даже не для совета, то для личной ориентировки. Получается впечатление, что фронт это личное дело адмирала, Гайды и других.

Спустя некоторое время поехали в штабы армии; ехали на автомобиле, а за нами довольно расхлястанно неслись и по скверной мостовой портили лошадей гайдовские конвойцы. Адмиралу это претило, и он два раза останавливал автомобиль и приказывал Гайде отправить конвой домой, но Гайда очень развязно и с видом хозяина заявил, что это у него так принято, и безумная скачка продолжалась.

Только на третий раз, когда адмирал остановил автомобиль и, поблагодарив конвой, приказал прямо начальнику конвоя ехать домой, его приказание было исполнено, но сопровождалось усмешками и пожиманиями плеч чешских адъютантов Гайды.

Тут я понял, что мы в центре своеобразной атаманщины.

В штабе армии был сделан оперативный доклад и прочитаны сводки о ходе действий в Западной армии. Я был ошеломлен

подавлен тем, что в тоне докладывавших (какой-то полковник, ген. Богословский и сам Гайда) сквозило несдерживаемое удовольствие по поводу неудач в Западной армии и усердно подчеркивались свои, довольно проблематичные при общем положении фронта, успехи.

Я знал, что между штабами армии раздор и нелады, но никогда не думал, что дело зашло так далеко.

В ставке я сразу заметил, читая донесения штабов армий, что между ними существует антагонизм, вызванный, несомненно, соперничеством по части успехов и ссорами по вопросу о распределении сообщений; кроме того, как мне объяснили в ставке, сибиряки — представители восставших против большевиков офицерских организаций — относились вообще очень пренебрежительно к Западной армии, как преемнице народной армии Комуча.

За оперативной сводкой последовал совершенно абсурдный доклад о развитии наступления безостановочным движением на Москву, куда генерал Пепеляев обещается и обязуется вступить не позже, чем через полтора месяца. И все слушали и радовались. Я хотел доложить свой взгляд на невозможность этого проекта, но адмирал, под давлением Гайды, не дал мне слова, сославшись на то, что надо торопиться, чтобы не опоздать на парад всех войск гарнизона.

Трудно было ожидать полководческих талантов и приличного понимания широкого военного дела от бывшего австрийского фельдшера и подчиненных ему 28 — 30-летних генералов, видевших настоящую войну в роли взводных командиров; но можно было ожидать в них хоть сколько-нибудь практической сметки и здравого смысла. Пришлось увидеть, что руководство операциями целых армий находится в руках младенцев, очень дерзких и решительных, но смотрящих на дело со ступеньки ротного командира и думающих только о своем приходе и о своих фантазиях.

Им совершенно все равно, что фронт Западной армии трещит; они забывают даже свою собственную невысокую оценку боевых качеств этой армии, расстроенной, раздетой, истомленной длительным зимним походом и неспособной остановить наступление красных; им и в голову не приходит, что при таком стратегическом положении невозможно и мечтать о про-

должении фантастического полета через Вятку на Москву. Нечего и говорить уже (это выше их понимания) о невозможности наступления при печальном, частично даже катастрофическом состоянии снабжения, при расстройстве транспорта, при неблагополучии в тылах, при необходимости ввести наши войска в изнывающие от голода губернии, где не только ничего нельзя достать, но надо всех подкармливать...

Для всей этой молодежи этих препятствий не существует; она привыкла иметь дело с ротами и отрядами, все расчеты стоят на этой зарубке.

Было обидно, что адмирал всему этому верил и радостно улыбался, когда ему повествовали, как Пепеляев под гром колоколов будет вступать в Москву; ведь если мы будем строить все на таких проектах, то легко добраться и до возможности потерять самую возможность когда-либо увидеть эту Москву.

Поехали на парад; по дороге я пытался вкратце доложить свой взгляд на невозможность пока московского похода, но радостно настроенный адмирал рассмеялся и сказал, что когда я ближе познакомлюсь с армиями, то уверую в эту возможность.

Моего возражения, что тут дело не в армиях, а в непреодолимых условиях того, что в военной науке называется общим именем «обстановки», адмирал даже не выслушал.

Войск на парад вытащили много, говорили, чуть ли не до 25 — 30 тысяч, но я предпочел бы видеть один настоящий полк старого порядка; среди разнообразных форм неприятно поражали чешские колпачки ударных полков, заменившие наши фуражки (уверяют, что колпачки легче шить).

Некоторые части одеты в английское обмундирование, доставленное генералом Ноксом, и в массе выглядят аккуратно и для неопытного глаза даже внушительно; остальные части одеты порядочными оборванцами. Самое скверное то, что все направлено на то, чтобы сколотить части по внешнему виду, а на отдельных солдат не обращено должного внимания. Это всегда было скверно, ну а теперь это основание верного неуспеха, ибо теперь нужны не боевые квадраты из дрессированных единиц, а подготовленные к бою отдельные единицы.

Выведенные сегодня части готовы для строевых учений, для церемониала, ну а для боя это только толпа неготовых совершенно людей со всеми ее недостатками. Нужно еще 2 — 3 месяца

усиленной полевой работы со взводами и ротами, чтобы эти части были готовы для боя. Я обошел все части сзади; все лучшее поставлено в головы колонн, а в середине и в хвостах стоят какие-то михрютки, одетые в только что им выданную и плохо пригнанную одежду; снаряжение нацеплено кое-как, без всякой пригонки — доказательство отсутствия внутреннего порядка и работы взводных командиров.

Церемониальным маршем, на который, видимо, части долго натаскивались, прошли гладко и вызвали этим общий восторг; адмирал улыбался, а свита охала и восхищалась. Я же поверг адмирала в изумление, когда на обратном пути к вагону высказал ему свое сомнение в боевой пригодности этих частей, так как они пока что хороши только для массовых построений и церемониального марша; он ничего мне не сказал, потемнел и начал нервно курить. Опять доказательство моего пессимизма!

Когда в вагоне я высказал такое же мнение начальнику охраны верховного правителя генералу Попову, восхищавшемуся парадом, то он мне сказал: «Ну, ведь вы известный пессимист, вам ничем не угодить». Я ему посоветовал повлиять на адмирала, чтобы он смотрел части на маневре, а не на церемониальном марше, и добавил, что во мне говорит не пессимизм, а большой навык разбираться в качестве войск и способность по мелочам видеть многое существенное и не обманываться наружным лоском и дрессировкой; я ему рассказал свои наблюдения при обходе войск, когда, между прочим, мне пришлось видеть два случая битья солдат офицерами за то, что при проходе адмирала они не поворачивали, как полагается, головы, — уж одно это дает мне право на многие печальные выводы.

За завтраком Гайда жаловался на недостаток опытных старших начальников, но промолчал, когда я заметил, что фронт все время возвращает назад посылаемых ставкой старых командиров полков, дивизионов и батарей, ссылаясь на то, что все освобождающиеся вакансии есть законное достояние самих частей для выдвижения тех, кто с самого начала борется с большевиками. В виду такой позиции фронта я уже предложил в ставке провести приказ о том, чтобы все фронтовые начальники, деградируемые присылкой старших, продолжали получать все содержание по оставляемой должности.

После обеда Гайда возил адмирала в чешскую мастерскую-

фотографию, великолепно обставленную; судя по тому, что показывали адмиралу, фотография работает главным образом для Гайды, уготовляя ему великолепные по исполнению альбомы Урала и военных действий, с крышками из разных уральских пород, украшенных уральскими самоцветами; всюду гербы Гайды поверх опрокинутых вниз головами императорских и королевских орлов и с надписью «ex libris P. Gaidae». Исполнение высокоартистическое и, несомненно, на русский казенный счет, ибо жалования не хватит, чтобы все это оплатить.

Главным начальником снабжений у Гайды состоит бывший командир 27 корпуса генерал Рычков; по его словам, чрезвычайно трудно наладить дело снабжения при наличном командном составе и при установившихся на фронте привычках, ибо все доморощенные полководцы ничего не понимают в устройстве тыла и в необходимости правильной его работы, не понимают, не знают и не хотят понять или узнать. Они думают, что достаточно приказать, а еще лучше пригрозить — и все сделается, как по щучьему велению.

О тыле и снабжении они вспоминают только тогда, когда от забвения о них становится совсем плохо, и тогда начинают искать виноватых; обыкновенно все кончается сваливанием вины на тыл и военное министерство.

Законы, нормы, необходимость экономии и удержа от бесцельных расходов забыты совершенно, для большинства распоряжений основанием служит преимущественно собственное усмотрение и размашистый атаманский произвол. Неудержимо продолжают жить привычкою первого периода восстания против красной власти, когда все добывалось с боя или бралось из местных средств по праву сильного. Переходить на законные формы военного хозяйства и отчетности не хотят прежде всего армейские верхи, а за ними тянется и все остальное; люди распустились и привыкли жить вне всяких норм, руководствуясь только собственным хотением; такие порядки быстро и глубоко въедаются, и искоренить их можно только силой.

Силы же налицо нет, ибо Омск импотентен, а командующие армиями ни малейшим образом не намерены самообуздываться и обуздывать подчиненных. Внутренней, идейной дисциплины, способной заставить подчинить общему свое личное, — нет. Гайде, например, вздумалось иметь конвой в старой императорской кон-

войной форме, и на это, по его приказу, истрачено свыше трех миллионов рублей.

Та же распущенность царит и дальше. Пепеляев захватил все запасы, найденные в Перми, и не хочет ни с кем делиться; он же заставил все местные заводы работать только на свой корпус; Гривин, Вержбицкий, Казагранди делают то же самое и не исполняют ничьих приказаний; благодаря этому в одних частях архиизбыток, а в других — голод и нищенство.

Все попытки учесть военную добычу и обратить ее на общее снабжение безрезультатны и вызывают самые острые протесты и даже вооруженное сопротивление; чинов полевого контроля гонят вон, грозят поркой и даже расстрелом.

Гайда захватил единственную на всю Сибирь суконную фабрику, обозные мастерские — все то, чего нет в Западной армии, и не дает последней ни одной шинели, ни одной повозки или походной кухни; в ответ на это Западная армия прижимает Сибирскую, не давая ей фуража и гречневой крупы. Все распоряжения главного и полевого интендантов армиями игнорируются и не исполняются.

Очевидно, что при таких условиях организация правильного, основанного на законе и на опыте военной науки снабжения совершенно невозможна. Доморощенные Бонапарты из недавних ротных командиров никогда не видали Положения о полевом управлении войск, считают его пережитком, а самое знакомство с ним совершенно ненужным.

Все должности хозяйственные и интендантские заняты полными невеждами своего дела.

9 мая. День отдыха; адмирала уговорили отдохнуть, и наш поезд передвинули на ближайшую станцию Исеть, где предлагали организовать охоту и рыбную ловлю, но скверная погода нарушила все эти планы.

Разбирался во вчерашних впечатлениях и пришел в мрачное настроение: вражда между армиями, легкомысленность и легковесность основных распоряжений, втирание очков начальству показной стороной резервных частей, совершенно не готовых к бою, но на которых основываются серьезные планы очень рискованных операций; невероятный хаос в деле снабжений и почти никакой надежды на возможность улучшения и, наконец, несомненность атаманщины разных калибров и отсутствие настоя-

щей дисциплины — вот печальный вывод впечатлений вчерашнего дня. Скверно и то, что верховный правитель едва ли в состоянии сломать все это и навести настоящий порядок: очень уж он доверчив, легковерен, несведущ в военном деле, податлив на приятные доклады и заворожен теми, кто говорит ему приятное и в оптимистическом тоне.

Вечер провел в обществе управляющего пароходством Богословского горного округа Федотова, который познакомил меня с современным положением Урала, дал деловую характеристику наиболее видных уральских деятелей, рассказал про возмутительную деятельность омского военнопромышленного комитета, про мерзости и беззакония, творимые местными агентами министерства продовольствия и снабжения.

10 мая. Вернулись в Екатеринбург; вечером состоялось открытие съезда представителей фабрично-заводской промышленности Урала и Приуралья; собралось свыше 500 человек; приехали званые и незваные, так как съезд несомненно возбудил огромный интерес и породил надежды на то, что новая власть постарается справиться со всеми бедами и язвами, разъедающими и добивающими местную промышленность.

Надежда на нового барина, который приедет и рассудит, одна из основных в обиходе русского человека. Жалко только, что съезд созван наспех программы работы до сих пор нет. Адмирал очень заинтересован съездом и надеется, что при его помощи можно будет многое сделать.

Задача предстоит грандиозная: надо восстановить разрушенную уральскую промышленность и поставить ее в здоровые и прочные условия работы, подвоза, снабжений и сбыта; это придает съезду не только всероссийское, но даже и мировое значение, ибо только здесь, на Урале, и возможно быстрое и срочное восстановление и начало новой, по внешности и по духу центральной для всей России промышленности.

Урал и Приуральский район, при их неисчерпаемых богатствах, при центральном положении, при выполненных за время войны огромных технических улучшениях, при наличии собственного, поколениями связанного с заводами и промыслами населения, имеют перед собой ослепительное будущее. Нужно твердо, талантливо, даже вдохновенно наметить новые, нешаблонные пути реставрации, перерождения и новой жизни.

Первое заседание открыл адмирал; старались, чтобы вышло торжественно, но спешка и отсутствие организации обратили все в смятку.

Речь верховного правителя была им прочитана; составлял ее, кажется, назначенный председателем съезда член совета министров Г. К. Гинс. Речь не яркая, не выпуклая, видимо, наспех набросанная; голос у адмирала, глухой, невыигрышный, еще более терял в огромном сыром зале с железобетонным потолком. Речь приветствовали овациями, вызванными, несомненно, большими надеждами, связанными со съездом.

Съезд начался очень чинно и деловито; Гинс председательствовал мастерски; заседание мало напоминало наши бурливые, бранчливые говорилки.

Несомненно, серьезность задачи, тяжести пережитого воодушевляли деловых людей, а военное положение и общее настроение сдерживали столь обычных у нас ораторов, делающих такие съезды ареной для своего красноречия и для выявления своей оппозиционности и демократических чувств. Видно было, что все заявления и разъяснения были поручены двум главным ораторам — бывшему главному начальнику Уральского края С. С. Постникову и председателю бюро горнопромышленников Европеусу.

Обедали у Гайды в шикарном особняке суконного фабриканта Злоказова. Я сидел с шибко лезущим вверх генералом Сахаровым, сотрудником Нокса по устройству Владивостокской офицерской школы, автором проекта создавать молодых офицеров краткосрочным обучением. Судя по его деятельности, он по идеологии недалеко ушел от блаженной памяти графа Аракчеева; по словам профессора Николаевского инженерного училища генерала Ипатовича-Горанского, Сахарова в училище звали бетонной головой; внешний вид его подходит к этому названию, внутреннее содержание, повидимому, тоже. Он влюблен в Иванова-Ринова и заявил мне, что тот представляет крупного государственного человека. Оба они держиморды аракчеевского типа и оба были бы хорошими командирами дисциплинарного батальона, где их «государственные» качества нашли бы отличное применение. В Омске на эти типы спрос; неспособная рассуждать стремительность нравится, и в ней видят залог твердости и успеха.

Глубоко печально, что главные персонажи омского градо-

начальника одурели от своего высокого положения и думают, что курс на непреклонность и на держиморд может привести к успеху; твердость власти — не значит угрюм-бурчеевщина.

11 мая. Весь день ушел на посещение многочисленных секций съезда; всюду бросается в глаза плохая приспособленность к продуктивной деловой работе; ни в одной из секций не видел опытного и делового председателя, умеющего руководить собранием; масса времени уходит на жевание разных пустяков, на не идущие к делу разговоры и на препирательства по частным стычкам; отовсюду лезет личное и давит общее, и, в результате, из-за деревьев леса не видно.

Вечером отправился на заседание бюро горнопромышленников, объединяющего все крупные заводы и горные округа Урала; здесь обстановка деловая; видно, что люди умеют ценить время; выступавшие докладчики обрисовали невозможность работать при той обстановке, которая сейчас здесь создалась; точек на і не ставили, но было ясно, что главное препятствие — это порядки, установленные местными военными властями, и что если бы заводы и Урал освободить от этой опеки, то они сами бы даже справились со своими бедами.

Я уже утром имел все данные о том, что̀ нужно в первую очередь, чтобы помочь уральской промышленности, и на совещании с главным начальником военных сообщений генералом Касаткиным и товарищем министра продовольствия и снабжения Мельниковым выработал ряд мер, кои могли оказать необходимую помощь. Утром же были отданы все распоряжения по осуществлению этих мер, так что на заседание бюро мы поехали не только с уже готовыми, но уже исполняемыми решениями; я знал, что это должно произвести сильное впечатление и сразу поднять авторитет власти.

Я доложил бюро, что армия и страна ждут от Урала и его промышленности и что решили сделать и уже сделали для того, чтобы помочь краю выполнить предъявляемые к нему задачи и освободиться от угнетающих его зол и бедствий; я просил бюро коротко и определенно сказать, что им еще надо, а мы ответим, что из этого возможно и осуществимо, и тогда из сопоставления вопросов и ответов выяснится скелет плана деловой работы. Пока же осведомил бюро, что вопросы по подаче на заводы продовольствия, по предоставлению горным округам маршрутных поездов

в Сибирь и на Дальний Восток и по праву горных округов иметь свои вагонные парки и ремонтированные локомотивы для местных заводских перевозок уже разрешены так, как того хотели представители Урала.

Что касается упреков правительству в бессистемности, а подчас и абсурдности распределения казенных заказов, то это уже учтено, сознано и для устранения сего на будущее время решено учредить должность особоуполномоченного по уральской промышленности, который объединит все заказы, все народы и получит огромные полномочия по снабжению заводов и фабрик продовольствием, сырьем, топливом, рабочими руками и средствами транспорта.

Речь моя закрыла все фонтаны критического по адресу правительства красноречия и вызвала ответную речь председателя с выражением радости и удовлетворения, что правительство стало сразу на такой деловой и разумный путь.

Заявления эти я сделал, но очень боюсь, что наши благие намерения при исполнении будут очень пощипаны, когда столкнутся на фронте с атаманскими замашками и приемами Гайды, Пепеляева и К°, а в тылу с порядками омских канцелярий и министерства удовольствий и самоснабжений. На наше несчастье главные заводы лежат в районе Сибирской армии, и придется выдержать серьезную борьбу, прежде чем добиться установления должного порядка в распределении заказов, сырья, топлива и вагонов так, чтобы удовлетворить и автономные требования армий, и министерство продовольствия и снабжений, и министерство путей сообщения, и тыл, и население; попробуйте сейчас достать вагоны в районе заводов, захваченных Пепеляевым, или уголь в районе господства Гайды и направить их в нуждающийся в вагонах и угле район Белорецких заводов Западной армии! Ставка несколько раз пробовала брать в свои руки распределение запасов и ресурсов общей потребности, но каждый раз терпела полное фиаско — открытого сопротивления, конечно, не было (по внешности у нас утрированная дисциплина), но приказы забывались и не исполнялись. Я попробовал другой способ, а именно, переговорил с Рычковым, начальником сообщения армии, и разными инспекторами на тему о необходимости солидарной между армиями работы и взаимных уступок, конечно, не без профита в сторону того, кто является территориальным хозяином местных

запасов; раз нет силы — приходится улещевать и торговаться.

Вечером узнал от генерала Касаткина причины, побудившие ставку выбрать северное направление для развития решительного наступления против красных. Для нас, сидевших в тылу, выбор этого направления был всегда непонятен, так как казалось, что по всей обстановке следовало двигаться через Уфу и Оренбург на Самару и Царицын на скорейшее соединение с уральцами и Деникиным.

Касаткин дал мне доклад ставки, составленный согласно решению совещания высших чинов ставки, на котором все высказались за преимущества северного направления. Оказалось, что в ставке (как говорят, со слов Лебедева) не верят в силу и устойчивость армии Деникина и считают ее ненадежной; если правда, что таково заявление Лебедева, прибывшего от Деникина, то выходит, что последний выбрал довольно плохого доверенного; я лично никогда не поверю, чтобы южные формирования были хуже наших, сибирских.

Затем в докладе указывается, что население южных губерний по нижнему течению Волги тоже мало надежно для производства там прорыва и мобилизаций, так как там много рабочих и бродячей вольницы; железные дороги юга считаются также очень потрепанными и лишенными подвижного состава, что делает невозможным базирование на них при общем наступлении к Москве.

Казанско-вятский фронт ставочными стратегами оценивается по той же схеме несравненно более благоприятным; считают, что население здесь крестьянское, более спокойное и, как уверяют, чуть ли не монархическое; железные дороги считаются менее потрепанными, а самое наступление прикрыто с севера малодоступными лесами и болотами.

Оценка ставки однобока, искажена и могла убедить только очень малограмотных людей. Очевидно, кому-то надо было доказать выгодность северного направления, а потому и разукрасили этот вариант и всячески опорочили его конкурента. Прежде всего южное направление создавало, по соединении с Деникиным, общий фронт, усиливало обе ныне разъединенные стороны, давало возможность распределить более целесообразно личный состав обоих фронтов. Наступление в этом направлении прикрывало верные нам районы уральских и оренбургских казаков, создавало

спокойный тыл, давало возможность использования богатств Троицко-орского района (зерно, фураж и скот), открывало возможность навигации по Каспийскому морю и подвоза через Кавказ. Страхи по поводу населения южных приволжских губерний преувеличены, ибо куда бы мы ни пришли, принеся с собой хлеб, порядок и отсутствие опасности восстановления прежнего, нас везде встретят с ликованием.

Дороги юга расстроены не меньше северных, но на них нет таких мостов, как на северном направлении, где разрушение нескольких из них выводит из строя всю магистраль; наконец, починка дорог при владении Новороссийском и Ростовом значительно легче для южного направления.

Маленькие люди в ставке говорят, что северное направление избрано под влиянием настойчивых советов генерала Нокса, мечтавшего о возможно скорой подаче английской помощи и снабжении через Котлас, где существовало прямое водное сообщение с Архангельском, куда уже прибыли значительные английские запасы.

Все это было очень заманчиво, но не могло быть поставлено во главу угла, ибо в конце концов имело за собой больше «нет», чем «да»; все это пришло бы само собой при хороших успехах у Самары и при соединении с Деникиным к западу от Царицына.

Все горе в том, что у нас нет ни настоящего главнокомандующего, ни настоящей ставки, ни сколько-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам; Лебедев, безграмотный в военном деле и практически, случайный выскочка; во всей ставке нет ни одного человека с мало-мальски серьезным боевым и штабным опытом; все это заменено молодой решительностью, легкомысленностью, поспешностью, незнанием войсковой жизни и боевой службы войск, презрением к противнику и бахвальством.

Нокс очень хорошо к нам настроен, но он очень мало понимает в стратегии, да еще в русской обстановке; он искренно хочет нам блага, но надо же уметь корректировать проявления этого хотения. Он, например, упрямо стоит на том, чтобы самому распределять приходящие к нему запасы английского снабжения и делает при этом много ошибок, дает не тому, кому это в данное время надо; появились любимые части в роде Каппелевского корпуса, отлично до последней нитки и с запасом снабженного,

в то время когда имеются голые и босые части, на которые эта неравномерность действует очень скверно. Методичному и привыкшему к системе англичанину хочется сразу все наладить, не считаясь совершенно с той обстановкой, в которой все это приходится делать.

Я говорил с Ноксом и просил его передать снабжение нам, обещаясь выполнять все его желания. Нокс горячился и указывал, что русские власти не умеют распределять свои запасы, и он не желает, чтобы доставляемое Англией снабжение распылялось без толка и без пользы.

Моих доводов, основанных на исключительной обстановке и отчаянной бедности, он, как систематический англичанин, не понял.

Мне ясно, что проект Нокса о северном наступлении не был проанализирован; за него схватилась ставка, так как это давало наиболее близкий путь к заветным стенам Кремля; его поддержала Сибирская армия и ее импульсивные и честолюбивые начальники, ибо это давало им блистательные перспективы к отличиям и славе; если уже Пермь так превознесла и украсила многих, то какие надежды могли связываться с занятием остальных рубежей и самой Москвы; его поддержали и морские круги, родившие проект организации вооруженной Волжско-камской флотилии. Злые же языки ставки шопотом, чтобы не услышала контр-разведка, шипят, что главным козырем северного направления была возможность избежать соединения с Деникиным, ибо младенцы, засевшие на все верхи, очень боятся, что тогда они все полетят и будут заменены старыми опытными специалистами. В возможность такой гадости я не верю, но смену верхов приветствовал бы самым радостным образом, ибо все эти стратегические, организационные, политические и государственные младенцы, овладевшие доверием адмирала, могут довести все дело до краха. Его, например, уверили в том, что современные командующие армиями и командиры корпусов, да чуть ли и не он сам, должны сами ходить в атаку, и что в этом залог доверия к ним войск и боевого успеха. Эту ересь стали проповедывать при мне два весьма юных генерала; я ожесточенно на них набросился, указывая, что это вреднейшие остатки психологии времен восстания и действия маленькими отрядами, когда вождь-атаман должен показывать примером, как надо поступать; теперь же, когда мы перешли на целые армии и корпуса, то эти мелкие привычки надо оставить

отделенным, взводным и ротным командирам, а самим подняться в высшие разряды лиц, не командующих, а управляющих боем, и действующих уже не руками, а головой, берущих не мускулами и физической храбростью, а знанием дела, боевым опытом, предусмотрительностью и уменьем распоряжаться, маневрировать и бить врага не на пятачке, а на широком фронте.

Командующий армией не имеет права размениваться в взводные командиры, ибо тогда останется без исполнителя огромная и важная сфера управления армией. Конечно, войска должны знать и верить в то, что, когда обстановка прикажет, то все их начальники до самых верхов явятся к ним и разделят с ними и бой, и ночлег, и победу, и неудачу, и сытость, и голод. Те, кто говорят, что вид командующего армией, идущего с винтовкой в руках в атаку, одушевляет войска, говорят неправду, ибо в современном бою это увидят несколько десятков людей, не более, да и те едва ли разберут, кто это бежит среди них. Ореол начальника создается не этим; он создается доверием к знаниям и опыту начальника, уважением к его доблести, чести и высоким нравственным достоинствам и любовью к нему за его заботу о подчиненных.

Адмирал все это прослушал, но ничего не сказал; один из генералов, сидевший через два столика, довольно громко пробурчал: «Ну, с этим тыловым старьем спорить не стоит».

Другой случай печального воздействия старших военных начальников на адмирала — это принятие им от Гайды и К° ордена Георгия 3-й степени за победоносный зимний поход и взятие Перми. Я не знал этого пожалования и, видя на адмирале шейного Георгия, думал, что он получил его во флоте в прошлую войну; поэтому, когда Лебедев в вагоне у адмирала заговорил о пожаловании георгиевских крестов за какой-то бой, то я, не стесняясь в выражениях, высказал свой взгляд на позорность такого награждения во время гражданской войны. Только после, когда мне объяснили, в чем дело, я понял ошалевшие взгляды и отчаянные жесты присутствовавших, делаемые мне с соседнего с адмиральским стола.

Как невысока должна быть идеология тех, которые додумались до того, чтобы поднести верховному правителю и уговорить его принять высочайшую военную награду за успехи в междоусобной войне.

12 мая. Продолжаю болтаться по секциям и наблюдать российскую болтливость и неделовитость; меня оставили сидеть здесь до конца съезда; знакомлюсь с людьми, с настроением разных классов и с состоянием и нуждами разных отраслей промышленности. Утром был на заседании многочисленной кожевенной секции (Тюменский, Курганский и Красноуфимский районы): типичное российское заседание, председатель демократического эсеровского вида, но очень деспотического характера, всех перебивает, полемизирует с докладчиками, пользуется всяким случаем, чтобы подпустить резкость по адресу правительства и представителей власти; а случаев много, ибо несуразные меры разных агентов министерства снабжения довели кожевенников до того, что им выгоднее гноить кожу в бучилах, чем сдавать ее в казну. Распоряжаются так, что и солдаты босы и честные кожевенные предприятия трещат, наживаются же одни только жулики и спекулянты.

После обеда был в горной секции; там много пустоголовой и многоглаголивой интеллигентщины, а посему говорилось еще больше пустяков, разводилось еще больше критики ради критики и усердно упражнялись в любимом российском обывательском занятии — начальству в нос гусара запускать. Будь моя власть, я собрал бы всех этих ораторов, разводящих критику ради красного словца и ради возможности повеличаться радикализмом, посадил бы в вагон I класса и отправил на фронт для препровождения при парламентере на сторону красных — пусть попробуют там побрехать.

Вечером затащили меня в театр, в котором не был больше 4 лет; шла «Пиковая дама»; в сцене появления Екатерины под звуки «Гром победы раздавайся» я расплакался и убежал из театра.

13 мая. Утром разбирался с заказами, распределенными здесь уполномоченными министерства снабжения, после чего высказал товарищу министра Мельникову, что в этом деле нужны прокурор, сенаторская ревизия и военно-полевой суд, ибо несомненно, что многие заказы распределены или сумасшедшими идиотами, или заинтересованными в заказах мошенниками. Контракты составлены так, что все выгоды и преимущества даны подрядчикам, а за казной оставлены обязанности платить и отвечать за все случайности, без обеспеченной даже надежды и на сроч-

ность исполнения, и на самое исполнение. В общем, то же самое, что и в Владивостоке. Крупные заказы розданы демократически по мелким, маломочным, неизвестным и совершенно безнадежным подрядчикам без залогов, штрафов и с выдачей вперед авансов, ничем абсолютно не обеспеченных; эти подрядчики брались выполнить заказы в любое время, ибо, очевидно, никогда и не собирались выполнять принимаемые на себя обязательства. Большие заводы отказались от этих поставок, так как их невозможно было выполнить в указанные в условиях сроки, особенно по новым для Урала видам производства, по которым надо было ставить новые отделы.

В результате ни один заказ к сроку не выполнен, и армия сидит без обоза и без походных кухонь, а подрядчикам розданы многие десятки миллионов казенных авансов под фиговое обеспечение.

От каких-либо наскоков казны подрядчики надежно обеспечены параграфом 6-м всех договоров, по коему казна должна доставлять сырье и материалы, а если это не будет исполнено, то всякая ответственность с подрядчика спадает.

Когда я спросил одного из уполномоченных министерства, каким образом все это могло быть допущено, то тот стал отговариваться, что на иных условиях никто не соглашался брать подряды и пришлось пойти на все уступки. Когда же я его спросил, понимал ли он, что повозки и кухни нужны были для армии, а не для того только, чтобы распихать заказы на них, согласиться на заведомо невыполнимые сроки и донести начальству заведомую неправду, что заказы заподряжены и поставка обеспечена, — то сей субъект ответа не даде.

Не от бедности, выходит, мы страдаем, а от внутренней гнили; даже и честность у нас была принужденная из-под палки, даже и по этой части мы были гробами повапленными.

Местные обыватели говорят, что эти подряды были предметом беззастенчивой спекуляции и продавались из рук в руки; был заключен договор на поставку пяти тысяч повозок стоимостью свыше 12 миллионов рублей с каким-то кондуктором подводного плаванья, весь капитал которого состоял из знакомств с уполномоченными министерства и в носильном платье, а все техническое оборудование в карманном ноже.

По словам Федотова, полученные от казны многомиллионные

авансы пущены в спекуляцию по покупке и продаже разных товаров, об исполнении заказов думают только немногие, и в результате армия останется без необходимейших предметов снабжения.

Сообщил все это в ставку для принятия каких-либо мер ее распоряжением и просил товарища министра продовольствия и снабжения Мельникова доложить своему принципалу; но у министерства есть отговорка, что это делалось при старом министре, а теперь они заводят новые порядки; пока я прошу немедленно отобрать подряды у безнадежных лиц и разместить их между солидными заводскими предприятиями, обеспечив срочность поставки. Хороши порядки, когда представителям армии, ведущей отчаянную борьбу со смертельным врагом, приходится просить о таких вещах, а сами они бессильны что-либо сделать.

В три часа состоялось общее заседание и закрытие съезда; все это проведено Гинсом мастерски, очень тактично, но достаточно властно; съезд принял все резолюции президиума, достаточно деловые и направленные к решительному улучшению положения уральской фабрично-заводской промышленности.

Теперь весь вопрос в том, чтобы все эти хорошие пожелания были бы без малейшей задержки претворены в действительность и чтобы всему промышленному и рабочему населению Урала было показано, что власть умеет быстро и плодотворно распоряжаться; это будет иметь огромное значение для поднятия авторитета туманной, пока, для населения власти. Очень боюсь я омских канцелярий и тайных течений; представитель министерства торговли Минкевич, прегнусно противный и зудящий господин, проявил на съезде такие взгляды, из которых видно, что ему приказано стараться во-всю, чтобы не выпустить Урал из-под ферулы их министерства, — что равносильно похоронам по первому разряду. Мы же, представители ставки, армии и министерства путей сообщения, стоим на такой точке зрения, чтобы исполнительная часть решений носила исключительно междуведомственный характер, вне влияния омских канцелярий и закоулков. Принимая во внимание, что министром торговли числится всесильный в совете министров И. А. Михайлов, приходится зело тревожиться за благополучное будущее сегодняшних резолюций и пожеланий.

По поведению на съезде некоторых министерских представителей ясно видно, что этим карикатурам на бюрократов их ве-

домственные самолюбия бесконечно важнее и дороже пользы самого дела. Между тем, положение настолько серьезно, и дело настолько запущено, что только единоличное, властное и решительное действие способно наверстать упущенное и исправить все недостатки.

Вечером выехали обратно в Омск. Проведенного в Екатеринбурге времени не жалею, ибо здесь получил много ценных наблюдений и пришел, к сожалению, — к грустным и тяжелым выводам. Повидал Гайду и его антураж, убедился в их ничтожной боевой ценности при огромной самонадеянности, бахвальстве и склонности к атаманщине. Их стратегические разговоры и военные умозаключения очень напомнили мне такие же разговоры членов разных армискомов и комиссаров, сделавшихся сразу великими стратегами, вождями и политиками. Я не сомневаюсь в том, что эти скороспелые генералы сами ходят в штыковые атаки (если последние только бывают, в чем я, грешный человек, не уверен), но это приводит к тому, что настоящего управления войсками ни на боевом фронте, ни в тылу нет; нет и не будет, ибо учиться эти вундеркинды не желают.

Увидал сибирские резервы и с горечью убедился в том, что, несмотря на всю серьезность положения, у нас сохранились старые привычки готовить войска для парада, а не для войны, и втирать очки внешностью и подмазанным показом; с ужасом думаю о том, что сидящие в Екатеринбурге стратеги способны на то, чтобы отправить эти совершенно сырые толпы на фронт и поставить их в условия, требующие продолжительного напряжения и уменья маневрировать; тогда все это несомненно побежит; будь успешное наступление, то, конечно, пригодились бы и такие части, которые постепенно бы втянулись и выровнялись, но сейчас их пуск в бой будет равносилен тому, чтобы тушить костер, заваливая его вязанками соломы.

Обманывают верховного, убежденного теперь, что у него есть нетронутые резервы и поэтому все неудачи на фронте Западной армии скоро будут поправлены; обманывают и тешат свое распухнувшее самолюбие: поглядите-ка, какие мы великие организаторы, маги и волшебники, рождающие полки, дивизии и десятки тысяч укомплектований. И нет средств бороться с этим обманом, ибо ставка тоже ничего не понимает и думает только об успехах, победах и трофеях.

*

Познакомился с состоянием уральской промышленности, с наиболее видными ее представителями. Подтвердил все свои априорные предположения о состоянии снабжений, о причинах хаоса и недостатков в этом деле; убедился в глупости, непрактичности и нечистоплотности агентов министерства снабжения и продовольствия, на каждом контракте которых надо делать надпись: «что это — безмерная глупость или беззастенчивое злоупотребление?»

И здесь к делу поставок, и министерских и войсковых, присосались сотни грязных дельцов, которые обратили дело снабжений в собственную дойную корову; они отлично учли всю выгодность для них той мутной и грязной среды, которую породило нравственное разложение последних двух лет.

Уверяют, что надо было создать особое министерство снабжений, так как не было налаженного интендантства, да и кроме того хотели-де избежать этого старого института, нелюбимого войсками и всегда плохо себя рекомендовавшего.

Объяснение это очень слабо, ибо раз нашлись люди, которые под флагом министерства снабжений взялись за это дело, то почему же нельзя было сделать их интендантами и заставить работать по привычной и испытанной системе. Главное было сохранить единство власти по заготовке, передвижению, хранению и распределению всех средств снабжения и не нарушать основного правила не разбивать неделимое; тогда сохранилось бы единство заботы и единство ответственности и притом в руках военной власти, единственно способной оценивать положение армии, ее нужды и способы их удовлетворения.

Неужели же это случилось потому, что кому-то (весьма собирательному) было выгодно выделиться в самостоятельное царство, связанное с военнопромышленным комитетом и разными пронырливыми дельцами, и там обделывать свои личные выгоды, себе и К° на пользу, а стране, армии и населению в великий ущерб?

Что же смотрит совет министров и ставка, что думает господин председатель совета и начальник штаба верховного? Последний все больше катается по району фронта и ему, очевидно, не до таких пустяков.

Интенданты наши, конечно, тоже не золото, но во время германской войны они были очень удовлетворительны, а главное — они нам подчинены и у нас есть средства заставить их ра-

ботать как следует, чего мы лишены по отношению к агентам министерства продовольствия и снабжения.

14 мая. Отдохнул от сутолоки шумных собраний предыдущих дней; совместно с Гинсом, Касаткиным и представителями министерства путей сообщения выработали общую схему положения об особоуполномоченном по уральской промышленности, коему, по нашему мнению, надо дать почти диктаторские права, так как иначе ему не справиться с той грандиозной задачей, которая на него возлагается; иначе не стоит огород городить и создавать новые, бесполезные для живого дела должности.

Одновременно я поднял вопрос о создании особоуполномоченного по снабжению продовольствием и предметами первой необходимости населения освобождаемых от большевиков местностей. Надо приносить с собой порядок и хлеб, сапоги, чай, сахар, ситец и т. п.; надо, чтобы «при нас» было лучше, чем было «при них», и эта разница должна быть резкая, реальная и чувствительная. Не принеся ничего реально полезного, а главное не принеся того, что сейчас является остро нужным, мы явимся для населения в лучшем случае безразличными, если не постылыми. Ведь мы не можем притти без мобилизаций, реквизиций, подводной повинности, без мелких насилий и грабежей; надо, чтобы это все забыли и все простили за то, что одновременно с этим появится хлеб там, где его нет, соль, сахар, чай, хоть какая-нибудь обувь и мануфактура и пр. и пр.

Все это важно не менее, чем снабжение самой армии, ибо в этом залог спокойного и доброжелательного к нам отношения населения, без чего успех наступления и окончательный выигрыш нашего дела едва ли достижим.

Дело это чрезвычайной трудности и должно быть тщательно обдумано и разработано; для осуществления его должны быть свои особые, только этим и занятые органы, свои запасы, свои средства перевозки, свои планы. Задача предстоит грандиозная, а средства исполнения ничтожны, но это не может остановить желания добиться чего-либо, — дело живое, творческое и должно попасть в живые, творческие и чистые руки; если попадет к чиновникам самоснабжений, то лучше и не начинать.

Надо поручить это материально заинтересованным в его успехе крупным предприятиям и крупным коммерческим и промышленным людям; рассчитывать на самоотверженность и бес-

корыстие теперь уже не приходится; на Урале, Поволжьи и в Сибири найдется не мало старых, кондовых фирм, имеющих за собой сотни лет торговой репутации и сохранивших свой аппарат прежних торговых сношений и кадры опытных служащих.

Оба положения надо провести немедленно указами верховного правителя, ибо если они попадут в нормальную колею исполнения через разные канцелярии и советы, то все на Урале развалится много раньше, чем положения пройдут часть этого медлительного пути.

Наиболее заинтересованные в судьбе Урала лица очень опасаются омских Сцилл и Харибд и очень просят, чтобы положение об Урале было проведено помимо совета министров непосредственным докладом Гинса верховному правителю; в противном случае они уверены, что настоящий проект погребется в той же огромной могиле, в которой покоятся непробудным сном десятки его предшественников.

Это так понятно в той обстановке, в которой работает теперь Омск, ибо довлеет дневи злоба его! Является какая-нибудь мысль, нравится, делается модной; за нее с жаром хватаются, начинаются разговоры и совещания, собираются комиссии; наконец, решают осуществить, передают на разработку... и немедленно остывают, забывают и начинают ту же процедуру с чем-нибудь новеньким и злободневным, за это время народившимся.

Исполнение передается в разные департаменты и канцелярии, сохранившие старые названия, развернувшиеся в двойные штаты, но совершенно забывшие старые порядки работы, старую точность и четкость исполнения.

Работают в Омске по-послереволюционному; признали восьмичасовой рабочий день (даже в военном министерстве), но свято чтут разные праздники и субботы; приходят поздно, уходят рано, с текущей работой справляются плохо, ну, а для творчества и детальной разработки совсем не остается времени.

Так и застревают, как в гнилых зубах, проект за проектом, начинание за начинанием, а что выполняется, то наспех, без продуманности, анализа, контроля и критики, только для того, чтобы исполнить номер.

Оба вышеуказанные «Положения» совершенно неотложны, ибо из сибирского рабочего времени май уже потерян; особенно

надо торопиться с продовольствием и поскорее передать его в деловые надежные руки.

По дороге встретили поезд междусоюзного контроля — десять brand new пульмановских вагонов Китайско-Восточной железной дороги под двумя паровозами. Этим у фронта отнимается минимум два поездных состава и в такое время, когда каждый вагон остро нужен.

Едут якобы знакомиться с состоянием фронтовых дорог, а на самом деле катаются.

Ведь это все старые, опытные железнодорожники, для которых достаточно донесений сотен сидящих всюду агентов и инспекторов для того, чтобы знать действительное состояние дорог.

Едут под флагом важного дела, а в действительности преследуют только интересы собственного любопытства и развлечения; очень приятно проехаться по незнакомой Сибири, в чудное весеннее время, повидать близко разные события, заглянуть «на фронт»...

Вагоны великолепны; буфет, повара и вина первоклассные, удобства путешествия исключительные, до вагона с машинистками manches-court включительно; едут как избавители и благодетели. Ну, а остановка и без того хромающего движения и задержка движения на фронт продовольствия, снаряжения и одежды — это такие «пустяки» сравнительно с теми великими благодеяниями, которые принесет пробег этого великолепного поезда! Я искренно пожалел, что красные не спустили его около Тайшета под откос — вагоны блиндированные и членовредительства не было бы.

Ведь и без того наши несчастные дороги стонут от экстренных поездов верховного, Лебедева, Гайды, разных чешских начальников, высоких комиссаров и прочих спасителей.

Все эти междусоюзные господа не в состоянии сообразить, что их ослепительный пробег взад и вперед нужен только им самим. Выдумали, что нас надо учить, как распоряжаться своими дорогами; нам нужны не их советы, не их вмешательство, не их поездки, а присылка нам паровозов, запасных частей и масла; тогда и мы справимся по-своему, не на первый, быть может, сорт, но не хуже иностранцев; насколько я успел познакомиться с работой министерства путей сообщения, то, кажется, это един-

ственное, работа коего заслуживает полного одобрения и в котором рули управления в надежных и знающих руках.

Вместо советов лучше бы помогли реально поддержанию порядка на железных дорогах, понимая под этим не станции и рельсы, а всю полосу дороги. Если бы в полосе железных дорог был порядок, то тогда было бы легко иметь полный порядок и в эксплуатации. Что толку в том, что американские диспетчеры прибавят $^1/_4$ поезда в сутки, когда красноярские и тасеевские большевики спустят под откосы в десять раз большие количества вагонов.

Нужна моральная и материальная поддержка в самых широких и искренних размерах, а не советы, руководство, назойливые опекуны и прочие прелести наличной интервенции, навалившиеся на нас, как какие-то новые египетские казни.

Прочитал условия мира, предъявленные союзниками центральным державам; условия беспощадные, укладывают Германию в гроб. О таких условиях мечталось во время войны; думалось, что чем сильнее и живучее проявляла себя Германия, тем решительнее должна была быть наша победа и тем беспощаднее должны быть мирные условия, долженствующие обеспечить мир от повторения такой бойни. Но все же кажется, что союзники чересчур уже закрутили гайки; при разваленной России, при расползающемся всюду большевизме, такие исключительные по своей суровости условия едва ли принесут пользу миру. 76 миллионов немцев нельзя выкинуть из мировой игры; времена же изменчивы, могут перессориться и союзники; никто не гарантирует от того, что через четверть столетия явятся иные союзные комбинации, из которых и может вспыхнуть идея реванша, реванша немецкого, быть может, во много раз злейшего и острого, чем был французский.

Нужна невероятная солидарность союзников, чтобы осуществить эти условия. Выдержит ли это Антанта? Да еще каждую из союзных стран начнут грызть внутренние болезни, и старые, и войной рожденные, и грядущие.

15 мая. Вернулись в пыльный и душный Омск. Был на оперативном докладе в ставке; последние сводки мне очень не нравятся, так как, несомненно, на фронте Западной армии инициатива перешла в руки красных. Наше наступление выдохлось, и армия катится назад, неспособная уже за что-нибудь зацепиться.

Наступление красных обозначилось уже определенно по двум направлениям: вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги и в разрез между Сибирской и Западными армиями. Ставка не понимает положения и позволяет Сибирской армии наступать на Глазовском направлении. Одна лошадь в паре пятится назад, другая прет вперед. Направление в разрез армий ничем не прикрыто, и по мере передвижения сибиряков вперед их положение делается все опаснее. Когда я указал это генерал-квартирмейстеру ставки, то тот сослался на наличие в Екатеринбурге больших резервов и добавил, что с введением в дело резерва Каппеля на фронте Западной армии все перевернется опять в нашу выгоду.

Таким образом, вся судьба Зауральской кампании висит на двух кучах совершенно не готового к бою сырья, без артиллерии, без средств связи, не обстрелянного, не умеющего маневрировать; я не видел войск группы Каппеля, но и без того понимаю, что за несколько зимних сибирских месяцев и при условиях современной стоянки было абсолютно невозможно сформировать годные для боя части. Как подкрепление успеха такие части могли еще пригодиться, но, вдвинутые в расшатанный и катящийся назад фронт Западной армии, они не в состоянии помочь делу; фронт же Западной армии и расшатан и катится неудержимо назад, что ясно чувствуется из туманных, загримированных и старающихся сохранить лицо донесений штаба этой армии; не подлежит сомнению, что потеряна способность сопротивления, что хуже крупного поражения.

В 1915 году, при тяжелом отступлении от Варшавы за Полесье нас спасли старые кадры офицеров и солдат, а теперь у нас нет ни того, ни другого, и в этом очень тревожное будущее.

Ставка ничего не понимает и не хочет понять; когда я высказываю свои опасения, то на меня глядят снисходительно насмешливо, как на выжившего из ума или безнадежного идиота, и даже не удостаивают спорить; иногда только какой-нибудь превосходительный вундеркинд отхлестнется презрительной ссылкой на то, что и красные должны скоро выдохнуться, или указанием на наличие у нас огромных резервов. Продолжается то же, что было и на германской войне: штабы распоряжаются номерами, не зная, что такое представляют собою эти номера, и не зная их боевых коэффициентов; и тогда это было очень скверно, ибо

боевая ценность разных частей была разная, но все же не в такой степени, как это имеет место сейчас.

Временами пытаюсь поймать себя в ошибочности своих мрачных расчетов, но действительность не дает мне по этой части никакой лазейки; вижу перед собой непомерно растянутый фронт; растрепанные, полуголые и босые, истомленные и вымотанные в конец части; молодое, очень храброе, но неопытное и неискусное в управлении войсками и в маневрировании начальство; самоуверенные, враждующие между собою и не особенно грамотные по полководческой части штабы армий, автономные, завистливые, неспособные друг другу помочь; самонадеянную, бездарную, безграмотную по стратегии и организации ставку, далекую от армии и неспособную разобраться в происходящем; никаких ресурсов по части готовых для боя резервов; никаких планов текущей операции, кроме задорного желания изменить неуспех в успех. . . и очень мало надежд на то, что все сие преходяще и может измениться в лучшую сторону.

Утром отдано спешное распоряжение о посадке и отправке на фронт всех частей группы генерала Каппеля; этому придают решающее значение и уверены, что Каппель остановит ставшее уже угрожающим движение красных в направлении на Бугульму и Уфу.

При этой уверенности забыты элементы времени, не подсчитано, сколько нужно для перевозки, сколько для сосредоточения, сколько для развертывания, и вообще совершенно не разработан план операции. Гонят прямо войска на затычку дыр и прорех.

Как на несчастье, при осмотре кем-то войск Каппеля они оказались в очень нарядном внешнем виде благодаря английскому, с иголочки, обмундированию и снаряжению и отлично ходили церемониальным маршем, чем и обманули полководцев омской кунсткамеры.

Не нравится мне и то, что в составе этих частей много пленных красноармейцев, из которых, уверяют, Каппель сделал хороших и надежных солдат; не верю в такие чудеса; не сомневаюсь, что взятые в ежовые рукавицы красноармейцы прикинулись паиньками и будут таковыми. . . до первого подходящего случая. Кто раз хватил хмельного, всегда может опять напиться.

Положение на фронте сейчас таково, что надо сознаться, что начатая операция не удалась, а затем, не теряя ни секунды, при-

нять новое и сильное решение, думая только о том, чтобы победить, и отбрасывая все побочное и мелкое.

Надо сознаться, что восстановить наступление на фронте Западной армии нельзя, а потому надо немедленно, большими переходами увести эту армию за Урал и там дать ей отдохнуть и устроиться. Местные условия этому очень благоприятствуют, ибо через Урал идет мало дорог, а местность благоприятствует обороне арьергардов.

Арьергарды должны выиграть время, чтобы дать армии отдохнуть, отоспаться, поесть, как следует; в это же время армия должна занять исходное положение для контр-наступления, выделить резервы и ждать, когда истомленный борьбой с арьергардами враг начнет дебушировать на восточные склоны Урала.

То же, что делает сейчас ставка, есть безнадежное цеплянье за возможность какого-то чудесного переворота в нашу пользу; идет игра на авоську: а вдруг красные выдохнутся, или подброшенные резервы сразу изменят положение.

Все это приемы недостойные крупной игры, показывающие, что вместо мастеров игру ведут авоськи да небоськи самого мизерного калибра.

В тылах тоже неблагополучно: серьезное восстание расползается в Кустанайском уезде; туда послан казачий генерал Волков, известный своей решительностью; сегодня он уже доносит, что две главные банды им настигнуты и истреблены. Вообще же на восстания в тылу ставка обращает слишком мало внимания и начинает тревожиться только, если это отзывается на подвозе или вызывает посылку войск; посмотреть поглубже и повнимательнее на это движение не хотят и только от него отмахиваются. Говорил по этому поводу с Бурлиным и Кондрашевым, настаивая на необходимости обратить внимание на тыловые восстания, отыскать вызывающие их причины и принять меры по устранению этих причин, каковыми в большей половине является не большевизм.

Ставка уверена, что если на фронте будет успех, то тылы смирятся и успокоятся; я же смотрю на это иначе и считаю, что никакие успехи на фронте нам не помогут, если местные агенты власти в тылу будут вести себя так, чтобы вызывать ненависть населения. Сейчас, например, идет формирование отрядов особого назначения, поступающих в распоряжение управляющих губер-

ниями; казалось бы, что в эти отряды надо назначить отборный состав, обеспечить его материально самым широким образом, а у нас все делается как раз наоборот: в отряды идут отбросы армии и чиновничества, очевидно, в надежде нажиться; оклады в отрядах нищенские, одеты они оборванцами и даже не имеют вооружения. Никакой реальной силы они не представляют, являясь по сущности полуразбойничьими бандами, годными на карательные экзекуции и на расправу с крестьянами, но неспособными бороться с красными шайками.

Омск не понимает, что по этим «войскам» население судит о представляемой ими власти.

Железнодорожные части, формируемые для службы и охраны железных дорог и имеющие огромное значение для установления там порядка, обставлены также самым жалким образом.

Ставочные вундеркинды не желают обращать внимания на тыл, не желают учитывать великого значения порядка и спокойствия в тылу, ничего туда не дают, вытягивают оттуда все годное, а затем злятся, что в тылу что-то беспокойно жужжит и все чаще и чаще мешает их боевым операциям.

Пока всю вину сваливают на эсеров, организующих все эти восстания.

Забывают, что в гражданской войне тыл важен не менее фронта и что мелкие уколы в тылу могут в конце концов сокрушить и фронт. Если тыл грызут эсеры, то их надо раздавить, или же, буде возможно, притти к какому-нибудь соглашению. Скверно то, что в контр-разведке есть данные, что эсеры находятся в какой-то связи с влиятельными чехо-словацкими сферами.

Вечером Бурлин от имени верховного правителя предложил мне занять должность военного министра, так как Степанов оставляет свой пост; оказывается, что он очень неудачно уехал на Дальний Восток, оставив здесь целую свору враждебно настроенных против него лиц.

Попросил дать несколько часов на размышление; слишком тяжелый это крест, и слишком дрябла вся омская обстановка; те две недели, что я здесь проболтался, убедили меня, что я человек совсем иных взглядов; сломать все старое и организовать вновь можно только при определенной, твердой и неизменной поддержке ставки, совета министров и самого адмирала. Для этого же надо, чтобы все учреждения и лица поняли, сознали и учли ошибки

в том же направлении, как то делаю я, и дружно, искренно начали работать над исправлением.

То, что я здесь вижу, слышу, чувствую и испытываю, определенно указывает, что, кроме личного, очень эфемерного, шаткого и способного меняться по нескольку раз в день сочувствия адмирала и, быть может, некоторой поддержки совета министров, я ни на что рассчитывать не могу. Главная борьба предстоит со ставкой; раз я влезаю на столь высокий пост, то мои взгляды на ведение операций на фронте, на атаманщину, на порядки в тылу и на общую политику должны быть принимаемы во внимание и на них должна быть построена будущая работа военного министерства.

Все это я сообщил Бурлину и просил доложить верховному правителю, что я не считаю себя в праве отказаться от работы, но прошу проверить мои взгляды на основные задачи фронта и военного ведомства, дабы потом не происходило уже никаких недоразумений.

16 мая. Весь день просидел в ставке на совещаниях по поводу новой конструкции военного управления; с недоумением узнал, что, повидимому, решено сосредоточить в лице Лебедева должности начальника штаба верховного главнокомандующего и военного и морского министров, дав ему помощников по всем трем должностям. Честолюбию этого бездарного выскочки, видимо, нет пределов.

Я заявил, что подобное совмещение совершенно невозможно, ибо нельзя совмещать полевую должность с званием министра, члена совета министров; пытался разъяснить совещанию, что если действительно армия и фронт страдают вследствие отношений, установившихся между ставкой и военным министерством и их верхами, то сама система управления тут не при чем.

Надо или заставить верхи работать дружно и в одну струю, или же их сменить и поставить такие, которые работали бы, как хорошо съезженная пара; ломать же систему в такое горячее время невозможно.

Мое мнение осталось единоличным, и никто его не поддержал. Было ясно, что реформа основана на желании во что бы то ни стало свалить неугодных Лебедеву и К° военного министра генерала Степанова и начальника главного штаба генерала Марковского. На Степанова валят всю ответственность за плохое снаб-

жение армии; на Марковского сугубо злятся за то, что он позволил себе протестовать против производства в генералы ставочной молодежи — Лебедева, Леонова, Касаткина и К°, так как к этому, кроме их желания, не имелось никаких законных оснований.

Бурлин мне сказал, что основания реформы уже одобрены адмиралом и к возвращению Лебедева (опять умчавшегося неизвестно для чего на фронт) вся реформа должна быть выработана. На это я просил избавить меня от назначения помощником Лебедева, так как наши взгляды слишком не сходятся.

Основания реформы сводятся к тому, чтобы почти уничтожить военное министерство и все отделы военного управления на фронте и в тылу подчинить одному лицу в ставке; в этом видят какую-то панацею для чудесного избавления от всех зол и болезней и на фронте и в тылу.

Соусы и доводы самые разнообразные; особенно старается министерская молодежь во главе с полковниками Клерже и Оберихтиным, ненавидящая Степанова и Марковского (насколько можно судить, за требование работы и порядка).

Идет борьба задорных молокососов против старого опыта и служебного стажа. Ради этого валят старую вековую систему, связанную со всеми вопросами организации, довольствия, управления и военного законодательства; в реформационном, на личном соусе разведенном раже забывают, что фронт есть фронт, а тыл есть тыл; первый воюет, а последний готовит и подает первому все нужное для войны и убирает все ненужное; первый живет по особым законом Полевого управления, отменяющим все гарантии, а второй живет по общегосударственным законам и по конституции.

Кому могла притти в голову безумная мысль заниматься такими рискованными и коренными реформами в такое тяжелое время. Надо восстанавливать, а мы вместо этого рушим последние остатки сохранившегося.

А на фронте нехорошо и нехорошо: красные на Уфимском направлении упрямо наступают и не дают нам передышки. Нервность молодых частей и жестокие условия гражданской войны влекут за собой малую стойкость и большую чувствительность к обходам и прорывам, почти что неизбежным, так как весь фронт одна сплошная дыра. Все это чувствуют и все время зорко смотрят за тем, не ушел ли сосед; прислушиваются, нет ли выстрелов

в тылу, и в результате получается равнение по худшим и наименее стойким, которые при первом признаке реальной или даже воображаемой опасности быстро сдают, обнажают соседей; те в свою очередь начинают пятиться, и в конце концов весь фронт катится назад. Положение очень серьезное, так как разведка показывает, что красные стянули против нас все резервы внутренних округов; над сформированием этих резервов они работали всю осень и всю зиму.

Докладывал адмиралу и все время убеждал ставку, что надо во что бы то ни стало остановить рост армий и всякие самочинные формирования, ибо давно уже у нас не во что их одеть и кое-где нечем кормить. Ведь, по сводкам ставки, у нас на довольствии состоит около 800 тысяч человек; наладить снабжение в таких размерах мы совершенно бессильны.

Надо положить предел самоуправству армий и отдельных групп, не видящих ничего дальше своего носа, преследующих свои личные интересы и не желающих ничего слушать и ни с чем считаться. Достаточно того, что эта анархия и самоопределения привели уже к ряду неприятных неудач и заставляют опасаться за прочность всего нашего военного положения. Ставке уже пришлось «отложить» свое перемещение в Екатеринбург; приходится приготовляться к расплате за преступную легкомысленность в управлении армиями; вместо методического, строго рассчитанного и прочно назади закрепляемого наступления наши армии неудержимо неслись вперед, растянулись, не в меру распухли (только числом, но не качеством и боеспособностью) и оказываются бессильными сдерживать переход красных в наступление.

На наше горе красные оказались умнее нас; когда у них обозначилась невозможность сдержать наш стихийный порыв, они отдали нам Урал, ушли за Волгу, подтянули подготовленные резервы, наметили очень нехитрый и белыми нитками сшитый план операции и тремя группами ударили по нашему растянутому фронту.

Ставка была обязана задержать армии на Урале, дать им устроиться и отдохнуть, обеспечить снабжение и тогда итти к Волге; вместо этого все понеслись вперед так, как будто бы красных не было.

Скверно то, что, судя по рассказам беспристрастных наблюдателей, импульсом этого безудержного наступления было често-

любие фронтовых начальников и погоня за намеченными впереди призами и связанными с их достижением наградами.

Лавры пермской победы вскружили всем головы; посыпались награды, на фронте имеется уже несколько кавалеров Георгия 3-й степени; бывшие штабс-капитаны сделались генерал-лейтенантами; немудрено, что от этого даже у более уравновешенных честолюбцев глаза и зубы разгорелись. В наградном чаду дошли до того, что высоко залезшие георгиевские кавалеры повторили киевскую комедию с георгиевским крестом государю и на пасху поднесли адмиралу Георгия 3-й степени за освобождение Урала. Слабохарактерный адмирал не нашел в себе воли и широты взгляда приказать забыть даже о таких подношениях — и принял крест.

После взятия Перми и Уфы юные полководцы стремительно полетели вперед. Пепеляев на Вятку, Вержбицкий на Казань, Ханжин на Самару; красные почти не сопротивлялись. При этом полете, сопровождаемом мелкими, но раздуваемыми во-всю успехами, перестали думать и соображать; хотелось только первыми притти к поставленной цели и прославиться.

Получившееся при этом непомерное растяжение фронта создало благоприятную почву для многочисленных новых формирований и развертываний; была пущена в ход система местных мобилизаций, объявляемых самостоятельно начальниками разных войсковых комбинаций. Эти шалые, бессистемные призывы ничего, кроме вреда, не принесли и силы армии не прибавили; голодное население не особенно против них реагировало, так как поступление в войска давало одежду и кормежку.

Для этих спазматических формирований не было ни кадров, ни учителей, ни снаряжения; они только обманывали верхи своим наличием и своей численностью (это я видел уже в Екатеринбурге); они давали миражи армий и реальной силы там, где ни настоящих войск, ни реальной силы не было. При успешном наступлении все это не сказывалось, ибо серьезных боев не было, особенной опасности тоже, а всякий успех давал наступающему богатую добычу. Но с тех пор, как на фронте Западной армии фортуна повернулась к нам задом и понадобились стойкость и подвиг, не слепленные ничем прочным части, случайные сборища деревенских и городских парней, оказываются уже неспособными выдерживать выпавшие на их долю боевые и походные испытания.

Так говорят приезжающие с фронта офицеры, преимущественно старые артиллеристы, которых я встречаю ежедневно в управлении полевого инспектора артиллерии; многие прямо сознаются, что при отходе местные мобилизованные расходятся по своим деревням, унося одежду, снаряжение, а иногда и вооружение.

С подготовкой резервов в чаду успеха не торопились; сейчас с огромным уже опозданием всюду идет лихорадочная работа по выброске вперед этого сырья; спешкой уже не покрыть такие серьезные органические недостатки всей системы. Отсутствие самоанализа и служебного опыта позволяет и ставке и штабам армии забывать, что кучи людей, одетых в военную форму и имеющих — да и то не всегда — в руках ружья, представляют только весьма малую часть совокупности тех данных и качеств, которые необходимы для того, чтобы иметь право называть эти кучи воинскими частями, годными для войны и для боя.

Неудержимо гонят на фронт части группы генерала Каппеля; я перестал уже говорить об опасности отправки туда этого сырья, так как это бессильно кого-нибудь здесь вразумить. Закрыв глаза и заткнув уши, видят в этом спасение положения на фронте Западной армии и не желают разумно оценить все положение, хладнокровно подсчитать все шансы и принять решение, не считаясь ни с чем, кроме пользы. Мне уже надоело быть какой-то каркающей Кассандрой среди этих оптимистов, убежденных, что сейчас войну надо вести по особенным, им известным и уже проверенным на опыте правилам. Юнцы не способны разглядеть тот рубец, на котором кончилось июньское восстание прошлого года и началась настоящая война, имеющая, конечно, свои специфические особенности, но все же настоящая, управляемая незыблемыми законами война. Они не разбираются в том, что армия в сотни тысяч ртов (к сожалению, не штыков) это не партизанские отряды и офицерские организации первого периода войны, и что для существования и управления армий необходимо держаться основ того, что выработала военная наука и что дал боевой опыт прошлого.

Вместо управления армиями, корпусами и дивизиями рождена и укрепилась идея старших начальников, самих водящих свои войска в атаку (своего рода опрощение начальника, опускание его на дно, микрокефалия своего рода); хотят повторить картины

Бородина, Ваграма и Ватерлоо, где маршалы со шпагами в руках шли впереди многотысячных колонн. Не учуяли до сих пор, что боевая популярность старших начальников создается не тем, чтобы с шашкой или винтовкой бегать впереди солдат, ведущих наступление.

Старший начальник должен уметь почувствовать, где и когда нужно его личное появление, и должен уметь во время и без ущерба для управления своими войсками это осуществить, умело распорядиться и быть при этом все тем же большим начальником, а не рядовым бойцом.

Старший начальник должен иногда щегольнуть эпизодом личной храбрости и презрения к опасности и сделать это так, чтобы молва разукрасила и придала всему этому героический характер, но все это так далеко от того, чтобы размениваться в рядового носителя винтовки.

Скверно то, что адмирала убедили в том, что их взгляд на современного старшего начальника совершенно верен; того же убеждения и начальник штаба верховного Лебедев, который уже раз, в ответ на мои доводы о невозможности отправлять на фронт неготовые резервы, отчетливо отчеканил самым менторским тоном, что «теперь не 1915 — 1916 года и нет времени отделывать укомплектования; война при данных условиях дает возможность обходиться и с сырыми укомплектованиями, что можно-де видеть по блестящим успехам, одержанным молодыми сибирскими войсками под предводительством их храбрых начальников, с винтовкой в руке ходящих в атаку».

17 мая. Рано утром в ставке состоялось секретное совещание по вопросу о реорганизации военного управления; объявлено окончательно, что Лебедев будет наштаверхом и военным министром (добавление морского министра встретило сильное сопротивление морских кругов и, повидимому, не пройдет). Ставочная и антистепановская молодежь в восторге и уже готовы плясать победный танец на костях поверженных врагов.

Я пытался убедить совещание в несвоевременности реформы, предлагал два компромиссных проекта, удовлетворяющих законным требованиям обстановки, но ничего не разрушающих, но все это было голосом вопиющего в пустыне.

Лебедев и К° уже успели прочно убедить адмирала и всякими софизмами и натяжками доказали ему, что вся военная власть

и на фронте и в тылу должна быть в одних руках и что военное министерство должно быть подчинено ставке.

Напрасно было доказывать, что объединение власти уже имеется в лице адмирала — одновременно верховного правителя (коему подчинено военное министерство) и верховного главнокомандующего (коему подчинена ставка), а что дальше вниз требуется уже специализация по фронту и тылу, каждый из коих имеет свои особые задачи и живет по особым, не подходящим для другого законам.

Если Лебедев поссорился со Степановым, а ставка и главный штаб живут, как собака с кошкой, то не может же это служить основанием для того, чтобы сломать веками существующую систему военного управления, да еще в такое время, когда всякий рабочий час, всякое напряжение ума надо обратить на пользу и созидание, а не на разрушение и шалые эксперименты. Поставьте во главе отделов военного управления людей, способных забыть личное ради общего, и тогда никаких реформ не потребуется.

Я не понимаю создаваемой для Лебедева должности, где одна половина живет по Положению о полевом управлении, а другая — по обычному своду законов; я не понимаю такой должности, где первая половина в пределах театра военных действий независима, почти не ограничена во власти, а вторая входит в совет министров, ответственна перед соединенным комитетом и связана в своих действиях конституционными ограничениями.

Ради личных счетов и пустозвонного самолюбия совершается коренная реформа; неужели же не нашли более важных дел для творчества, работы и реформ. Все мои симпатии на стороне военного министерства; я не знаю, как оно работает, но чувствую, что оно стоит на стороне порядка, планомерности и говорит ставке неприятную правду; ставка же полна ядом по отношению к главному штабу — не покоряющемуся под нози и держащему свою линию, — настрочила ему смертный приговор и уже торжествует по поводу предстоящего унижения и уничтожения ненавистного соперника.

Старые и тревожные картины: честолюбцы тянутся к власти, забирают ее полными руками, готовы стать неограниченными самодержцами, но хватит ли знаний, умишка, опыта, чести, любви к родине и жертвенного бескорыстия, чтобы со всем захваченным справиться! Ведь военное дело то же ремесло, а чтобы быть хоро-

шим ремесленником, надо практически изучить дело, начав с мелочей и пройдя все стадии мастерства. Надо знать не только, как пишется, но и как выговаривается.

На фронте Западной армии продолжается отход; сибирская же попрежнему прет правым флангом на Глазов, и общий фронт все время перекатывается с севера на юг, делая положение сибирской армии все более и более опасным. Между тем, уже обозначилось, что красные ведут удар в разрез армий в направлении на Воткинский и Ижевский заводы. Камская речная флотилия, забравшая под себя все пароходы и лучшую артиллерию, тоже пятится на восток по мере того, как красные подвигаются вдоль берегов.

Ставка швыряет на фронт все сырые резервы, гонит туда последние скудные запасы винтовок для того, чтобы раздать их еще не стрелявшим никогда парням и бросить их в наступление.

Эшелоны с резервами и со снаряжением несутся на запад навстречу катящимся назад тылам Западной армии; ясно, что эшелоны с вооружением и снаряжением будут забиты в этой каше, и нет никаких гарантий на то, что они будут надлежаще использованы. Пытался говорить по этому поводу с Бурлиным, но тот считает, что все боевое управление принадлежит Лебедеву, находящемуся на фронте и которому положение там яснее.

На деле же как раз наоборот; будь даже Лебедев грамотнее в военном деле, чем он есть, то и тогда правильный взгляд на общее стратегическое положение вырабатывал бы, сидя в ставке, а не гоняя без системы и толку по тылам армий и комкая и без того сумбурное железнодорожное движение.

Настаиваю на том, чтобы обязали армию присылать сюда своих приемщиков и конвой, ибо иначе прямо преступно вышвыривать последние наши запасы в какую-то бездонную и неизвестную прорву.

Везде в тылу спешно одевают в форму новобранческие толпы, наученные ходить с песнями и в ногу, дают им первый раз в жизни винтовки и воображают, что это солдаты, затем все это спешно набивается в вагоны и гонится на восток для закупоривания образовавшихся всюду на фронте дыр (он давно уже дырявый, но заметили это только теперь, когда во все дыры полезла наступающая краснота).

Говорил с адмиралом; ничего не вышло; по этой части он заворожен фронтовыми докладами, считает меня, повидимому,

годным только для тыла, а мои слова только преувеличением и ворчанием. Просил освободить меня от всяких омских назначений и дать назначение на фронт, но получил отказ.

Посылая неготовые для боя резервы, оправдываются тем, что до сих пор побеждали с неготовыми войсками, и что у красных тоже такие же войска; это совершенно неверно, так как по сводкам контр-разведки ясно, что красные резервы готовились внутри России с осени; кроме того, у красных огромное преимущество в том, что они не боятся брать на пополнение старых солдат, не нуждающихся в обучении, а мы боимся этого, как чорта, и принуждены призывать только зеленую 18 — 19-летнюю молодежь, совсем сырой материал, требующий тщательной обработки и хороших кадров.

Сведения из Владивостока подтверждают, что Иванов-Ринов всячески дискредитирует Хорвата и пытается вылезти в полуавтономные правители Дальнего Востока.

На внутренних фронтах по мере наступления теплого времени число очагов восстания все увеличивается; на Тайшетском участке идет настоящая война; восставшие банды громят волостные правления, убивают священников, лесничих и мелкую интеллигенцию.

Вернулся с фронта верховный правитель; его убедили, что ему надо возможно чаще ездить по фронту; на вокзале полная встреча, с почетным караулом и прочими аксессуарами; в первый раз видел днем весь состав совета министров; был несколько удивлен одеяниями господ министров, напоминавших своим видом довольно полупочтенную компанию; конечно, теперь не до блестящих форм, но все же представителям правительства следовало бы одеваться приличнее. На вокзале встретился с командующим войсками Омского округа генералом Матковским; в разговоре с ним передал ему свою харбинскую идею — привлечения городской буржуазии к несению нарядов караульной и внутренней гарнизонной службы при помощи сформирования из них команд — типа национальной гвардии; это облегчит войска, даст им больше времени для занятий и боевой подготовки, сорганизует буржуев и, быть может, научит их защищать самим свои интересы. Матковскому эта идея очень понравилась, и он хочет провести ее в пределах округа.

18 мая. Лебедев и его молодежь разработали наконец окончательный проект системы военного управления, причем главная цель — истребление Степанова и Марковского с подчинением всего Лебедеву — достигнута. Результатом реформы является создание невероятно громоздкой ставки, вбирающей в себя часть отделов военного министерства; берут себе часть дежурного генерала, чтобы царить по части наград и назначений (но пенсионный, очень беспокойный и невыигрышный отдел оставили в военном министерстве); затем взяли себе всю разведку и осведомление — отделы очень жирные и вкусные, с богатыми темными суммами и большой властью; да, кроме того, и спокойнее по части разных темных секретов, если в военном министерстве не будет своей самостоятельной контр-разведки, которая, как и ставочная, занимается больше всего слежкой за начальством и своими конкурентами.

Всю ставку сваливают на Бурлина, все министерство хотят нагрузить на меня, а Лебедев принимает двойной венец фронта и тыла и право все время кататься, во все путаться и ничего не делать.

Я определенно отказался от назначения; был вызван к адмиралу, который, как хорошо заученный урок, повторил все доводы Лебедева и К° о необходимости реорганизации военного управления и объявил, что моего отказа не принимает и приказывает мне принять решенное им назначение; я пытался доложить свои доводы, но с адмиралом начался шторм, он стал кромсать ножом ручку своего кресла и заявил, что он желает этой реформы, признает ее необходимой и приказывает ее осуществить. Пришлось замолчать.

Затем адмирал приказал Бурлину и мне отправиться к военному министру и объявить ему о состоявшемся его решении. Это меня очень удивило, так как я считал, что это дело самого адмирала объявить такое серьезное решение одному из своих ближайших сотрудников; вижу в этом неискренность; нехорошо, если у такого лица не хватает прямоты и характера, чтобы самому произвести эту операцию. Начинаю понимать, почему все это велось так тайно и поспешно; начинаю догадываться, что все разговоры ставки о том, что реформа разрабатывается с ведения военного министерства, были ложью.

На Тайшетском участке красные свалили под откос двена-

дцать новых паровозов, шедших на усиление Западно-сибирского участка.

Восстания и местная анархия расползаются по всей Сибири; говорят, что главными районами восстаний являются поселения столыпинских аграрников, не приспособившихся к сибирской жизни и охочих на то, чтобы поживиться на счет богатых старожилов.

Плохо все это кончится; ставка упрямо все тащит на фронт и не желает понимать огромной важности образования в тылу прочных и надежных гарнизонов; посылаемые спорадически карательные отряды только бунтуют население, так как не разбирают правых от виноватых, жгут деревни, вешают и, где можно, безобразничают. Такими мерами этих восстаний не успокоить; для их исцеления нужны иные меры. Прежде всего глупо охранять железную дорогу, сидя на станциях, ходя по рельсам и не имея ничего в стороне от дороги, в районе наиболее опасных селений и важнейших колесных дорог. Говорил об этом генерал-квартирмейстеру и оперативной части, но получил ответ, что это дело начальника Красноярского района генерала Розанова, которому на месте виднее, что надо сделать для того, чтобы прикрыть железную дорогу от нападения восставших жителей. Так же легкомысленно смотрят в ставке на все нужды тыла. Думаю, что сейчас нас может выручить только дружеская оккупация наших тылов союзными войсками; возложить охрану порядка и власти на части, наспех и неумело формируемые из зеленой крестьянской и городской молодежи, неустойчивой и больной всеми приобретениями революции, — немыслимо. Не верю вообще в возможность скоро сформировать новые надежные части русской армии, даже при самых совершенных методах исполнения; то же, что делается в Приамурьи и здесь в Сибири, грозит подарить нас такими воинскими частями, которые в тяжелые минуты испытаний могут сделаться причиной нашей гибели; ведь уже и сейчас в шифрованных донесениях с фронта все чаще попадаются зловещие для настоящего и грозные для будущего слова: «перебив своих офицеров, такая-то часть передалась красным». И не потому, что она склонна к идеалам большевизма, а только потому, что не хотела служить, не хотела рисковать в бою своей жизнью и в перемене положения, создаваемого изменой, думала избавиться от всего неприятного.

Познакомился с управляющим местной работой Красного Креста Киндяковым; высказал ему необходимость избежать тех печальных сторон института сестер милосердия, которые мы видели в 1914 — 1917 гг.; нужно дать сестер-санитарок, а не тех сестер, увеселительниц штабов, начальства и молодежи, которые своей деятельностью замарали чистую и самоотверженную работу настоящих общинных сестер и немногочисленных идейных сестер-волонтерок.

Вечером в ставке состоялось последнее совещание по исполнительной части реорганизации военного управления; в совещание привлекли, без ведома и разрешения военного министра, часть подведомственных ему чинов.

Последний раз пытался внести некоторые поправки; предложил смешанную систему, которая, удовлетворяя честолюбивые и властолюбивые аппетиты ставки, возможно меньше коверкала бы весь механизм управления и причиняла бы меньше вреда, но преуспел в очень незначительной дозе, да и то в несущественном.

Борьба безнадежная, ибо реформа совершается не для дела, а для лиц; ее основания прочно укоренились в лице создавших и проводящих ее элементов; многие создают на этом свою карьеру и лезут напролом с той наглой решительностью и циничной беспринципностью, кои пышно расцвели у нас в послереволюционное безвременье.

Хотел устроить бурный скандал и, несмотря на приказ адмирала, отказаться от всякой работы при таких порядках, но Бурлин и Кондрашев уговорили этого не делать, доказав, что никакой пользы от этого не получится, но вред для общего положения будет большой, так как многие питают большие надежды на мою будущую работу и мой отказ произведет и в Омске и в разумных военных кругах самое тяжелое впечатление.

19 мая. Пришлось быть безмолвным свидетелем объявления Степанову уже совершившегося факта его отставки и утверждения адмиралом новой реформы военного управления. Пришлось пережить очень неприятные минуты нравственной неловкости за вынужденное участие в этой церемонии и чувство стыда за адмирала, в котором не нашлось достаточно характера, чтобы сделать это самому и в более приличной для своего сотрудника форме; неискренность адмирала очень напоминает в этом несчастного Николая II.

То изумление, с которым Степанов встретил слова генерала Бурлина, передавшего ему решение адмирала, показало, что ставка умело сохранила секрет и что Степанов был мало подготовлен к этому coup d'état, что сделало мое и Бурлина положение еще более тяжелым.

Степанов выдержал себя с большим достоинством и на предложение Бурлина приступить к осуществлению проекта ответил, что «предоставляет эту честь авторам реформы».

В министерстве увидел телеграмму Хорвата с просьбой о назначении Иванова-Ринова его помощником по военной части и параллельную шифрованную телеграмму начальника хорватской военной канцелярии генерала Колобова с мольбой этого назначения не допустить, так как Иванов-Ринов занят только тем, чтобы всячески подорвать авторитет Хорвата, свалить Хорвата и самому влезть на его место.

Ясно, что первая телеграмма послана воткрытую, чтобы отделаться от назойливого и опасного своими атаманскими связями подчиненного, а вторая послана секретно для того, чтобы аннулировать первую. Как это характерно для харбинского хамелеона и его дипломатических повадок.

Тут же Степанов показал мне телеграммы того же Хорвата: одну — с ходатайством удовлетворить просьбу председателя междусоюзного комитета инженера Стивенса об освобождении от призыва на службу 61 русского переводчика комитета, и другую — с просьбой этого ходатайства не удовлетворять, так как из этого числа 52 еврея.

Читал донесение нашего военного представителя при иностранном командовании во Владивостоке, генерала Романовского, о том, что все осложнения на Дальнем Востоке покоятся на честолюбии и интриганстве Ринова и что, по мнению Романовского, удаление оттуда этого честолюбивого авантюриста все успокоит и принесет огромную пользу и армии и адмиралу.

Мнение Романовского ликвидировано какими-то омскими влияниями, боящимися появления Иванова-Ринова на местном политическом горизонте и, очевидно, равнодушными к тому, что этот честолюбец будет разваливать Дальний Восток — главное основание материального благополучия армии и всего нашего положения.

Лебедев на время операции усекновения своего противника

укатил на фронт, предоставив исполнительному и старательному Бурлину разделаться с военным министерством и вытащить из огня все каштаны.

Просил Бурлина доложить адмиралу мою просьбу дать мне место командующего войсками Приамурского округа, где, вне всяких омских интриг и комбинаций, я занялся бы приведением в порядок тамошних войск, но получил отказ, так как адмирал заявил, что я нужен ему для намеченной реформы по реорганизации военного министерства.

20 мая. Полковник Акинтиевский рассказал мне, что одной из причин особо острой вражды ставки к главному штабу и его начальнику генералу Марковскому является возбуждение последним вопроса о поведении многих представителей нашей военной академии во время нахождения ее под властью большевиков и выпуска ею офицеров генерального штаба для Красной армии; некоторые из этих представителей являются сейчас старшими чинами в нескольких отделах ставки, и возбуждение столь щекотливого дела для них очень нежелательно и неприятно.

Сегодня из японской миссии сообщили, что Япония признала правительство адмирала; говорят, что одновременно решен вопрос и о ликвидации семеновского инцидента, но в какой форме — еще неизвестно.

Очень хочется, чтобы известие о признании не оказалось одной из тех уток, на которые так богат Омск и его сплетнепроизводящие сферы. Сейчас признание нам особенно необходимо и сразу разрешит целую кучу острых вопросов и запутанных узлов.

21 мая. Ставка сообщила, что я назначаюсь помощником начальника штаба верховного главнокомандующего и управляющим военным министерством; на такой редакции я настоял на последнем заседании для того, чтобы власть лица, стоящего во главе военного министерства, признавалась бы и на фронте, что существенно необходимо при сношениях с армиями и при продвижении туда разных запасов; без этого тот кургузый обрубок, которым реформа сделала военное министерство, будет ненужным аппендиксом, и его лучше сделать простым отделом ставки.

До часа ночи сидел в совете министров в качестве представителя ставки. Впечатление серое и тягучее, как то и полагается

свежему человеку в обстановке российской говорилки; мало деловитости и бережливости ко времени, много уходит на дискуссии и на обсуждение разных пустяков; не видно строго определенного русла дебатов и необходимого руководства председателя. Изумленно слушал дебаты, очень продолжительные по времени и очень колючие по содержанию и пикировке, по поводу того — в IV или в V классе должности должен быть председатель контрольной палаты; такие разговоры в 1919 году кажутся очень странными.

В конце заседания в экстренном порядке, без малейшего предуведомления внесли на обсуждение проект положения об особоуполномоченном на Урале; оказалось, что заинтересованные в этом деле омские влияния успели убедить адмирала в необходимости придержаться нормального порядка и провести это положение через совет министров по представлению министерства торговли и промышленности. Все наши екатеринбургские проекты провалились; министерство торговли и промышленности, все время отстаивавшее свой приоритет в данном вопросе, быстро наляпало свой проект положения, по внешности очень благообразный, но по содержанию вытравивший всю сущность той реформы, которую мы и промышленные круги Урала хотели провести. Омские канцелярии и тайные влияния победили; вместо диктатуры власти получили новый департамент министерства торговли и промышленности; вместо необходимой быстроты исполнения залезли в обычную волокиту. Несомненно, что это дело рук всесильного Ивана Адриановича, который является не только министром финансов, но и временно управляющим министерством торговли и промышленности и за которым, как говорят, стоит квалифицированное большинство в совете министров.

Я присутствовал в заседании как заместитель Лебедева и по положению не имел даже права голоса. Гинс, так разделявший все наши взгляды в Екатеринбурге, молчал, и проект серьезнейшего значения пролетел наподобие какой-то вермишели и получил санкцию высокого собрания.

Утром хотел попасть к адмиралу, но не попал в очередь приема; просил Бурлина еще раз доложить верховному правителю, что я решительно отказываюсь от назначения управляющим военным министерством, так как не в состоянии заседать в разных советах, где приходится находиться в зависимости от результата голосований лиц, очень часто некомпетентных в ре-

шаемых ими вопросах, и быть бессильной пешкой в сфере внутренних интриг и комбинаций. В такой обстановке я работать не в состоянии; я могу до срыва работать на чем-нибудь реальном, определенном, мне всецело порученном и на мою ответственность отданном; если нужны офицеры генерального штаба, то прошу дать мне должность 3-го генерал-квартирмейстера ставки, ведающего всеми вопросами организации и мобилизации, в чем у меня большой служебный, мирный и военный опыт и где я могу быть полезен.

Вечер пришлось просидеть в заседании финансово-экономического совещания; слушался доклад помощника военного министра генерала Сурина о положении снабжения армии, доклад очень обстоятельный и изложенный со свойственной Сурину педантичностью. Положение очень мрачное и тревожное, но от военного министерства не зависящее; доклад ярко обрисовал, в каком ужасном положении находится распорядительная часть заготовляющих и снабжающих органов; все сроки очередных заготовок упущены, все дело заказов хаотично и бессистемно; осуществление заказов находится в руках самостоятельного министерства продовольствия и снабжения, не выполняющего нарядов и сроков военного министра, которому приходится крутиться, как бес, среди все растущих требований фронта и полупустых складов и магазинов интендантства, не пополняемых во время агентами министерства продовольствия и снабжения.

Доклад произвел на совет министров очень сильное впечатление; много говорили, много горячились, но основной вопрос о передаче всего дела снабжения в военное министерство и в соответствующие органы интендантства был снят председателем с обсуждения в виду отсутствия из Омска министра снабжений Неклютина.

Такие отсрочки в разрешении остро кричащего вопроса сейчас недопустимы.

22 мая. Сижу в ожидании ответа на мою просьбу об избавлении от назначения меня управляющим военным министерством. Пусть сажают в совет министров более спокойного и покладистого человека, способного мириться с тем, что его проекты будут проваливаться большинством голосов в коллегии 12 — 14, быть может, очень умных и порядочных людей, но ни аза не понимающих в военном деле и дергаемых какими-то таинственными

нитями; весьма естественно, что многих из них искренно тревожат вопросы снабжения армии, но все же они бессильны ей чем-нибудь помочь.

Я не в состоянии спокойно сидеть в таких голосовальных совещаниях; это напоминает мне ужасные дни 1917 года, когда руки были связаны разными говорилками и резолюциями. Творческая работа и распоряжающиеся совещания несовместимы; совещания еще годны для того, чтобы выработать общие планы, но затем все исполнение должно быть отдано на полную мочь доверенных на то лиц.

Вчера, например, министр путей сообщения при общей поддержке требовал сокращения числа лошадей в армии только потому, что цифра показалась ему очень большой. Пришлось ввязаться в дебаты и объяснить, что число лошадей, из коих более половины под казаками и конными командами, определяется боевыми задачами и может быть изменено только после тщательного обследования.

Было бы много лучше, если бы вместо совещаний и болтовни было бы больше творческой работы.

23 мая. Получил приказание верховного правителя вступить в управление военным министерством; во всех других назначениях мне отказано, причем адмирал приказал мне передать, что будет поддерживать меня во всех начинаниях.

На фронте продолжается та же неустойчивая неопределенность. К счастью, дела Деникина зато сильно поправились и даже у Юденича кое-какие успехи; тогда можно помириться с нашими волжско-уральскими неудачами, ибо их ценой были привлечены сюда почти все красные резервы, а это создало возможность южным организациям оправиться и начать наступление.

Ставка и военное министерство пребывают уже два дня в состоянии полного хаоса; смелые реформаторы, начав свою перекройку, залезли в такие безысходные практические трущобы и встретились с такими неожиданностями, что совершенно растерялись. Они знают, как пишется, но не знают, как выговаривается.

Их легкомыслие дошло до того, что решили выполнить всю реформу в три дня, после чего сразу зажить по-новому. Только полное профанство в деле и мальчишеская задорность способны родить столь нелепое распоряжение. Думают, что стремительность

и категоричность приказа, подкрепленные угрозами разных кар и жупелов, достаточны для того, чтобы заставить осуществить любой бред, любой каприз.

Я уверен, что и через три недели реформа эта будет еще продолжаться и чем больше ее будут торопить, тем она пройдет хуже и тем дольше затянется; в глубине же тыла и в обиходе армии она будет жить еще многие месяцы.

24 мая. Сегодня должен выйти указ о новых (в том числе и моем) назначениях, но этого почему-то не случилось. Работа военного министерства стала вмертвую; часть служащих перешла к новому хозяину и устраивается там, стараясь унести с собой лучшую мебель, лучшие пишущие машинки и переманить лучших писарей; остальная часть служащих сидит в ожидании решения своей судьбы и трепещет, боясь попасть за штат; очевидно, что при таком настроении большинству не до работы.

В ставке тоже каша; работа там и раньше хромала по части практической налаженности и продуктивности; теперь же большинство отделов распухло, вобрав в себя уничтоженные части военного министерства, и еле переваривает проглоченное.

Фронт трещит и катится назад; приходится уже подумывать о том, удастся ли нам сохранить за собой Урал, а в это время центры военного управления оторваны от прямого дела и обращены в какие-то сапоги в смятку; не могли найти более неподходящего времени для своих скороспелых реформ!

Особенно досадно то, что большинству отделов ставки и министерства нельзя отказать в том, что с внешней стороны они работают очень усердно, и по первому взгляду можно подумать, что работа кипит; в действительности же, благодаря отсутствию опытных верхов, вся работа сводится к пустопорожней переписке, к сбору запоздалых и никому ненужных статистических и справочных данных и к ущемлениям и пререканиям. С одной стороны, наталкиваешься на самую закорузлую канцелярщину и сухой, не желающий ни с чем считаться бюрократизм, с другой стороны, царит самая неприкрашенная внутренняя атаманщина и царство личного произвола и усмотрения.

При желании отказать — пускают в ход законы, а при желании сделать по-своему — все исполняется вне всяких норм и законов, ссылаясь на исключительность обстановки и на неотложность исполнения по надобностям военного времени.

Отсутствие дельных людей, способных понять и учесть особые условия переживаемого времени и дать работе энергичное, не шаблонное, но и не атаманствующее направление, отзывается на работе самым тяжелым образом.

Мальчики, попавшие к власти и к незнакомым для них колесам и рычагам управления, или блуждают в бесконечном лабиринте непонятной им сухой канцелярщины, или перебрасываются в область самого бесшабашного усмотрения.

В результате необходимый служебный опыт накопляется чрезвычайно медленно и ценой таких ошибок и таких горьких испытаний, которые сводят часто на-нет результаты всей работы, идет не созидание, а внутренное разрушение.

Мои настояния возможно скорей расширить путем приказа административные и хозяйственные права разных степеней фронтового начальства и этим уменьшить перехват ими за пределы власти, связанной рамками положения 1914 года, остаются до сих пор безрезультатными, несмотря на сочувствие и Бурлина, и дежурного генерала Кондрашева; дежурство погружено в наградное делопроизводство, ставочные юристы заняты политикой и собственной карьерой, так что некому заняться разработкой соответственного приказа.

25 мая. Был на богослужении в местном казачьем соборе, очень понравившемся мне как стильностью своей внутренности, так и благолепием и четкостью службы.

Создал себе внушительный круг врагов среди сильных представительниц слабого пола, проведя через ставку приказ о воспрещении пользоваться казенными автомобилями для частных надобностей; надо положить конец тем безобразиям, которые мы видели на большой войне и которые продолжаются и ныне, приводя к тому, что число автомобилей тем меньше, чем ближе к фронту; тылы переполнены автомобилями, а на фронте начальники корпусных групп и дивизий их не имеют; здесь вся адъютантщина и прихлебательская челядь высоких лиц раскатывает по магазинам, ресторанам и визитам в казенных автомобилях, тратя скудные запасы горючей смеси и масла и разбивая шины, — все, что мы достаем с великими усилиями и на золотую валюту; по вечерам вся дорога у загородного сада покрыта казенными машинами с высокими военными и гражданскими дамами, приезжающими сюда отдохнуть от ужасной омской пыли. О том, во

что обходятся казне эти прогулки, головки милых дам не думают. По ночам казенные автомобили торчат у крылец разных увеселительных и злачных мест, ожидая иногда высоких сановников, освежающихся там от великих государственных трудов, а чаще всего их адъютантов, чиновников для поручений и прочего чиновного лакейства.

Я настаиваю на необходимости оставить машины только у тех лиц, служба которых требует быстроты передвижения, а все освободившиеся автомобили отправить немедленно на фронт; это облегчит передвижение строевых начальников и покажет армии, что о ней думают не только на словах, а способны коечем для нее и поступиться.

Вечером получил некоторый сюрприз, так как оказалось, что Лебедев назначен все же военным министром, а я попал к нему в помощники и, таким образом, делаюсь подначальным лицом у такого человека, с которым никогда не смогу сойтись во взглядах; кроме того, выходит, что вся работа и ответственность будут лежать на мне, а права и общий тон будут принадлежать Лебедеву; с последним я расхожусь во взглядах на управление фронтом и тылом настолько, что не могу рассчитывать на поддержку проведения моих планов и коренных реформ.

Чудо-дети очень честолюбивы и эгоистичны и мало способны к тому, чтобы прислушиваться к голосу старых специалистов. В последний раз решил выполнить свою обязанность и послал наштаверху подробный доклад с изложением всех недостатков предстоящей реформы и проистекающих из них опасностей. Знаю заранее, что ничего из этого не выйдет, но не могу спокойно все это переварить.

26 мая. Приказа о новых назначениях до сих пор нет; временами появляется смутная надежда, что все это полностью еще и не состоится, но самая реформа производится частично, каким-то явочным порядком. В министерстве полный разгром, и работа еле ползет; служащие, набранные на свои места уходящими богами Степановым и Марковским, ждут увольнения и бегают в поисках новых мест и устройств; теперь ведь принято, что с назначением нового владыки он первым делом разгоняет старый штат и замещает все хорошие должности людьми своего клана; теперь нормы и законные порядки существуют «постольку поскольку» и заменены произволением; в этом отношении у нас

сейчас самые определенные обычаи чистой сатрапии или нашего русского воеводского кормления.

На фронте никакой надежды на улучшение; как ни загримированы фронтовые донесения, из них все же всюду лезет, что дела неважны; несомненно, что способность сопротивления многих частей потеряна и что офицеры и солдаты выбились из сил; при таком положении нужна или смена, или отдых, а мы не в состоянии ни сделать первой, ни дать второго.

Помню 1915 год, когда при отходе от Белостока к Полесью, когда я бессменно шел в арьергарде первой армии, люди дошли до того, что валились на землю и засыпали в состоянии полного безразличия; они хотели только отдыха и отдыха, все равно ценой смерти или плена, но только отдыха. Но тогда были иные люди; теперь качества их уже не те, а потому тем опаснее было держать их так долго в гнойной и подлой по настроению атмосфере длительного отступления, неудач и постоянного страха обхода, окружения, плена и мученической смерти. Ведь это своего рода нравственная дизентерия, а этого не хотят видеть и не желают понять те малограмотные верхи, которые нами заправляют.

Я все время пытаюсь найти какое-либо лицо, близкое к адмиралу, чтобы хоть через него попытаться разъяснить тому правду; говорил по этому поводу с Федотовым, имеющим с адмиралом старые морские связи, но, по его словам, последний совсем в плену у своих советников.

То, что делает ставка, для меня непонятно, это или полная военная безграмотность, или же отсутствие мужества сознаться в своей ошибке, в плохом расчете всей операции; видимо, Лебедев и К° или безнадежно слепы, или неспособны на сильное мужественное решение, или безмерно честолюбивы; им хочется только успеха и славы; им, как капризным детям, хочется, чтобы боженька помог, чтобы с их горизонта исчезли противные красные бяки и чтобы наступили опять победные и столь приятные для них дни.

Сейчас не может быть никакого сомнения в том, что мы потеряли все успехи этой зимы; красные умело учли все наши ошибки и все невыгоды нашего безмерно растянутого, жалкого и расстроенного положения; ярко очевидно, что на нас ведется решительный удар и что против нас введены в дело свежие резервы. Все это делает борьбу очень неравной, и в этом надо честно

сознаться, трезво оценить создавшееся положение и принять героические решения.

Удар ведется по двум направлениям: на Уфу и на Красноуфимск; шалый и хаотичный выброс на треснувший по всем швам фронт последних, совершенно не готовых к бою резервов не привел ни к чему; нет, вернее сказать, привел к бесцельной трате тех ресурсов, которые, при более хладнокровном управлении, очень пригодились бы, скажем, через месяц или полтора.

Гайда выбросил на фронт свои екатеринбургские резервы; идут какие-то смутные слухи о происшедшей у него неудаче.

Никто не желает сообразить, что наступление и встречные бои требуют маневров и стойкости войск и что нельзя маневрировать с войсками и начальниками, совершенно не умеющими этого делать. Залезшим на стратегические верхи случайным полководцам не дано понимать, что встречный бой — операция крайне деликатная и что для этого нужны начальники, умеющие ориентироваться, разбираться и распоряжаться, и стойкие, испытанные, втянутые в самые опасные положения войска, способные к маневру, к точному исполнению приказов, к отчаянному наступлению и к врезанию в неприятеля, не боясь обходов и окружений. И эти качества нужны для всего фронта, ибо мало пользы, если на $^{1}/_{100}$ фронта будет успех, а на остальных $^{99}/_{100}$ все будет безудержно катиться назад.

То, что я слышу от приезжающих с фронта, убеждает в том, что там очень слаба, а часто даже совершенно отсутствует связь по фронту и в тыл; это было нашим крупным недостатком всегда; теперь же успешное наступление, плохая подготовка штабов, бедность технического снабжения и общая распущенность довели это зло до катастрофических размеров. Ведь армии и корпуса у нас только по названию; состав частей пестрый, они очень разнородны и разностойки; за первый год войны привыкли надеяться каждая только на себя, думать и заботиться только о себе; честолюбие начальников родило острый боевой эгоизм.

Вред этого недостатка усугубляется тем, что фронт занят участками с огромными между ними разрывами и что сзади нет достаточных резервов.

После обеда произошло, повидимому, что-то чрезвычайное, так как совещание старших чинов ставки было внезапно прервано и Лебедева и Бурлина экстренно вызвали к адмиралу, где

они просидели более четырех часов, после чего шли какие-то переговоры по прямому проводу с Пермью, где сейчас находится штаб Сибирской армии.

Порядки Омска настолько своеобразны, что я уже не удивляюсь, что на совещание, повидимому, какой-то исключительной важности меня не приглашают, несмотря на то, что силой тащут управлять военным министерством и что за мной служебный, боевой и штабный опыт такого масштаба, равного которому нет во всей Сибири.

27 мая. В ставке и по всему городу ползают слухи о пред'явлении адмиралу Гайдой какого-то ультиматума, в котором, обвиняя Лебедева и К° в бездействии и в глупых и вредных распоряжениях, он требует немедленно убрать Лебедева и передать всю оперативную часть генералу Богословскому.

Ставка пытается сохранить все это в секрете, но секрет дырявый, и сквозь его дыры лезут и расползаются самые нелепые слухи и зловредные комментарии.

Такой взрыв со стороны Гайды был, по моему мнению, неизбежен по двум причинам: прежде всего, несомненно, что распоряжения ставки — нелепые, не соображенные с обстановкой, возлагающие на войска невыполнимые задачи и принимающие очень часто дерзкие и обидные для войск формы — не могли не вызвать острого раздражения штабов армий против ставки и ее главы Лебедева; особенно недоволен был штаб Сибирской армии, всегда почти автономной, гордой своими победами. Фронт всегда и без того ненавидит свои тыловые верхи, зло и придирчиво разбирает все их распоряжения и в них видит причины всех своих бедствий и неудач; нужно очень умелое и тактичное руководство и большая забота верхов об армии для того, чтобы победить это органическое нерасположение, подчас даже ненависть. Ставка же, наоборот, делала все, чтобы стать на фронте сугубо постылой и остро ненавистной, ну, а штабы армий, групп и дивизий со своей стороны постарались, чтобы это усугубить. Частые поездки на фронт Лебедева, очень надменного, самовлюбленного, резко и бестактно путавшегося в армейские распоряжения, конечно, не могли способствовать укреплению авторитета ставки.

Сама атмосфера ставки, с неналаженностью и суетливостью работы, важностью молодых сановников и малым вниманием к

нуждам и просьбам армий, также не могла прибавить уважения и доверия.

Несомненно, что и штабы армий страдали теми же недостатками, но кто же способен видеть даже бревна в собственном глазу?

С другой стороны, было совершенно естественно, что начатая с весны реорганизационная работа и постепенные попытки привести армии к законному порядку существования не могли быть встречены спокойно и благожелательно фронтовыми владыками, атаманами и атаманчиками, которые не могли понять, что все это жизненно необходимо для пользы дела, и смотрели на все такие меры как на личную обиду и на посягательство на их законные права.

Они привыкли жить по-своему, стеснений не любили, тылу и верхам не верили, новых порядков и ограничений их воли и самодурства не желали; хотели продолжать распоряжаться самостоятельно, вне какого-либо удержа и контроля. Будучи детьми бурных времен, они были неспособны перейти к более спокойным условиям и более ограниченным рамкам существования, а потому поднимались против всего, что хотело положить предел тому, что они считали своими неотъемлемыми и на войне приобретенными правами.

Затеянные ставкой реформы и проявляемая ею, хотя пока еще только бумажная, деятельность и настойчивость в желании их осуществления должны были вызвать и вызвали резкий протест и отпор со стороны фронта, но, конечно, не в форме открытого неповиновения, а под каким-либо благовидным предлогом, каковой и нашелся в общей ненависти к главе нашей ставки и к самой ставке и в недовольстве шалыми, бесталанными и гибельными по своим последствиям распоряжениями очень молодого наштаверха.

Я совершенно понимаю Гайду и руководящие им побуждения; вспоминаю всю тяжесть и всю горечь переживаний при получении сверху нелепых, бесцельных, рожденных вдали от фронта и с попранием всех его нужд и интересов, но припирающих к стене приказов и поэтому не могу не разделить того негодования и той ненависти, которые должны производить в штабах армий и групп хлесткие, императивные распоряжения этого случайного мальчишки и его ставки, не знающих обстановки, желающих во все

путаться и требующих успехов и побед ради собственных отличий и славы.

Я смотрю на дикую выходку Гайды как на последнюю попытку обратить внимание адмирала и правительства на все происходящее и на невозможность иметь во главе высшего оперативного управления бездельного и бесцветного наштаверха. Это то же самое, что пытался сделать в 1905 году Гриппенберг в отношении Куропаткина. Вижу, что был прав, когда во время поездки в Екатеринбург при разговоре с адмиралом по поводу капризности и неисполнительности Гайды и под впечатлением той враждебности к Западной армии, которая чувствовалась в атмосфере Екатеринбурга, я советовал адмиралу подчинить Гайде обе армии, видя в этом единственный выход из создавшегося положения; я считал, что раз верховное командование не в силах заставить Гайду думать не только о своей армии, если оно не в силах его убрать или принудить дать часть резервов на усиление Ханжина, то надо сделать его ответственным за общее положение фронта; я считал, что раз у адмирала нет средств заставить Гайду исполнить его, верховного главнокомандующего, распоряжения, то надо, скрепя сердце, найти иной исход и использовать чудовищное честолюбие этого чешского авантюриста, подчинить ему обе армии и, не дергая его за больные места, дать ему возможность сделать все, что надо для улучшения положения на фронте, но его, Гайды, распоряжениями и за его, Гайды, счет и отличие. Я был уверен, что тогда Гайда вылез бы из себя, но сделал бы все, чтобы доказать, что его гений способен всякий неуспех обратить в победу, и дал бы все необходимое для помощи западной армии; наличие достаточно организованного штаба и, повидимому, энергичного и дельного Богословского гарантировало техническую сторону дела; одновременно, этот исход разрешал вопрос о реорганизации управления армиями, уничтожал их автономию, приближал оперативное управление к фронту и ставил ставку в надлежащее ей положение. Адмирал тогда задумался и обещал поговорить с Лебедевым, что было равносильно похоронам по первому разряду.

Очень жалко, что Гайда, по экспансивности и распущенности, облек свое заявление в такую антидисциплинарную и резкую форму; ведь все то, что вызвало настоящий дерзкий ультиматум, накоплялось уже давно, так что он имел полную возможность лично доложить все адмиралу в Екатеринбурге, мог, наконец, при-

ехать в Омск и с фактами и документами в руках обосновать свое заявление и сделать это в форме доклада и настойчивой просьбы, а не ультиматума. Гайда должен знать, что такое адмирал и под каким влиянием он здесь находится; он не мог не знать, каким авторитетом пользуется Лебедев, за которым, кроме личного влияния на мягкую натуру адмирала, стоят разные специфические омские организации кадетско-спекулятивного характера.

Тогда положение Гайды было бы иное, и за него наверное стали бы все, кому действительно дороги интересы фронта и армии; я уверен, что тогда его поддержали бы и Ханжин и старшие генералы фронта; я сам первый присоединился бы к такому заявлению.

Форма же ультиматума и, как передают, еще и с угрозами, является повторением семеновской телеграммы прошлого года и преступным деянием, гибельным для и без того призрачного и жалкого авторитета нашей «всероссийской власти»; преступность заявления отнимает у него все значение и аннулирует всю внутреннюю цену и основательность самого протеста. Сказывается отсутствие внутренней дисциплины, распущенность, мелкий эгоизм и узость понимания честолюбивого выскочки, обиженного отдаваемыми ему распоряжениями, неправильность которых он едва ли способен широко и правильно оценить и на которые он смотрит с эгоистической точки зрения командующего Сибирской армией, полного проектами и честолюбивыми мечтами похода на Москву.

Случайному баловню фортуны, феерично выброшенному на такую высоту, на которой закружилась голова (вспоминаю гайдовские гербы с тремя поверженными императорскими и королевскими орлами), несомненно, тяжело расстаться с заманчивыми картинами торжественного въезда в Москву героем-освободителем гиганта России, под звон сорока-сороков, в окружении конвоя в императорских черкесках, среди ликований коленопреклоненного народа.

Бесконечно печально все это. Разве при таком развале вверху могут быть крепки низы?

Весь день у правителя шли какие-то совещания; Лебедев и Бурлин носятся все время к адмиралу и обратно; радио и прямой провод все время заняты разговорами с Пермью; говорят, что решено отправить к Гайде Бурлина для переговоров и уговоров.

Омск напоминает встревоженный улей и полон самых невероятных слухов; вся реакция и средостение поднялись за Лебедева, понимая, что с его крушением может начаться новая эра, невыгодная для омского болота и его лягушек. Реформа военного управления забыта, и развороченные отделы военного министерства и ставки похожи на какие-то погоревшие квартиры.

Найдет ли адмирал в себе достаточно силы воли, чтобы с одной стороны рассчитаться с Гайдой, а с другой — понять всю грозность положения и убрать своего подсунутого откуда-то наштаверха; ведь убрал же он Степанова, за которым не было никаких повинностей; путь для заграничных командировок с позолоченными отступными уже открыт.

Боюсь, что действительность ответит на мой вопрос отрицательно, так как поддерживающие Лебедева круги очень близки к адмиралу и напирают все время только на внешнюю сторону гайдовского выступления как открытого бунта и всячески затирают основательность предъявляемых Гайдой обвинений.

Стоя в стороне от всех этих волнений, продолжаю свою черную работу; пытаюсь возможно скорей привести в какой-нибудь порядок остатки разгромленного министерства и полным ходом наверстать все потерянное время.

Прежде всего счел обязательным поставить армии в полную известность о нашем положении по части снабжений, раскрыть всю правду; послать пространные телеграммы с изложением всех планов, надежд и ресурсов, разъясняя все невероятные трудности удовлетворения их нужд; умоляю принять во внимание необходимость сокращения раздутых штатов, всемерной экономии, правильного учета эшелонирования и расходования всех запасов. Приходится повторять самые избитые, прописные истины, к сожалению, совершенно неизвестные нашим малограмотным (особенно по части тыла) верхам. Пришлось просить генерала Касаткина составить и разослать в армии, корпуса и дивизии брошюру о железных дорогах с изложением самых элементарных сведений о работе железных дорог, о данных, обусловливающих их провозоспособность, и о зависимости последней от профиля, водоснабжения, расположения депо и запасов топлива и пр. и пр. А то наши фронтовые полководцы думают, что железная дорога это все равно что улица и что достаточно пригрозить расстрелом или поркой лич-

ного состава или поставить всюду зубодробительных комендантов, чтобы по линии побежало столько поездов и такого состава, сколько заблагорассудится какому-нибудь скоропалительному превосходительству. Позабыл фамилию какого-то очень молодого, но и очень решительного генерала в Екатеринбурге, который на заявление начальника дороги о том, что технические условия не позволяют станции пропустить больше известного числа вагонов, заявил, что пришлет на вокзал своего есаула с казаками, и тогда станция пропустит вдвое и втрое больше.

Он был очень поражен, но понял свое заблуждение (в чем искренно сознался), когда я ему объяснил влияние профиля, величины перегонов, длины путей и остальных технических данных на пропускную и приемную способность станций. Жалко, что раньше не начали учить наш командный состав.

На первом по министерству докладе у адмирала развернул перед ним всю картину хаоса и бессистемности снабжения, расхищения запасов, отсутствия контроля и учета, изобилия в любимых войсковых частях и нищеты в частях-пасынках и доказал, что главное зло по части снабжений не в тылу, а на самом фронте. Адмирал совсем расстроился, просил поскорее все устроить и его именем делать нужные распоряжения.

Доложил, что он без того заваливает телеграф и почту, но, к сожалению, приказы исполняются очень слабо, неохотно, или только для отбытия номера; фронтовые начальники очень уже привыкли смотреть на все, им не нравящееся и исходящее из Омска, с точки зрения «собака лает, а ветер носит». Нужны какие-то исключительные меры, быть может, нравственного воздействия, чтобы восстановить действенную силу наших приказов. Усилением переписки этого не достичь, ибо частые и длинные приказы притупляют их эффективное значение; знаю это по опыту, такие приказы и прежде читались только обреченными на сие адъютантами, а теперь и подавно.

Распустить все было очень легко; подобрать же все опять к рукам, ух, как трудно; для этого нужно много времени, уменья и такта, нужна непреклонная система, настойчивость и педантичность в проведении необходимых мер.

Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспыхивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тухнет; то закипает и грозит

всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников.

28 мая. Сегодня, во исполнение указа верховного правителя, вступил в управление военным министерством; сказал собранным чинам министерства несколько слов о предстоящей работе, напомнил о нашей великой ответственности перед фронтом. Первым делом отменил действовавшее еще со времен директории постановление о восьмичасовом рабочем дне для служащих министерства; нелепо и преступно считать работу по часам в такое исключительно горячее время, когда фронт, живущий в несравненно более тяжелых условиях, работает день и ночь, иногда не зная отдыха по многу суток под ряд.

Поставил начальникам главных управлений их очередные задачи, назначив постепенность и сроки исполнения; подчеркнул им всю величину значения их работы и ее успеха или неуспеха; просил умом и сердцем понять, что наша работа должна возможно скорее и реальнее показать армии и флоту, что мы знаем их нужды, оцениваем их во всей их важности и что мы умеем и способны им помочь и справиться со всеми трудностями положения. Нам надо пробить, а затем и сломать ту стену недоверия, подозрительности, упреков и ненависти, которая выросла между министерством и фронтом; сделав это, мы совершим великое дело, ибо ничего нет хуже того положения, которое установилось в отношениях между фронтом и тылом; сделав это, мы окажемся в состоянии приступить к той коренной, реформационной работе, которая властно требуется обстановкой, и восстановить нормальную деятельность министерства и органов снабжения; времени у нас немного, и к началу зимы мы должны справиться со всеми язвами прошлого, чтобы в свободной и здоровой обстановке начать восстановительную работу в общегосударственном масштабе.

Просил проявления самой кипучей деятельности, развития инициативы; просил не бояться самим «беспокоиться» и меня «беспокоить» и помнить, что, чем выше положение, тем тяжелее обязанности и тем напряженнее работа; просил проникнуться убеждением, что, став к работе в такое время, мы обрекли себя на великий подвиг, быть может, на жертву и обязаны своим примером показать подчиненным, как надо сейчас служить. Указал, что одновременно с разумным исполнением закона и с соблюде-

нием должной экономии надо решительно отмежеваться от въевшегося в нас мертвого, удушающего внешнего канцеляризма, помня, что деловитость и продуктивность работы возможны при самых простых, но зато практичных формах производства. Просил принять все меры, срочно наладить главные отрасли фронтового снабжения, не останавливаясь перед расходами, ибо сейчас самые лучшие и дешевые способы исполнения это те, которые осуществлены во-время, в умном предвидении и в уменье заблаговременно рассчитать и распорядиться; опоздания всегда вредны, а ныне они могут быть катастрофичны, ибо мы живем средствами дня, — регулирующих и обеспечивающих запасов у нас нет.

В проклятом вопросе о «бездействии» и «превышении» власти, этой гибельной гайке, душившей всегда и везде всякую самостоятельность, просил придерживаться, конечно, разумно, последней части, т. е. превышения с немедленным мне докладом для покрытия этого действия моими санкциями.

Начал тяжелое дело. Чем-то оно кончится? Удастся ли направить адмирала в надлежащее русло? Настроение тревожное, но бодрое и приподнятое; чем труднее задача, тем больше хочется ее успешно выполнить. Жена называет это привычкой постоянного первого ученика.

Весь вопрос в том, насколько глубоко и прочно поддержит меня адмирал, в особенности тогда, когда дело коснется ставки и основных принципов; очень уж он неустойчив; в начале каждого доклада я чувствую, что он предубежден против моего пессимизма, но затем вижу, как доводы и факты его побеждают; к концу доклада он уже на моей стороне, но только до тех пор, пока не придет и не опрокинет кто-либо другой.

В наличной омской обстановке я совсем одинок; принимать участие в интригах, в партийных и кружковых минах и контрминах абсолютно не умею и не способен, и в этом самое слабое место моего положения и моей работы, — придется тянуть одному «против течения».

Черные точки впереди — это колеблющееся и, по-моему, почти безнадежное по части сохранения за нами Урала положение фронта, а затем семеновщина в тылу и атаманщина в самых разнообразных ее формах и проявлениях, все глубже вгрызающаяся в наше хилое тело. Если верховный не примет самых решительных мер (возможных только при содействии союзников) и

не свернет шеи читинскому Гришке с его японскими друзьями и всем его плодящимся последователям, то перспективы на будущее у меня самые мрачные.

29 мая. Утонул в море новой работы; нужно вести новый курс и одновременно познакомиться и с наличным положением, и с прошлым. Еще раз просил начальников управлений, чтобы все исполнялось не как бумажный номер, а как детали живого, кровью пахнущего и жизнями оплачиваемого дела, за которым стоит спасение родины.

Работать тяжело: министерство совершенно разгромлено произведенной реформой, и из него извлечены лучшие работники. Ставка упоена положением победителя и пляшет на наших костях, отбирая имущество, писарей, машинки и пр. и пр. Просил Бурлина положить этому предел, но симпатичный Гаврилыч не в силах мне помочь: его запрягли, навалили на него всю ставку, и он еле выгребает.

Более честные и искренние из авторов новой реформы, ожесточенно содействовавшие ее проведению, теперь открыто сожалеют о содеянном и сознаются, что сами ошалели от той неразберихи, которую породила всюду эта скороспелка.

Как объяснить и фронту и тылу, что ныне уж нет главного штаба, инстанции, существовавшей более ста лет с вылившимися в строго определенные и для всех привычные рамки функциями; как объяснить, что военный министр это не то, к чему привык каждый военный, а что-то вроде старшего каптенармуса, ведающего развозкой и распределением даже не им заготовляемого снабжения.

Инцидент с Гайдой затянулся; положение создается самое печальное; вместо Бурлина в Пермь отправился генерал Нокс; туда же изволил отбыть и оренбургский казачий атаман генерал Дутов, якобы обещавший уговорить Гайду и уладить весь инцидент.

Зато окончился длительный семеновский инцидент, окончился компромиссным соглашением, мало утешительным для будущего, ибо мало надежды, что японизированная семеновщина перестала быть таковой.

По этому соглашению — факультативной стряпне Иванова-Ринова и разных иностранных и доморощенных пассификаторов — все бывшее считается не бывшим; выходка Семенова объяс-

няется излишне горячею любовью к родине, и он признается командиром 6-го Сибирского корпуса с подчинением командующему войсками Приамурского военного округа.

Старого не вернуть; приходится примириться и с этим кургузым решением; хочется только, чтобы читинский атаман хоть теперь опомнился, понял, какое зло он причинял нашему общему делу, и искренно, бескорыстно стал тянуть общую лямку, отойдя бесповоротно и от своих японских друзей и от своих разбойно-преступных сотрудников. Очень жаль, что адмирал не нашел решимости настоять на отправлении Семенова и Калмыкова на фронт, хотя бы в подчинение к Пепеляеву, который бы живо с ними справился. При теперешнем решении очень сомнительно обращение Семенова в законную веру, а тогда, оставаясь в Забайкальи, в среде своих сотрудников и советников определенно и ядовито антиомского направления, он всегда может дать рецидив, и это будет висеть постоянной угрозой над нашим тылом. Недаром мой начальник канцелярии, глубокий кладезь всех омских разговоров, слухов, сплетен и фактов, докладывает, что среди просеменовских кругов говорят, что атаман исполнит обязательства этого соглашения «постольку, поскольку это будет «им» удобно».

Восстания в близком и глубоком тылу разрастаются; весна и листва дают огромные преимущества повстанческим бандам; средств противодействия у нас нет, так как все годное притянул фронт, а те импровизированные части, которые посылаются в тыл, способны только на то, чтобы поднимать новые восстания. Обобрав тыл, ставка учинила огромный и, быть может, непоправимый промах, ибо без спокойного тыла нам никогда не выгресть.

Мой «пессимизм» считает, что сейчас военными средствами нам уже не справиться с тыловыми восстаниями и что для этого надо или какое-нибудь чудесное изменение настроения населения, созданное экстреннейшими и шкурнополезными мерами, или же немедленная оккупация тыла союзными войсками и введение там смешанного русско-союзного управления, в котором союзная его часть должна гарантировать населению безопасность от атаманщины и беззаконий.

К сожалению, оккупация en masse возможна только за счет Японии и ее войсками, а между тем то покровительство, которое оказывается японскими начальниками Семенову и Калмыкову, не

дает никакой возможности надеяться на нужную для нас политику японской оккупации.

Желая дать вооруженную силу начальникам губерний и областей, министерство внутренних дел стало формировать отряды особого назначения; забыли, что служба таких отрядов требует отборных людей строго законного порядка, и получилось нечто очень мрачное и нелепое, ничтожное по своему военному значению, неспособное справляться с крупными восстаниями, но зело вредоносное по своей распущенности, жажде стяжания и легкости по части насилий.

В отряды попало не мало старых, опытных полицейских и жандармских ярыжек, которые по старой привычке надувать начальство заваливают его донесениями об успехах, разгроме повстанцев и покорении под нозе, а сами бегают от повстанцев и отводят душу над беззащитным населением. Лучше бы бросили все эти усмирения и ограничились охраной железной дороги; быть может, без усмирений все усмирилось бы само собой, особенно, когда подошло бы время полевых работ.

Мои разговоры на эту тему вызывают только недоумевающие взгляды; думаю, что некоторые собеседники не прочь отправить меня в госпиталь, а кое-кто не прочь и рекомендовать контрразведке пощупать мою переписку насчет красной опасности.

Лунные человеки, живущие в тумане громких фраз и воздушных замков, продолжают рассчитывать на чехов, уверяя, что те готовы водворить в нашем тылу порядок, даже с применением вооруженной силы.

Это чрезвычайно опасное заблуждение, отвлекающее наше внимание от грозной серьезности положения и задерживающее до некоторой степени и без того слабый импульс по принятию срочных и решительных мер. Большинство чехов — это бывшие пленные, в свое время предпочетшие плен всем неприятностям войны; сейчас они живут в довольстве и спокойствии и не имеют ни малейшего желания подвергать свою жизнь опасности насильственного ее прекращения да еще не ради своего, а чужого для них интереса; они флегматично прикрывают, да и то весьма относительно, им самим нужную дорогу и если изредка и огрызаются на большевиков, то только тогда, если те случайно заденут.

Лунные человечки продолжают смешивать тех чехов, которые дрались у нас на фронте против австрийцев, с теми чехами, кото-

рые сидели в плену и ушли в чешские части ради выгоды и выхода из положения пленных; эти человечки продолжают воображать, что все чехи en masse подняли оружие против большевиков ради нашего освобождения, а не ради собственной безопасности и освобождения себе пути на восток, как то было в действительности; лучшие представители чешских фронтовых бригад легли на Урале, лежат искалеченными в госпиталях, а немногие оставшиеся — бессильны изменить общее пассивное и эгоистическое настроение всей массы.

Здесь, в Омске, сидит кучка чешских приятелей, которые стараются создать себе на этой дружбе видное положение; они сами или кто-то втирает им очки радужными перспективами активной чешской помощи, и эти миражи они подносят адмиралу, Вологодскому, ставке и всем влиятельным лицам Омска. То, что я видел и узнал про чехов в Харбине и Владивостоке и что видел на линии, а также те сведения, что доходят через контр-разведку из Иркутского района, заставляют меня желать, чтобы чехи поскорее продвинулись на восток, ибо никакой пользы нам от них нет и они нас только объедают и критикуют; им хочется домой и меньше всего хочется воевать, а от таких настроений лучше быть подальше.

Положение на железных дорогах заставляет обратить серьезное внимание на еле ползущее формирование батальонов железнодорожной службы и охраны. Поздно за это взялись, а между тем это дело первой очереди; сюда можно было привлечь небоевые и боящиеся полевой службы элементы и заинтересовать их спокойной относительно службой и хорошим снабжением; порядок на железных дорогах очень скоро отразится на порядке во всей тяготеющей к дорогам полосе; красноярский комендант говорил мне, если бы у него была сотня хорошей и надежной охраны, то он привел бы вокзал и весь обиход на нем в отличный порядок; такое мнение вполне подтверждается тем приличным состоянием и внешним порядком, в которых пребывают районы, находящиеся в ведении чехов и их комендантов.

Охрана дороги чехами почти ничего нам не дает, так как они стоят на станциях, линию только наблюдают и итти в сторону от дороги не хотят; такая охрана равноценна дырявому мешку, и об этом надо заявить союзникам.

30 мая. Ночью адмирал лично отправился в Пермь на уго-

воры Гайды. Скверная вещь эти разные уговоры, сие блестяще доказано два года тому назад нашим неудачным главноуговаривающим Керенским и его вольными и невольными последователями; я сам это пережил в течение шести месяцев состояния в роли корпусноуговаривающего. Компромисс — это не решение, а только временная отсрочка, спешный ремонт опасной трещины, поверхностное, но не радикальное лечение.

Адмиралу надо отцукать Гайду, заставить его понять весь вред его дерзкой эскапады, но надо также и самому разобраться в доводах Гайды и убрать бесталанного и вредного наштаверха: ведь Гайда совершенно прав, обвиняя Лебедева и ставку в неумелых и вредных для фронта распоряжениях и требуя направления всей работы ставки на более дельную дорогу; ведь очевидно, что ставка ничего до сих пор не дала по части оперативного управления, ни по части организации.

Сегодня по карте я подсчитал, что отсутствие руководства армиями во время шалого военного полета к Волге и нелепое выбрасывание вперед отдельных частей в стремлении первыми и поскорей захватить известные пункты привело к удлинению фронта на 260 верст, разбросало армии и группы и лишило их всяких резервов.

В ставке сваливают все на экспансивность отдельных начальников — Пепеляева, Гривина, Вержбицкого и других, летевших овладеть Вяткой, Казанью, Симбирском, Самарой и пр. и пр., но сама ставка была обязана сдержать такие нелепые порывы и заставить вести наступление должным темпом и твердой рукой, расчетливо, а не на авоську. И я уверен, что при спокойном, здравом, не заносчивом, но тактичном вразумлении старших начальников фронта можно было этого добиться.

Вечер просидел в совете министров — впервые как законный заместитель военного министра. Новое для меня дело эти заседания, но все же как-то странно, что в такое бурное и стремительное время министры и их помощники принуждены по два, а иногда и по четыре раза в неделю проводить по 5 и по 6 часов вечернего времени в обсуждении и разрешении разных мелких проектов самого обыденного характера.

Все делается на старо-петербургский манер и очень задерживает удовлетворение насущных, кричащих потребностей жизни; думается, что обстановка требует огромной децентрализации

власти и предоставления больших полномочий старшим руководителям главных сторон государственной жизни и управления страной; нужно только, чтобы каждому из них была дана исполнительная программа его работы с правом самой широкой инициативы в ее осуществлении.

31 мая. Одним из срочных вопросов по министерству поставил разработку снабжения предметами первой необходимости населения освобождаемых от большевиков губерний, ибо в этом единственное и верное средство привлечь на свою сторону мелкое городское и деревенское население, изголодавшееся и истосковавшееся по этим предметам.

К сожалению, исполнительная часть не в моих руках, и мне приходится быть только идейным возбудителем и беспокойным подталкивателем этого проекта; министерство снабжения и продовольствия относится к идее сочувственно, но я мало верю в энергию и деловитость его органов. . .

Нужно работать стремительно, ибо слишком много времени уже упущено даром, нужно отбросить рутину; на-днях, по соглашению с Касаткиным, я выхлопотал первый внеочередной наряд в шестьдесят вагонов старинной сибирской фирме братьев Колокольниковых для подвоза муки на Урал, остро страдающий от недостатка довольствия; при этом фирма обязалась продавать муку втрое дешевле существующих на Урале цен. Сделал это потому, что на екатеринбургском съезде определенно выяснилось, что тревожное настроение рабочих в значительной степени зависит от неуверенности их в снабжении и боязни голода; некогда ждать, пока явится главноуполномоченный и начнет все это налаживать, и надо немедленно показать населению, что власть и начальство о них заботится.

Нужда на Урале такая, что зерно возят на Средний и Северный Урал гужом из Троицкого района за многие сотни верст. Пока министерство снабжений витает в области обещаний, мука в районе Екатеринбурга и Перми дошла до 200 рублей пуд, в то время когда в Барнаульском и Бийском районе имеются миллионные запасы зерна, и мука там стоит не дороже 28 — 30 рублей.

Воображаю, сколько пересудов и сплетен будет примазано к этой льготе теми, кого она заденет по карману и чьи спекулятивные барыши уменьшит, будут высчитывать, сколько я и Касаткин получили с Колокольниковых за этот наряд.

Но я решился не останавливаться ни перед чем, тем более, что адмирал вполне одобрил мой взгляд и обещал, что всегда покроет своим утверждением все, что я найду нужным выполнить ради блага дела; положение не терпит проволочки и нельзя ждать, пока министерство продовольствия раскачается и привезет муку; при порядках этого черепашьего министерства можно пропустить все сроки, что оно уже доказало на снабжении армии.

Вечером начальник канцелярии дал мне для прочтения письмо, полученное с фронта проживающим здесь известным епископом Андреем Уфимским; пишет мой бывший подчиненный по штабу 70-й дивизии подполковник Кронковский, только что прибывший в штаб Западной армии; он в очень мрачных красках описывает настроение отходящего фронта, причем указывает, что кучки героев затираются подавляющим числом самых отъявленных шкурников, больше всего боящихся опасности и смерти. Неосведомленность войск о происходящем на фронте и в тылу поражающая; как пример приводится письмо одного солдата о том, что к ним приезжал «какой-то аглицкий адмирал Кильчак, должно быть, из новых ораторов, и раздавал папиросы»... Вот к чему сводится не прикрашенное ничем впечатление от посещений адмирала, который придает им такое значение. Вижу, что был прав, когда посоветовал адмиралу ездить на фронт в общегенеральской форме и не защитной, а с лампасами и красными отворотами; надо понимать привычки наших солдат и рядового офицерства, считающих, что на большом начальнике должно быть много красного.

В конце письма автор письма просит епископа Андрея организовать разумную пропаганду и осведомление в тылу — мысль совершенно верная, так как на фронте почти нет времени, чтобы просвещать и наставлять; это надо делать раньше, работая в самой гуще населения и в запасных частях, которые должны давать фронту здоровые и понимающие обстановку пополнения, разумно настроенные, хорошо осведомленные и приученные интересоваться всем происходящим дальше их собственного носа.

Наступательные эксперименты с неготовыми для боя войсками окончились очень печально: левый фланг Сибирской армии разбит и, как доносит Гайда, «дезорганизованные части генерала Вержбицкого бегут». Впервые встречаю в оперативной сводке такое откровенное донесение; в ставке считают, что сейчас Гайда

желает возможно сильнее сгустить краски о положении на фронте для того, чтобы резче подчеркнуть, к чему привели распоряжения Лебедева; мне же думается, что под общим приподнятым настроением прямо сорвалось слово правды, которую прежде так усердно гримировали.

Несомненно только, что и в Сибирской армии перешли коэффициент упругости боевого сопротивления и что ей грозит тот же оборонительный паралич, который уже разбил Западную армию.

Судьба блестящего по внешнему виду корпуса Каппеля, брошенного на фронт по частям и не в готовом для боя состоянии, ничего там не сделавшего и потерявшего часть состава ушедшими в сторону красных, и судьба резервов Сибирской армии, тоже не готовых к бою, брошенных запоздало в прорыв между армиями и разбежавшихся при первом ударе, должна наконец дать ставке и штабам армий самое грозное предостережение, к чему приводят такие нецелесообразные и неграмотные распоряжения. Через полтора-два месяца это были бы сносные, а для теперешних условий — даже и хорошие войска; сейчас же — это жалкие остатки с таким трудом сколоченных резервов, потерявшие почти все, что было дано им из снаряжения, обмундирования и разных технических средств.

Вообще положение на фронте сделалось таким, что недавние оптимисты примолкли и в Омске наступило довольно тревожное настроение.

Я смотрю на будущее еще мрачнее, так как наши последние резервы — 11-я, 12-я и 13-я дивизии, формируемые в тылу в Омске и Томске, к бою еще не готовы, не имеют артиллерии, пулеметов, средств связи, обоза и пр. и пр.

А между тем очевидно, что нам на Урале уже не удержаться, а это грозит Екатеринбургу, Перми и Челябинску, в которых сосредоточены большие запасы разного снабжения. Поэтому приказал приостановить продвижение за Омск новых запасов и просил начальников снабжений армий расходовать все то, что накоплено в их тылах. Просил генерал-квартирмейстера ставки дать заключение о том, не своевременно ли начать частичную эвакуацию Екатеринбурга, но получил громоносный ответ на тему, что подобные проекты могут отразиться на «настроении войск».

Вот до чего доводит кабинетное управление при помощи

несведущих по своей специальности юнцов; они живут утопиями и миражами, мечтают о сохранении настроения, которое так определенно обрисовано в сегодняшнем письме Кронковского.

Больше всего тяготит меня неминуемая потеря уральских заводов и всех размещенных там заказов, запоздавших сдачей вследствие бездеятельности (если не хуже) органов министерства снабжения: это грозит тем, что армии останутся без обоза, походных кухонь и что мы лишимся всех технических заведений, снабжавших нас новыми орудиями, запасными частями, рельсами, железом и металлами.

Ставка не сумела все это эшелонировать, так как мечтала только о победах и не застраховалась на случай возможных неудач. Подлая разведка все время морочила голову вымышленными россказнями о полном разложении и уничтожении Красной армии, и теперь приходится готовиться к искуплению за все эти ошибки.

Настроен так мрачно, что даже и умный Прибылович, обычно мне сочувствовавший, начинает упрекать меня в излишнем пессимизме. Все надежды на то, что красные должны выдохнуться, не имеют за собой никаких оснований, ибо вообще при наступлении выдыхаются медленнее, а затем — отсутствие с нашей стороны упорного сопротивления и маневренных контр-ударов (по неспособности на то и на другое) не дает данных для истощения красных, двигающихся притом почти исключительно на подводах.

1 июня. Тянем нелепую реорганизацию ставки и министерства по рецептам ставочных вундеркиндов; пока что добились невероятной путаницы и остановки всей работы; поступающие со всех сторон вопросы, телеграммы, требования, переписка перебрасываются между ставкой и отделами министерства, причем многие стараются изыскать всякие предлоги, чтобы отпихнуть от себя побольше работы и свалить ее на чужие плечи.

Своим отделам я приказал исполнять все поступающее к нам по нашей прежней компетенции, не считаясь пока с новостями реформы, а по исполнении передавать в ставку. Но такими порядками можно продержаться только несколько дней.

Верхние этажи нашего помещения заняты осведомительными органами ставки; народу толчется там тьма, а результаты их деятельности видны по вчерашнему письму Кронковского и по

тому, что я сам испытал, сидя в глубоком харбинском тылу. В осведомление набились всякие шкурники, безработные писаки, и все это очень усердно осведомляет Омск, заклеивая глупыми плакатами и бюллетенями все омские заборы, но не умеет и бессильно распространить свою деятельность туда, где в ней самая острая нужда.

Я полон самой острой злобы на это очковтиральное учреждение, поглощающее огромные суммы, и, будь моя власть, я разогнал бы его в 24 часа.

В ставке нахмуренное настроение; Лебедеву приказано считаться больным, и он занимается в своем вагоне, передав фактическое исполнение наштаверху Бурлину; говорят, что это сделано, чтобы не дать повода бурному Гайде осуществить какую-нибудь выходку и не дразнить его получением распоряжений за подписью Лебедева.

В городе масса разных слухов; шепчутся о предстоящих якобы переменах в составе совета министров; пробовали и меня вовлечь в политику и в разные комбинации, но я решительно отказался, заявив, что у меня столько дела по своей специальности, что заниматься посторонними вещами мне некогда; на желание же узнать, к какой политической партии я принадлежу или хочу примкнуть, я ответил: «к партии здравого смысла и добросовестной работы».

Произошло решительное столкновение с моим призрачным начальством в лице самого Лебедева по вопросу о судьбе выпускных кадет из шести сохранившихся у нас кадетских корпусов; Лебедев и К° решили отправить их в инструкторские школы, созданные современным вариантом Аракчеева генералом Сахаровым и штампующие не офицеров, а почти негодный для войска их суррогат; эти школы пользуются особым вниманием Нокса, быть может, и отлично к нам расположенного, но не понимающего наших нужд по части офицерского состава, не знающего нашей молодежи и меряющего нас на английский аршин; он воображает, что можно в срок 6 — 8 недель сделать офицеров из русских подростков современного развального периода; на этом мы уже осеклись во время большой войны, залив ряды армии совершенно негодным суррогатом офицерства из краткосрочных школ.

Я настаиваю, чтобы кадеты были направлены в имеющиеся

у нас военные училища и провели бы там не менее года в самой напряженной работе по приобретению знаний, необходимых для офицера, и получению этической закалки настоящего офицерства; это единственный способ положить начало настоящему русскому офицерству, достойному принять и сохранить лучшие, здоровые традиции их отцов и предков. Глупо и безжалостно будет погубить эти последние остатки нашей молодежи, особо ценные тем, что большинство принадлежит к военной среде, получили сносное семейное воспитание, прошли шесть лет корпусной тренировки и по всему этому представляют лучший контингент для начала создания нормальных офицерских кадров. Их всего двести человек, и они своим прибытием на фронт не в состоянии разрешить общего офицерского кризиса; несравненно лучше немедленно же перейти к массовому производству в офицеры старых и надежных унтер-офицеров; я держался этого взгляда во время большой войны и считаю, что сейчас это повелительно необходимо.

Лебедев уперся как бык на своем.

2 июня. Был у генерала Жанена. Веселый, жизнерадостный француз; считается гланокомандующим союзными войсками, но чехи его слушаются только тогда, когда это им удобно. По просьбе Жанена, высказал ему свои взгляды на современное положение России и Сибири и на те виды союзнической помощи, которые нам сейчас неотложно необходимы. Пытался ему растолковать, что прежде всего нужно, чтобы союзники признали образовавшуюся в Омске власть и поддержали ее морально и материально; сейчас мы находимся в невероятно тяжелом и сложном положении какого-то bâtard'a, и это дает возможность разражаться разными выпадами Семенову, Гайде и другим атаманам, допускает двусмысленное поведение японцев, давит нас по финансовой части, вносит ужасную путаницу в дело снабжения, выдаваемого нам как-то из-под полы и вроде каких-то подачек. Очевидно, что нам хотят помочь, а если так, то надо делать это скоро, откровенно и полным махом, понимая, что затяжка только истощает Россию и усиливает положение большевиков. Затем нам нужна прочная, планомерная помощь вооруженной силой, но никоим образом не для войны на фронте, а для оккупации важнейших населенных пунктов и для установления там законного порядка и нормальных условий жизни; сделать сами мы этого не

в состоянии как по недостатку людей и вооруженной силы, так и по причинам чисто морального порядка, свойственным атмосфере гражданской войны, остроте классовой борьбы, горечи испытанного и трудно подавляемой жажде реванша и реакции.

Это нам надо временно до тех пор, пока не окрепнет закон и государственность и не установятся новые административные органы (центральные и по самоуправлению в самом широком значении этого слова).

Для этой цели нам нужны совершенно нейтральные, беспристрастные и спокойные войска, способные сдержать всякие антигосударственные покушения как слева, так и справа. Только под прикрытием сети союзных гарнизонов, не позволяющих никому насильничать и нарушать закон, поддерживающих открыто и определенно признанную союзниками власть, возможно будет приняться за грандиозную работу воссоздания всего разрушенного в стране, восстановления и укрепления местных органов управления и за еще более сложную и щекотливую задачу постепенного приучения населения к исполнению государственных и общественных повинностей, к платежу налогов, одним словом, к многому, от чего население отвыкло; это неизбежное ярмо надо надеть умеючи, а главное — без помощи наших карательных и иных отрядов.

Размер материальной помощи надо точно выяснить — по количеству и срокам — и обеспечить нам порядок и срочность получения, не держа нас в положении Персии и Турции или расточительного племянника, получающего случайные подачки от тароватых дядюшек. Все приходящее во Владивосток надо сдавать нам, а не распоряжаться каждому союзнику по его усмотрению и по его симпатиям.

Одновременно надо выяснить, сколько и как надо за все это заплатить или засчитать, ибо только тогда возможно равноправие сторон.

Особенно я подчеркнул, что союзники делают большую ошибку, затягивая вопрос о признании нашего правительства; если оно почему-либо не нравится или ненадежно, то тогда надо об этом сказать, указав, что и как надо изменить, или же тогда уже признавать за власть большевиков: половинчатое решение тут невозможно.

Признание нужно не для честолюбия правительства, а для его

укрепления; оно нужно для психологии народных масс, главного деятеля в будущем устройстве России.

Я очень увлекался, излагая все это; к сожалению, мой собеседник не особенно внимательно меня слушал, стараясь перейти на иные, нейтральные материи; но я видел в Жанене главнокомандующего союзными войсками и поэтому решил использовать случай и сказать все.

В ставке и министерстве все тот же развал; слава богу, что еще главные управления не пострадали от этой реформы. Начали носиться даже слухи о том, что в связи с колебанием положения Лебедева возможна отмена всей этой ерунды; говорят, что и совет министров обижен тем, что все это проведено не только без его согласия, но даже без его ведома, чем в отношении установлений военного министерства нарушен закон, не позволяющий проводить таких реформ без рассмотрения и утверждения советом министров.

3 июня. Приступил к организационной работе по приведению всего дела снабжения в приличный вид; всюду наталкиваешься на нелепость всей системы, рутину и канцелярщину. Несомненно, например, что почти все главные управления (за исключением санитарного и медицинского) организованы весьма сносно и там довольно много старых и опытных работников, но все это работает по заводу и по указке чисто мирного, нормального времени и поэтому не в состоянии поспеть за стремительно летящими нуждами и требованиями.

Самое тяжелое положение по интендантской части, где мы являемся последним этапом медленной, плохо организованной и хромающей на все ноги деятельности министерства продовольствия и снабжения; выполнение наших нарядов идет очень неаккуратно, а что еще хуже, это то, что от распорядительных органов этого министерства невозможно добиться правды, и на все запросы они юлят, врут или отмалчиваются.

Скверно и то, что главные начальники управлений (за исключением одного только генерала Каханова) настолько инертны, шаблонны и неспособны к творческой инициативной деятельности, что нет никакой надежды на их почин и самодеятельность; они привыкли танцовать от печки и не утруждать себя особенно новыми мыслями и лишней работой. На все мои подталкивания и указания стал получать доклады с изложением преимущественно причин, почему мои распоряжения невыполнимы и невероятно

трудны. Пришлось потребовать, чтобы вместо сто одной причины, почему исполнение невозможно, докладывали бы хоть одну сто первую долю способа, коим это можно осуществить. Приказал начальнику главного артиллерийского управления разработать срочно проект о постройке оружейного и патронного завода — вопрос огромной важности, ибо сразу поставит нас на свои ноги по части основного боевого снабжения, избавит от выклянчивания у союзников и остановит утечку за границу золота за делаемые там заказы.

Сегодня получаю доклад, что исполнение очень трудно и осуществимо только через три года: таково-де компетентное мнение десятка самых опытных специалистов; наговорил по этому поводу много кислых слов начальнику Гау и приказал узнать, каким образом сумели справиться с этим делом в течение нескольких месяцев японцы, приняв наши заказы во время войны, а затем и американцы.

Наше главное артиллерийское управление всегда было оплотом и рассадником самой закоренелой рутины и староверческого технического мракобесия, так что нечего удивляться полученному мной ответу.

На фронте Сибирская армия покатилась назад и покатилась совсем скверно, повидимому, в положении, близком к катастрофическому; разгром ее левого фланга поставил в почти безвыходное положение ее правофланговые части, которые все время гнали вперед, в направлении на Глазов.

Фронт сломлен, а тут еще инцидент с Гайдой и перекраивание омскими портными дырявой и без того хламиды высшего военного управления; в тылу же все шире и шире разгорается восстание. Одна тайшетская пробка уже два месяца остановила ночное движение поездов на этом участке и самым тяжелым образом отзывается на нашем подвозе, сократив вдвое число приходящих с востока вагонов и не давая возможности отправлять назад освобождающийся порожняк; скудость подвоза усугубляется обращением на линии союзных эшелонов и союзных поездов, причем своего подвоза союзники ни в коем случае сократить не желают, свою порцию графика выделяют в первую очередь, а нам оставляют огрызки; ясно, что при таких условиях совершенно невозможно образование каких-либо запасов и мы живем за счет ежедневного подвоза или сокращения дач.

Теперь для меня совершенно ясно, к чему привело армии руководство ставки, стратегическое и организационное. Теша свое раздутое зимними успехами честолюбие и надеясь все время, что наступившие к весне неудачи пройдут, наши стратеги не пощадили истрепанные зимним и весенним походом войска и не сумели во-время отойти за Урал, на подступах к которому можно было арьергардами из отборных частей очень надолго задержать красное наступление; им нужны были громкие успехи и обильные наградными последствиями победы, и в этом эгоистическом чаду не нашлось места для того, чтобы понять, что войскам надо было дать пополниться, отдохнуть, отоспаться, отъесться и что по части организации и снабжений нужны были решительные, молниеносные реформы. Вместо всего этого цеплялись за авоську и на этом растрепали и погубили для будущего тыловые резервы — группу Каппеля и резервы Сибирской армии, а с ними — массу винтовок и драгоценных по нашей бедности запасов обмундирования и снабжений. То, что сейчас делается на фронте, является неизбежным результатом безграмотного и шалого руководительства ставки и ее горе-наштаверха.

Вечером в совете министров слушали доклад прибывшего от Деникина генерала Сычева, доклад по сути бесцветный и несодержательный, по форме бахвалистый и чересчур сдобренный пафосом и слезой. Чувствуется, что правды не сказано и что в погоне за красочностью описаний истина сильно пострадала. Совету же министров надо знать настоящее положение, как бы оно тяжело ни было. Из всего слышанного меня очень огорчил факт ссоры Деникина и Краснова, происшедший, по словам Сычева, от нежелания Краснова подчиниться Деникину. Неужели же нельзя даже перед лицом смертной опасности для родины забыть местничество? Стремление к власти и борьба за нее уже третий год грызут лишенную законной власти Россию и грозят самыми тяжелыми последствиями.

4 июня. Утром вернулся из Перми адмирал; одновременно приехали Гайда и Дутов, а с востока прикатил смененный с должности командующего войсками Приамурского округа казачий держиморда Иванов-Ринов. Надо весьма опасаться, что эта политиканствующая троица устроит здесь какой-нибудь кавардак.

Акинтиевский, ездивший с адмиралом на ликвидацию гайдовской истории, рассказал мне подробности всего инцидента. 26 мая

председатель совета министров получил телеграмму Гайды с просьбой, чтобы совет министров поддержал те требования, с которыми Гайда обратился к верховному правителю.

Но требований этих к адмиралу не поступило, — видимо, в последнюю минуту не хватило духа послать.

Когда Вологодский доложил верховному правителю о полученной телеграмме, то адмирал вызвал Гайду по беспроволочному телеграфу и, после нескольких вопросов, спросил Гайду: намерен ли он исполнить его, верховного главнокомандующего, приказания?

Гайда на это ответил: да, но поскольку они не будут мешать его, как командующего Сибирской армией, оперативным распоряжениям. Отсюда и завязалась вся история, обостренная требованием убрать Лебедева.

После совещания с Ноксом и Жаненом адмирал решил сам ехать к Гайде, так как иных средств для разрешения инцидента не было: трагическое бессилие верховной по названию власти и верховного по званию командования, вынужденных советоваться с иностранцами и не имеющих реальных средств заставить выполнить свою волю. . .

Было решено итти напролом; взяли с собой весь конвой верховного правителя, приказали изготовиться находящемуся в Екатеринбурге батальону охраны ставки и двинулись на запад усмирять непокорного сибирского командарма из перебежавших к нам фельдшеров австрийской армии. Осуществились предсказания тех, которые предупреждали адмирала, когда он пригласил Гайду на русскую службу.

При отправлении было решено, что если Гайда будет продолжать оказывать неповиновение, то его арестовать и отправить немедленно в Омск. Подъезжая к Перми, не знали даже, встретит ли Гайда верховного главнокомандующего, или нет; уже в самой возможности такого сомнения кроются грозные для будущего перспективы. Но Гайда оказался вполне по внешности корректным и встретил адмирала с обычной помпой и по уставу. После встречи и ухода с платформы почетного караула вокзал был занят частями адмиральского конвоя, изготовившимися против всяких случайностей, а адмирал пригласил Гайду в свой вагон и объявил ему, что так как он позволил себе отказаться от исполнения приказаний верховного главнокомандующего и пытался поднимать совет министров против верховного командования, то адмирал не

считает возможным долее оставлять его в должности командующего Сибирской армией и предлагает сдать командование начальнику штаба армии, а затем ждать решения дальнейшей своей судьбы в Омске.

Гайда горячо оправдывался, доказывая, что он был обязан довести до сведения совета министров о том, что распоряжения ставки губят армии.

Тогда адмирал спросил Гайду, почему же он раньше ему этого не донес, не доложил, не сделал никогда ни одного намека о такой оценке распоряжений ставки, а между тем это была его прямая, как командарма, обязанность. Эти слова адмирала очень знаменательны, ибо дают всему выступлению Гайды настоящую оценку, подтверждая, что интересы армии были только внешним предлогом, а внутренней причиной были обиженное честолюбие и шалая несдержанность. Все это очень характерно для нашей армии, и в этом отношении вспоминаются истории порт-артурского коменданта Смирнова со Стесселем, Гриппенберга с Куропаткиным, Субботича с адмиралом Алексеевым, начальника Заамурского округа Мартынова с генералом Хорватом и масса разных мелких случаев, где вместо откровенного и правдивого доклада шли разные подвохи, молчаливое собирание невыгодных для противной стороны фактов, злорадство над чужими ошибками, а потом сразу все выливалось в резкие столкновения, пронунциаменто, ультиматумы и пр. и пр.

Сейчас отношения старших начальников очень портятся благодаря гнусной и чисто провокационной деятельности многих видных представителей контр-разведки, которая ядовитой грибной плесенью обволокла верхи управления и многих высоких начальников, незаметно для них втянув их в свою атмосферу сыска, влезания в чужие души и мысли и размазав эту нравственную грязь по всей духовной стороне военного управления. Это я видел в Харбине, Владивостоке и вижу теперь и в Омске; сейчас у каждого большого политиканствующего начальника имеется отдел (неофициальный, конечно) контр-разведки, занятый исключительно шпионством и наблюдением за другими, больше всего, конечно, инакомыслящими и противными их господину лицами.

Один только адмирал безукоризненно чист по этой части и брезгливо выслушивает, когда ему преподносят стряпню этих гнойных нарывов нашей разведывательной организации. Работают

тут матерые специалисты по части фабрикации разных донесений и очень умело потрафляют на вкус своих господ, еще более умело ссоря их с неугодными для них лицами, собирая материал для погубления противников, конкурентов по власти и влиянию и т. п.

Такой орган существовал до меня и в военном министерстве, но я его уничтожил и в первый же час моего вступления в должность, совершенно так же, как упразднил должности адъютантов и обер-офицеров для поручений при военном министре.

При дальнейшем разговоре адмирал на заносчивое заявление Гайды о том, что в случае его ухода с поста командующего армией войска сейчас же побегут, ответил, что за последствия отвечает он сам, как верховный главнокомандующий.

После довольно длительных пререканий и обмена колкостями адмирал поставил Гайде ультиматум выехать из Перми в течение двух часов, причем в случае согласия ему будет разрешено уехать самому и еще в звании командующего армией; в противном же случае — будут приняты иные меры. Гайда долго молчал, но затем с усилием проговорил, что он солдат и полученное приказание исполнит, и просит только разрешения съездить домой и собраться в дорогу, обещая честным словом выехать в течение назначенного срока. На это адмирал ответил, что хотя Гайда уже два раза давал ему честное слово и оба раза его нарушил, он все же еще раз попробует испытать прочность гайдовских обещаний и поэтому дает просимое разрешение.

Гайда сначала промолчал, но затем повышенным тоном заявил, что он согласился на предъявленное ему требование и обязался честным словом его исполнить только потому, что этого требовал сам адмирал, а не из страха или по принуждению; в противном случае дело кончилось бы совсем иначе.

Через два часа Гайда экстренным поездом выехал в Омск, сдав командование армией генералу Богословскому; перед отъездом он был у адмирала, который успел за это время совсем отойти и даже беспокоился, не был ли он «слишком жесток» к Гайде. Тут же появился всюду сующий свой нос атаман Дутов, стал просить за Гайду, и адмирал совсем смягчился. Вот сущность того, что рассказал мне Акинтиевский.

Гайда явился в Омск с отборным конвоем в 356 человек, и сейчас он самая реальная сила во всем Омске.

В результате как будто бы адмирал и победил, но нехорошая

это победа; ядовита та обстановка, в которой возможны такие коллизии; непрочна и гнила та система управления, при которой возможны такие отношения; преступен Гайда, не нашедший в своей мелкой честолюбивой душе смелости во-время заявить свой взгляд на действия ставки, последовавший, собственно говоря, примеру Семенова и нанесший новый тяжелый удар авторитету власти и верховного командования. Гайда обязан был давно возвысить голос против шалого и безграмотного лебедевского управления, но должен был сделать это открыто, обоснованным личным докладом в установленном для этого порядке; мне думается, что при омском пленении адмирала один только Гайда и мог поднять голос против действий ставки и заставить омское болото с этим считаться; но способ осуществления все изгадил; прежде всего, заявление было сделано слишком поздно, затем оно сделано в недопустимо дерзкой форме, с явным оттенком угрозы и удара по верховному командованию. Между тем при частых поездках адмирала на фронт у Гайды были многочисленные случаи возможности переговорить с адмиралом в нейтральной обстановке, выяснить ему детально все, что делается его именем, и убедить его в необходимости изменить состав ставки и ее режим; данных для доказательства предъявляемых обвинений было более чем достаточно, и если бы при этом Гайда сумел избежать излишне острой и субъективной окраски, то несомненно, что можно было бы убедить Колчака и последний, при присущей ему прямоте, честности и пламенном желании лучшего и полезного, сам пошел бы на решение, которое подсказывалось интересами России и армий.

Вместо этого Гайда дал все козыри в руки своих противников, которым ничего не стоило вздыбить адмирала против бунтовщической по форме выходки командующего Сибирской армией.

Неправ во многом и адмирал, или, вернее сказать, порывистость его натуры и его податливость советам людей, которым он почему-либо верит; адмиралу следовало бы спокойнее взглянуть на этот инцидент, сознать значение этого выступления и поглубже заглянуть в причины, его вызвавшие.

На все это надо было взглянуть широко, объективно, вне личных отношений к Гайде и Лебедеву и вне квалификации выпада зазнавшегося нахала; надо было решать, исходя из всесторонних

и широких выводов и заключений, а не базируясь только на подускиваниях испуганной и заинтересованной ставки и тех омских кругов, которым надо было выгородить своего ставочного патрона. По-моему, у адмирала было два решения: или никуда не ездить и отрешить Гайду как бунтовщика от должности и предать его суду; или же поехать на фронт, поговорить с обоими командармами и достойными доверия начальниками, все выяснить, все узнать и тогда уже решаться. Вместо этого весь инцидент проведен в атмосфере сгущенного личного раздражения, взаимных подозрений и затушеванной беспристрастности; не государственно все это, мелко очень и пахнет лавочкой. Еще раз — и который уже раз — в сумбурной истории наших дней решающее значение получили субъективные импульсы отдельных личностей, неспособных возвыситься до государственного спокойствия и героического отрешения от эгоистических, самолюбивых и честолюбивых побуждений.

Старая восточная пословица о том, что «семейное счастье состоит в уменьи супругов во-время по пустякам уступить», конечно, широко понимаемая, опять не нашла применения. Всю ссору свели на скорлупу, а об ядре позабыли. В результате пострадали и Гайда, и адмирал, и авторитет власти, а выиграли только красные.

По возвращении адмирала в Омск он вызвал к себе Лебедева и Бурлина и передал Лебедеву просьбу Гайды приехать к тому объясниться. Лебедев отказался, чем сделал огромную ошибку, доказывающую только мелочность его натуры и величину его самомнения, неспособного пожертвовать пустяками ради пользы большого дела; случайному выкидышу омского политического водоворота, — если только он не боялся физического насилия со стороны Гайды, — следовало забыть на время личную обиду и выручить своего заступника адмирала из того тяжелого положения, в котором тот находился.

Ведь адмирал не так силен, чтобы не считаться с положением Гайды, за которым стоит ореол освободителя Сибири от власти большевиков и на стороне которого сильные симпатии Сибирской армии, за интересы которой он заступился.

Пока что остановились на дряблом решении назначить комиссию из генералов Дитерихса, Матковского и Иностранцева для рассмотрения основательности обвинений, предъявленных Гайдой

к ставке и к Лебедеву. Не люблю я комиссий вообще, а в таком деле и в таком составе — сугубо; родится из нее какое-нибудь половинчатое постановление компромиссного характера на тему «нельзя не сознаться, но нельзя и не признаться»...

Сегодня стало известно, что адмирал получил из Парижа запрос пяти держав с просьбой сообщить политическую программу омского правительства, — при удачном разрешении ожидается признание правительства и власти адмирала.

Адмирал дал ответ, который считается вполне удовлетворяющим союзников, но отказался дать согласие на привлечение к власти членов комитета учредительного собрания, так как главари их перекинулись на сторону большевиков и с ними невозможно никакое соглашение.

Странно, однако, что такие серьезные вопросы решаются помимо совета министров, каким-то келейным способом; по конституции, совету министров принадлежит огромная власть, но все это сведено на нет созданием совета верховного правителя, где все вершится так, как того хотят Михайлов и его подголосок дипломатический вундеркинд Сукин, выскочивший неизвестно в силу каких достоинств на пост управляющего министерством иностранных дел и пытающийся разыгрывать из себя великого дипломата. Какой-то злой рок преследует адмирала в составе его главнейших помощников.

5 июня. Лебедев дипломатически болен и будет считаться таковым до окончания работ комиссии генерала Дитерихса; если последний действительно то, как о нем говорят, то он должен сказать адмиралу правду и настоять на немедленном удалении Лебедева и на коренной реорганизации ставки. Пока же — все стоит; вместо работы идет шушукание, создание и распространение всевозможных сплетен. Вся местная грязь заколыхалась и издает сильное зловоние. Дутов, Иванов-Ринов и иже с ними носятся по городу и что-то махлюют. Бесконечно тяжело все это, противно и навевает самые грустные мысли; как я ни погружен в свою работу, но не могу совершенно отгородиться от шумов и запахов окружающей сутолоки и от миазмов омского болота.

Жалко смотреть на несчастного адмирала, помыкаемого разными советчиками и докладчиками; он жадно ищет лучшего решения, но своего у него нет, и он болтается по воле тех, кто сумели приобрести его доверие...

6 июня. Вечером провел в совете министров вопрос об образовании комиссии по выработке всероссийского плана снабжения продовольствием и предметами первой необходимости населения освобождаемых от большевиков местностей. Хотя неуспехи на фронте и гонят нас на восток, но надо надеяться, что к осени мы оправимся, а к этому времени надо иметь готовый план исполнения и организации, дабы не прибегать тогда к спешке и импровизациям. Лично я — против комиссии и считал, что разработку надо поручить особо избранному лицу, но пришлось уступить большинству, стоявшему за комиссию. Совет министров согласился с моим докладом о том, что опыт урало-волжского наступления убедительно и ярко показал, что вслед за продвижением фронта должны следовать запасы особого снабжения для местного населения, но что с востока это возможно только до меридиана Волги и что поэтому надо разработать планы снабжения остальной России со стороны морей Черного, Балтийского и Белого, поручив это главнокомандующим соответствующих фронтов.

Вместе с тем просил министров земледелия и торговли оказать самую широкую поддержку развитию в Сибири льноводства, овцеводства и кустарных промыслов (особенно по сукну, холсту и мелким металлическим изделиям), дабы поскорей освободиться от рабской зависимости перед заграничными снабжениями и стать на свои собственные сибирские ножки; зачатки всего этого в Сибири есть, и для их развития нужен только кредит, обеспечение от реквизиций и уверенность в хорошем сбыте. Жаль, что для этого потерян весь 1919 год; ведь наши холсты и наша деревенская армячина вне всякого сравнения с той дрянью и гнилью, которые под видом сукна, дрели и разных подделок самого отвратительного качества валят к нам из-за границы и которые оплачиваются золотым рублем; сейчас вместо сукна мы получаем отвратительный японский суррогат, состоящий из разных отбросов, накатанных на бумажную основу, и расползающийся через три недели носки; наши же шинели, отбывшие всю германскую войну, держатся до сих пор.

Знакомясь походя с деятельностью разных министерств, прихожу к заключению, что, за исключением министерства путей сообщения, нигде не видно творческой работы в том масштабе, который требуется современной обстановкой. Чересчур много

здесь политики, политиканства, борьбы за власть, личного честолюбия и корыстолюбия; острая, пряная, напряженная атмосфера политической борьбы, партийных и личных интересов, стяжательства и политической, торговой и подрядческой спекуляции окутала смрадным туманом случайную голову страны; и в этом тумане голова не видит ног, живет своими мелкими интересами, забыла о своей стране и не понимает, что надо скорей и прочней крепить эти самые ноги.

Оба министра обещали все сделать; дай бог, чтобы это не осталось одним сотрясением воздуха, ибо, помимо экономии и перехода на снабжение собственными источниками, сейчас очень важно приучить население к производительному и полезному для него труду, чем внести в его среду успокоение и отучить его от разных послереволюционных пустобрехов.

Гайда уехал на фронт, как говорят, помирившись с адмиралом; еще одно печальное проявление нашей дряблости, ибо все происшедшее не было личным делом Гайды или Лебедева; это было серьезное, русское, кровью брызжущее государственное дело, требовавшее железного и оглушительного решения, вне личной слабости или твердости, вне личных симпатий и антипатий. Лебедев продолжает болеть.

7 июня. После обеда был с очередным докладом у адмирала. Тяжело смотреть на его бесхарактерность и на отсутствие у него собственного мнения по незнакомым для него вопросам; судя по тому, что слышал о нем в Харбине, думал, что это самовластный и шалый самодур, и совершенно ошибся. И в этом вся тяжесть положения, ибо лучше, если бы он был самым жестоким диктатором, чем тем мечущимся в поисках за общим благом мечтателем, какой он есть на самом деле. В довершение всего судьба сразу обидела его в составе его доверенного антуража; сейчас даже трудно что-либо сделать, так как по многим вопросам его успели начинить заведомо неверными взглядами и решениями и, при его слабоволии, очень трудно повернуть все это на новую дорогу, т. е. «прочно» повернуть, ибо вырвать у него решение очень легко, но нет никакой уверенности в том, что оно не будет изменено через полчаса докладом кого-либо из ближайшего антуража. Особенно трудно мое положение, так как мне нужно резко итти против ставки и против многих течений омского болота, давно уже захвативших в плен этого полярного идеалиста,

еще труднее и потому, что по закону я считаюсь помощником Лебедева и, в силу военной дисциплины, обязан сдерживаться в своей оценке его деятельности.

Адмирал, повидимому, очень далек от жизни и, как типичный моряк, мало знает наше военно-сухопутное дело; даже хуже того: он напичкан и, как добросовестный человек, очень усердно напичкался тем материалом, который ему всучили Лебедев и К°; сразу видно, что многое напето ему с чужого голоса.

Между тем по всему чувствуешь, что этот человек остро и болезненно жаждет всего хорошего и готов на все, чтобы этому содействовать, но отсутствие знания, критики и анализа не дает ему возможности выбиться на настоящую дорогу; личного и эгоистического у адмирала, повидимому, ничего нет — это ярко сквозит во всем его разговоре, в его мыслях и решениях. По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора. И обстановка кругом почти такая же: то же прятание правды, та же угодливость, те же честолюбивые и корыстолюбивые интересы кучки людей, овладевших доверием этого большого ребенка. Скверно то, что этот ребенок уже избалован и, несомненно, уже начинает отвыкать слушать неприятные вещи, в чем тоже сказывается привычка старого морского начальника, поставляемого нашим морским уставом в какое-то полубожеское положение.

Страшно становится за будущее, за исход той борьбы, ставкой в которой является спасение родины и вывод ее на новую дорогу; медовые дни омской власти несомненно прошли, и надвигаются грозные времена, а чем их встретить?

Целый год ушел на внутренние нелады, и очень мало сделано для настоящего строительства.

Все, что тревожило меня в Харбине, получило здесь полное подтверждение: с ужасом зрю, что власть дрябла, тягуча, лишена реальности и деловитости, фронт трещит, армии разваливаются, в тылу восстания, а на Дальнем Востоке неразрешенная атаманщина.

Власть потеряла целый год, не сумела приобрести доверия, не сумела сделаться нужной и полезной, а поэтому нет ничего мудреного в том, что ее авторитет неудержимо, почти что кувырком летит вниз. Сейчас нужны гиганты наверху и у главных рулей и плеяда добросовестных и знающих исполнителей им в помощь,

чтобы вывести государственное дело из того мрачно-печального положения, куда оно забрело; вместо этого вижу кругом только кучи надутых лягушек омского болота, пигмеев, хамелеонистых пустобрехов, пустопорожних выскочек разных переворотов, комплотов и политически-коммерческих комбинаций; вижу гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточничество, грызню и торжество эгоизма, бесстыдно прикрытые великими и святыми лозунгами.

Среди этого смрада, как редкие зубры, мочалятся малочисленные могикане старой, честной добросовестной России, рыцари долга, подвига и самоотвержения.

Толпа — большинство, дряблое, запуганное, полуголодное и трясущееся за свое настоящее и будущее, — идет за теми, кто ухватился за главные рули.

8 июня. На фронте никакого просвета, и армии безудержно катятся на восток, потеряв, очевидно, способность остановиться, задержаться и начать оказывать сопротивление. Я по опыту отступления 1915 года отлично понимаю это состояние, но ставка упорно не желает понять всю грозность положения и продолжает цепляться за надежду какого-то чудесного поворота в нашу пользу.

Красные, вопреки всем оптимистическим донесениям контрразведки, не выдыхаются и энергично нас преследуют. Скверно на душе: кругом болото, нравственное разложение и разжижение и грязное политиканство; ведомства грызутся друг с другом и занимаются взаимным ущемлением и подковыркой, а в пределах каждого ведомства идет своя внутренняя борьба, кипят свои домашние водовороты. Конечно, все это было и раньше, но сейчас стало слишком остро, резко, откровенно, а главное — несвоевременно.

9 июня. Всеми силами стараюсь поднять дух и настроение чинов министерства, и без того не особенно высокие, а теперь придавленные учиненным над министерством разгромом; всячески шевелю их гордость, самолюбие и пытаюсь раздуть веру в них самих, в их силы и в их значение; измышляю всевозможные материальные улучшения и поощрения, чтобы хоть этими путями поднять упавший пар.

Лебедев успешно вылез из поднятой Гайдой истории и опять прочно укрепился; комиссия Дитерихса не нашла оснований к под-

тверждению предъявленных к наштаверху и ставке упреков и обвинений; трудно было и ожидать иного решения от этой специфически омской комиссии, посмотревшей на все это с внешней точки зрения и неспособной возвыситься до глубокого анализа всего, эту историю создавшего.

Глубоко тревожно и печально, что во главе военного и оперативного управления остался никчемушный случайный выкидыш ноябрьского переворота, абсолютно неграмотный в том великом деле, за которое самоуверенно взялся, и остро ненавидимый старшими войсковыми штабами, а за ними и всем фронтом; еще хуже, что это еще более усугубляет разрыв между фронтом и тылом, между армией и адмиралом.

Беспристрастный анализ всех распоряжений ставки показывает, что во главе ее стоит совсем не подходящее для этой роли лицо, а между тем нравственный ответ за все ложится на имя адмирала как верховного главнокомандующего. Злая судьба принесла сюда этого гастролера из добровольческой армии и она же сделала его полновластным руководителем операций Сибирского фронта, ибо воздействие самого адмирала на направление вообще всех дел очень невелико, ну, а в отношении военных операций сводится к выслушиванию срочных докладов о положении фронта и к утверждению всего, в готовом виде ему подносимого; при этом докладчики умеют так зарядить адмирала, что он думает затем, что многое — это его личные проекты и идеи; наш брат, офицер генерального штаба, всей своей службой подготовлялся к тому, чтобы формировать умело приготовленным материалом головы того начальства, при котором состоял, и формировать так, чтобы головы этого не замечали и были убеждены, что все сие их личное произведение; по моей старой математической формуле офицер генерального штаба это есть сумма влияний разных производных в пределах между старшим писарем и великим визирем (первое реже, второе много чаще).

На наше несчастье, и весь остальной состав ставки такая же неопытная в большом военном деле, но очень важная и с самомнением молодежь, головы которой распухли от величия и уже не способны к самоанализу и выслушиванию неприятных для них чужих мнений; на верхи управления залезли даже не подмастерья, а начинающие сапожные ученики, весьма бесцветные, за все берущиеся, но дела не знающие и с делом не справляющиеся. Их

нельзя обвинить в лени или нерадивости, ибо огромное большинство их работает очень старательно, даже с надрывом, но работает часто впустую, а иногда и во вред. Наше дело — ремесло, и, чтобы заменить мастера, нужны опыт, знание и долгая практика.

Существующая сейчас ставка — это огромная, непомерно раздутая внешняя форма без должного внутреннего содержания. Большого дела настоящего верховного командования ставка не делает, а усердно занимается сводками донесений и внешним делопроизводством; она очень любопытна, хочет все знать, во все путаться и всем до мелочей управлять. И все это и понятно, и неизбежно; мне особенно понятно потому, что я сам прошел такие же стадии, был болен такими же недостатками и болезнями, но, к счастью, был удачлив на начальство и товарищей и во-время от этого излечивался, а затем выносил необходимые поучения и приобретал опыт.

В ставке резко сказывается отсутствие служебного стажа и недостаток делового опыта, т. е. как раз того, что постепенно приучает при подъеме по иерархической лестнице отрешаться от мелочей, отдавать их на исполнение низам, а самому подниматься в высшие степени мастерства. Только путем опыта отрешаются от привычки все тащить на свое рассмотрение и решение; только опыт дает уменье распределять работу, налаживать исполнение деталей помощниками; только отойдя от пустяков и черной работы и наладив систему подготовительной работы всего подчиненного персонала, можно уйти в свой специальный этаж работ, к своим распределительным, регулирующим и управляющим машинам.

Большая шестерня не может вертеть сама и сразу все валики.

Молодость, горячность, задор, любопытство, переоценка своих сил и уверенность в возможности все обнять, все разрешить и всему помочь увлекают на путь всекомандования и этим задерживают очень многих на нижних этажах и на ступенях второсортного подмастерья и не дают затем уже подняться до настоящего мастерства; не оторвавшиеся во-время от земли и не воспарившие вверх земными и остаются.

Вся ценность нас, людей длинного и многостороннего опыта, и заключается в том, что все эти параграфы нами уже пройдены и что многие ошибки усмотрены, усвоены; все эти горшки уже

разбились о наши головы; мы знаем, — более или менее хорошо, —как что делается, как распределяется работа, каковы задерживающие и рабочие коэффициенты реального исполнения.

Я уверен, что и мою критику и мою тревогу за будущее считают результатом профессиональной зависти, личного желания сесть на верхи и злобы отживающего свой век человека. И как далеко это все от действительности как по отношению ко мне, так и многим старым работникам прежнего режима — Сурину, Рычкову, Прибыловичу, Яшерову и другим.

10 июня. На фронте плохо; в 6-й дивизии 21-й полк перебил офицеров и перешел к красным; представляю себе положение офицерства, ведущего в бой подчиненных при постоянном ожидании возможности повторения над собой такой же операции; истребление офицерства стало обычным финалом импровизированных и форсированных, под сгущенным давлением производимых формирований; вся ответственность за насильственный призыв на постылую военную службу, за лишения, за муштру и личные ограничения, за опасности и недостатки снабжения, одним словом, вся концентрированная ненависть солдатчины обращается на начальство и на офицеров; пропаганда и агитация это усугубляют, и при первой возможности безнаказанного выявления все это бурно вспыхивает; кроме того, шкурные инстинкты и боязнь попасть в бой весьма способствуют успеху тех зачинщиков, которые натравливают солдатскую массу на офицеров и в истреблении последних видят избавление от войны и великую заслугу перед будущим красным начальством.

Надо бороться с этим злом особо тщательным выбором начальников, поднятием нравственного уровня всех офицеров, установлением законности, удовлетворением всех солдатских нужд и справедливостью обращения. Нужно все вздернуть на дыбы, поднять общую нравственность, пробудить дух чести и подвига; и это вполне возможно, ибо не все еще сгнило, и не у всех заглохли чувства долга и чести.

Ставка не понимает зловещей грозности происшедшего; она сбросила с лицевых счетов злополучный двадцать первый полк и в спокойной безопасности своего омского благополучия успокоилась; ее главари не испытали ужаса положения офицеров, не верящих своим солдатам; они учитывают только номера и числа, двигают и распоряжаются отвлеченностями, не зная тех реальных

нравственных и материальных коэффициентов, которыми только и определяется боевое значение всякой части, ее устойчивость, надежность и эффективность.

Они не сознают, что эти коэффициенты определяются суммой качеств начальников и кадров (во всех, конечно, отношениях) и условиями службы части, ее усталостью, недостатками снабжения и пр. и пр.

До революции эти коэффициенты были в среднем ровнее и менее подвергались разным колебаниям; теперь же абсолютно — они ушли глубоко вниз, а относительно — стали очень разнообразны и капризны.

Познание всего этого дается только опытом и практикой, а этого-то и нет у главных руководителей ставки, недавно сорвавшихся с академической скамьи, привыкших отдавать распоряжения номерам, пешкам и булавкам, заменявшим войска при решении задач и тем и на военных играх.

Практических коэффициентов боя, похода и основных явлений войск они не знают; причин, на них влияющих и их колеблющих, не знают также и, занимая ставочные кабинеты и сидя у главных рулей управления, продолжают очень самоуверенно и решительно играть войсками так же, как делали это когда-то с бездушными шашками.

И все это совершается в неимоверно тяжелой, сложной и ответственной обстановке гражданской войны!

Доносят, что фронт прорван у Сарапула и Бирска; неизбежность бирского прорыва была ясна уже несколько дней тому назад, особенно здесь, со стороны, но ставка ничего не сделала, чтобы обратить на это внимание штаба армии.

Я поднимал этот вопрос, присутствуя как слушатель на оперативном докладе в управлении генквара, но генквар ответил мне, что штабу армии на месте виднее и ставка не желает вмешиваться в распоряжения фронта. Мешаются в самые мелочи и умывают руки в важном.

В ответ на мои осторожные (дабы не задеть очень чувствительного у вундеркиндов самолюбия) указания о тревожности фронтового положения ставка продолжает хвастаться десятками тысяч резервов и развивать самые нелепые фантазии на темы о маневрировании этими резервами. При этом и думать не желают о том, что половина этих «резервов» еще не держала в руках винтовок

и что винтовки для них только что раздаются или находятся еще в пути; она продолжает именовать дивизиями и бригадами толпы одетых в военное платье парней, насильно согнанных на военную службу, ничем не спаянных и думающих преимущественно о том, как бы удрать домой или перебежать на ту сторону. Ставка продолжает вписывать в число батальонов эти совершенно не дисциплинированные, принуждением собранные и принуждением держащиеся части, собственно говоря, даже отрицательного боевого значения.

Я глубоко встревожен совершающимся, все время кричу о своей тревоге, но глас мой воистину глас вопиющего в пустыне. Если этот розовый оптимизм ставки будет продолжаться, то все должно кончиться самым скверным образом.

Адмирал во всем, что касается фронта, слушается только ставки и очень сухо отклонил мои попытки доложить ему мой взгляд на все происходящее на фронте, подчеркнув, что личные его поездки, доклады постоянно бывающего на фронте Лебедева и сведения, получаемые от старших начальников, рисуют ему все совершенно иначе, чем то кажется мне.

11 июня. Беседовал с Федотовым, отлично понимающим всю грозность положения; просил его использовать его личную близость к адмиралу и убедить того в необходимости сугубо во всем разобраться и принять необходимые меры. Федотов принес мне для прочтения доклад профессора Лебедева, председателя комиссии по делу Омского военнопромышленного комитета, обвиняемого в целом ряде разных преступных деяний; в докладе приведены факты, достойные немедленного предания военно-полевому суду, но у комитета масса влиятельных друзей до самого наштаверха включительно, и все дело застопорено под предлогом того, что комитет привлек комиссию Лебедева к суду по обвинению к клевете.

Обвинений в докладе масса, и разобраться в них без подробного ознакомления, конечно, очень трудно, но такой факт, как раздача членам комитета реквизированного для нужд обороны железа и продажа ими этого железа на сторону по четверной цене, достаточно ярко показывает, какие гуси сидели в этом комитете. Указывают и на то, что некоторые члены комитета успели сделаться в очень короткое время весьма состоятельными людьми.

Вообще же считают, что высокие связи комитета вполне гаран-

тируют его от каких-либо посягательств судебной власти. Так грязнится идея восстановления России «белыми» руками, ибо нейтральное, но лояльное население видит, как под прикрытием высоких белых лозунгов тысячи грязных рук и тысячи жадных рыл тянутся к самым верхам власти, в звериной похоти поскорее к ней добраться и там нажраться всласть; кому же охота поддерживать это жадное стадо и доставать ему жирную кормежку; одни только идеалисты-офицеры, сами босые и голодные, на это способны.

Лебедев окончательно укрепился и опять мчится на фронт, отлынивая от настоящей работы и взваливая все на покорного и добросовестного Бурлина.

Вышел приказ о подчинении Западной армии Гайде; ровно через месяц сделали то, что надо было сделать, когда адмирал был в Екатеринбурге и когда выяснилось, что верховное командование не в силах заставить Гайду помогать Западной армии и что обе армии представляют собою пару упряжных лошадей в коляске со сломанным дышлом, растаскивающих эту коляску по разным направлениям.

Теперь же это запоздало, так как шалое продолжение северного наступления добило и Сибирскую армию, обратило ее в кучи поспешно уходящих на восток остатков прежних частей и израсходовало все ее резервы; сейчас Сибирская армия растрепана не меньше Западной, и обе потеряли всякую способность сопротивления.

Теперь ни Гайда, ни кто другой уже не выправит нашего почти катастрофического положения; единственный шанс только в том, что у красных выдохнется энергия преследования и нам удастся получить несколько недель передышки, чтобы подправить расстроенные части, дать им отдохнуть и отоспаться и подготовить совершенно сырые еще резервы Омского и Иркутского военных округов.

12 июня. Происходящее на фронте, происходящее в Омске и очевидное бессилие принести какую-нибудь пользу на посту управляющего военным министерством при полном пленении адмирала ставочной и омской камарильей заставили меня подать рапорт о назначении меня на фронт командиром корпуса или начальником дивизии, так как, быть может, там я буду в состоянии приносить хоть какую-нибудь реальную пользу.

Здесь я бесполезен: я колесо совсем иного диаметра и к Омску

совершенно не подхожу; три недели бесплодных усилий убедили меня в том, что даже самыми резкими указаниями на недостатки и на грозность положения нельзя сломить местного оптимизма, а главное — нельзя проломить ту стену, которой окружили и пленили адмирала.

Смотреть спокойно, как глупость, честолюбие и эгоизм губят великое дело, я по характеру не в состоянии — это меня душит. Думаю, что мой опыт пригодится где-нибудь на фронте, а здесь пусть подбирают скрипку в тон к общему оркестру из Лебедевых, Ивановых-Риновых, Жардецких, Михайловых, Сукиных, деятелей промышленного комитета и К°.

Особенно тяжело смотреть, как ставка и командармы в попытках спасти свое стратегическое и боевое реноме губили и губят все наши резервы, т. е. то, что через $1^1/_2$-2 месяца даст нам возможность проделать с выдохнувшимися красными то же самое, что они сейчас делают с нами. Продолжают гнать в бой «штыки», а это только парни, одетые в ноксовское обмундирование и совершенно не хотящие воевать. Сколько кричали про корпус Каппеля, какие надежды на него возлагали, а чем все кончилось?

Ставочная оппозиция рассказывает, что Лебедев при разборе своего дела очень ловко свалил всю вину за неуспехи на фронте на Степанова и на военное министерство, которое-де не успело подготовить во время резервы и укомплектования и не наладило снабжения. Вероятно, для того, чтобы сохранить всю крепость букета этого обвинения, комиссия Дитерихса не спросила ни меня, ни помощника военного министра по снабжению генерала Сурина; нам ничего не стоило доказать всю ложность такого обвинения, но тогда я поставил бы тот самый вопрос, который поднимал и Гайда: а что сделала ставка и ее руководители в круге своего ведения? и доказал бы, что полезного сделали очень мало, но зато вреда натворили несосветимое множество.

Конечно, и за военным министерством есть свои вины, но совершенно не те, которые на него сейчас валят.

По части снабжений дельный, энергичный и педантичный Сурин, несмотря на все трудности исполнения, все же добился, что поставленное ему задание заготовить снабжение на 500 тысяч человек выполнено довольно сносно; не может же отвечать военное министерство за то, что в это время никем не сдерживаемые на фронте мобилизации и новые формирования раздули фронт до восьмисот

тысяч ртов и что благодаря невероятному хаосу и беспорядкам во всем деле распределения подаваемые на фронт запасы расхищались и распределялись самым неравномерным образом; любимые части и расторопные командиры образовывали у себя десятерные запасы, а в это время многие части сидели голодными и оборванными.

14 июня. Послал просьбу об освобождении меня от должности, откровенно изложив причины невозможности работать. Вечером не без труда протащил через согласительную комиссию свой проект о пенсиях.

Получено известие, что в Иркутске чехо-словаки арестовали часть своих офицеров и образовали комитеты. Опять нам придется расхлебывать всю эту ерунду, созданную союзниками, посадившими нам в тыл эту разжиревшую и обленившуюся шкурятину, занятую торговлей и скапливанием денег и имущества и совершенно не желающую рисковать не только что жизнью, а даже спокойствием и удобствами своей жизни.

На последнем докладе у адмирала я видел донесение разведки о том, что среди чехов идет какое-то брожение и возможны неожиданности с участием местных эсеров; я стал доказывать, что для нас выгоднее и безопаснее всего увезти чехов на восток в Приморскую область и полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги и освободить наш тыл от этой тревожной quasi-охраны, которая ничего не охраняет, но много ест, берет много поездов и любит мешаться не в свое дело.

Я сравнил чехов с холодным нарывом, способным дать когда-нибудь острое и опасное для нас воспаление. Чехи, прожив с нами год, от нас отошли; ничего не делая, относясь критически к нашим порядкам, не умея и не желая понять всей сложности обстановки, они сейчас ближе к нашим левым партиям и скрыто враждебны существующему правительству.

Своим сочувствием они дают этим партиям право на разные дерзания, ибо те чувствуют, что их поддержат или, по крайней мере, выручат.

Чехи считают Омск реакционерами, относятся к наличной власти снисходительно-вежливо, они отлично учитывают свою силу и нашу слабость и всячески этим пользуются, конечно, под соусом видимой помощи. На Урале и в Сибири они набрали огромнейшие запасы всякого добра и более всего озабочены его сохранением

и вывозом; ведь требовали они с нас три миллиона рублей за переданную нам императорскую гранильную фабрику под предлогом, что они развили ее новыми станками и машинами; когда же начальник инженеров Тюменского округа полковник Греков стал принимать эти «новые» машины, то среди них оказались снятые с фортов Владивостока и в том числе дизель-моторы с форта № 6, строителем которого был когда-то этот самый Греков; очевидно, что и остальные машины были приобретены в том же магазине без хозяина, который именуется Россией.

Сейчас чехи таскают за собой около 600 груженых вагонов, очень тщательно охраняемых; они заявляют, что это их продовольственные запасы, но когда при их движении на восток мы, во избежание пробега вагонов, предложили им сдать это продовольствие и получить эквивалент в Иркутске и Красноярске, то они категорически отказались; по данным контр-разведки, эти вагоны наполнены машинами, станками, ценными металлами, картинами, разной ценной мебелью и утварью и прочим добром, собранным на Урале и в Сибири.

Убежденный в бесполезности чешского стояния в нашем тылу, я высказал адмиралу, что нам выгоднее поступиться частью золотого запаса и самим нанять суда для их отправки на родину, передав охрану дороги японцам к западу от Байкала и американцам к востоку; этим можно будет убить двух зайцев, так как при американском содействии легче будет справиться с семеновщиной и калмыковщиной.

Адмирал посмеялся над моей горячностью и высказал, что охрана дороги возложена на чехов всеми союзниками и что обстановка вовсе не так тревожна, как то мне кажется; что у него есть твердые и определенные гарантии генерала Жанена о том, что чехи не будут мешаться в наши внутренние дела и будут сохранять на Сибирской магистрали полный порядок, — он, адмирал, глубоко убежден, что чехи не могут принести нам вреда; они-де отлично охраняют дорогу и помогают генералу Розанову в усмирении Тайшетского района. Я доложил адмиралу, что не имею оснований определенно сомневаться в лояльности чехов, но я пережил во Владивостоке 1905 год и знаю, как ненадежно настроение и на что способны люди, истосковавшиеся по родине и стихийно туда стремящиеся; я помню, как старики бородачи Владивостокской бригады, побросав винтовки, ползали перед комендантом крепости,

хватали его за ноги и молили отпустить их домой, хотя бы пешком. На уговоры, что немыслимо итти домой многие тысячи верст зимой и через пустынную Маньчжурию и Сибирь, и что они так все помрут, они отвечали: «ну и умрем, да зато ближе к дому».

Тогда мы не могли их отправить; стихийная тоска накопилась, была умело использована вожаками тогдашней революционной попытки, прорвалась, затопила Владивосток кровью и разгромила город.

Я очень боюсь, что настроение чехов пухнет и когда-нибудь разразится не в нашу пользу; мы становимся для них все более и более ненавистными, ибо из-за нас их держат здесь; ведь, и их выступление, и их задержка здесь не являются результатами определенной идеи поддержки нашего движения и борьбы с большевизмом; они напали на большевиков и стали через них пробиваться только потому, что Троцкий приказал их задержать; они остались только потому, что союзники не дают им пароходов и потому, что они зависят от союзников по части денег и снабжения; рисковать и особенно трудиться ради нас они не желают, из-за нас воевать не будут; они только изображают из себя охрану и нас объедают; мы не в состоянии конкурировать с их интендантством, ибо оно приобретает все необходимое путем обмена на привозимые из Владивостока товары на особых поездах, получаемых в первую очередь.

То холодно-вежливое и брезгливо-высокомерное отношение, которое я вижу с их стороны во всем, что нас касается, мне очень не нравится; я не верю ни в их активную, ни в их пассивную помощь и думаю, что чем скорее они уедут домой, тем для нас будет легче.

Адмирал еще раз посмеялся над моей горячностью и сказал, что не надо быть таким пессимистом и «чехоедом».

15 июня. Генерал Жанен умчался в Иркутск уговаривать чехов; на мою просьбу уступить нам за деньги новый обоз (наш собственный), которым нагружены сотни платформ в чешских эшелонах, я не получил даже ответа. . .

Беспорядки в тылу подбираются ближе к Омску; вчера под Петропавловском спустили под откос пассажирский поезд.

Невеселое впечатление производят омские улицы, кишащие праздной, веселящейся толпой; бродит масса офицеров, масса здоровеннейшей молодежи, укрывающейся от фронта по разным

министерствам, управлениям и учреждениям, работающим якобы на оборону; целые толпы таких жеребцов примазались к разным разведкам и осведомлениям. С этим гнусным явлением надо бороться совершенно исключительными мерами, но на это мы, к сожалению, неспособны.

Ясно, какие тяжелые и острые впечатления должны вывозить из Омска случайно попадающие сюда с фронта чернорабочие офицеры и какая зависть, злоба и негодование накопляются в их душе по адресу тыла. Как жаль, что правительство не обосновалось в Томске, где по всем условиям можно было спасти столицу от того, чтобы она сделалась сточной клоакой всякой нечисти наподобие Харбина в 1904 — 1905 гг.

До сих пор не подумали даже, чтобы обеспечить приезжающих с фронта офицеров и солдат хоть каким-нибудь приютом. Существующие здесь так называемые офицерские гостиницы — это какие-то грязные притоны самого последнего сорта; в одной из них офицеры спят на полках бывшего магазина, солдатам же предоставляется свобода устраиваться как угодно на свежем воздухе.

Для омских Олимпов все это мелочи, — здесь заняты политикой, переворотами, спекуляциями и им не до таких пустяков.

Приказал в недельный срок открыть на продовольственном пункте приличное общежитие на сто офицеров и 500 солдат; приказал осмотреть все наличные общежития и отпустил средства, чтобы привести их в порядок; распоряжаюсь заочно именем адмирала, ибо знаю, что он меня поддержит, и ибо уже нет времени, чтобы раскачать разные инстанции, на обязанности которых лежат такие заботы. Одновременно прошу командующих армиями сделать то же на всех узловых станциях; этого требуют и человеколюбие, и санитария, и обязанность заботиться о подчиненных; кроме того, это имеет и огромное моральное значение, давая обстановку порядка и умной заботливой власти.

На грех местная обстановка очень сложна, так как из боязни военной гегемонии Омск исключен из сферы компетенции военного начальства и находится в ведении министра внутренних дел, что очень затрудняет все вопросы, связанные с использованием квартир и помещений; кроме того, лучшие помещения заняты чехами, Гемпширским полком и многочисленными миссиями.

По мысли Лебедева, организовали офицерское экономическое

общество, но дали ему неподходящее по нынешним временам название «офицерского».

Пора бы забыть деление на касты; кроме того, много нареканий вызывает данная обществу привилегия на конфискацию и использование так называемых спекулятивных грузов; грузы настоящих спекулянтов под конфискацию попадают очень редко, и занесенная административная палка бьет не по тем, для кого она назначена. Частная публика и без того точит языки на тему какой-то грандиозной конфискации партии редких вин и коньяков, перешедшей в распоряжение коменданта ставки и раздаваемой великим мира сего; от величия люди одурели и не понимают, что если они согрешат на А, то сплетня и пересуды раздуют все это в 100 и более А, а рассчитываться за все придется не им, а той власти, именем которой они орудуют и авторитет которой подрывают, наглядно изображая крыловскую свинью под дубом.

16 июня. Не получаю никакого ответа на свою просьбу об освобождении от должности и назначении на фронт; зато являются разные уговариватели и посланцы, коим я отвечаю, что причинами отказа является невозможность работать продуктивно при данной обстановке и условиях; это мое глубокое убеждение, а занимать такие посты для самоуслаждения, не принося максимума пользы, я считаю подлостью; приспособиться же к наличной обстановке — я не умею.

В Омск вызван бывший начальник военной академии генерал Андогский, сосланный зимой в Томск, как говорят, за то, что хотел сковырнуть Лебедева и сесть на его место; он стал пользоваться уже известным влиянием на адмирала, но на чем-то поскользнулся; тогда вытащили на расследование то, что он был начальником академии у красных, назначили следственную комиссию, а самого Андогского отправили в почетную ссылку в Томск.

Очень надеюсь, что его назначат на мое место, а меня освободят и отпустят на фронт.

Утром приходил американский майор Слоттер узнать, какая нам нужна матерьяльная помощь в деле снабжения армии; дал ему длинный и многостатейный список наших нужд.

Стало как-то легче на душе, ибо если американцы поймут, что мы боремся не ради реакции, не ради своих эгоистических или классовых интересов, а пытаемся сокрушить общего мирового врага, и если они захотят нам помочь, то помощь будет скорая и

основательная; ибо у них остались огромные запасы разного снабжения, приготовленные для войны.

Главное же, это дает надежду вылезти из той топи, в которую мы залезли с нашими заказами на Дальнем Востоке, к которым присосались орды всяких авантюристов и спекулянтов. Справиться с этим злом будет очень трудно, так как у него много влиятельных друзей и здесь, и на Дальнем Востоке; надежды на председателя владивостокской комиссии генерала Роопа у меня мало, так как все это не его специальности.

17 июня. Вернулся поздно ночью, но в отличном настроении, так как провел через совет министров свой закон о пенсиях; считаю, что этим сделал большое дело, так как инвалиды и семьи погибших обеспечены теперь весьма удовлетворительно и будут получать те же оклады, которые причитались главе семьи или инвалиду в день смерти, ранения или получения инвалидности; кроме того, при неожиданной поддержке Михайлова, удалось даже провести распространение закона на год назад, так что некоторые лица и семьи получат за старое время такую сумму, которая даст им возможность устроиться и залатать старые дыры.

После обеда имел длинный разговор с Лебедевым; высказал ему свои взгляды на положение и свои опасения за будущее; нарисовал ему грозность слагающейся обстановки и надвигающуюся со всех сторон катастрофу; указал на тот общий развал, который на моих уже глазах прогрессирует с ужасающей быстротой и грозит погубить все наше дело. Высказал, что для авторитета власти нужно, чтобы она была кристально чиста и честна; в наличной обстановке легкомыслия, нерадивости и падения нравственного уровня, в вакханалии наживы и эгоизма естественно рождение и процветание всяких гадов и пресмыкающихся, которые облепили органы власти и своей грязью грязнят и порочат эту самую власть.

Указал на прогрессирующий развал фронта, на распухшие штабы; рассказал, что, по сведениям приезжающих с фронта строевых офицеров, высшие и низшие штабы переполнены законными и незаконными женами, племянницами и детьми, о которых начальники заботятся больше, чем о подведомственных им частях; что солдат заброшен; что штабы доносят заведомую неправду; что при эвакуации Уфы раненых бросили, а штабы уходили, увозя обстановку, мебель, ковры, причем некоторые лица торговали вагонами и продавали их за большие деньги богатым уфимским

купцам; что за последнее время грабеж населения вошел в обычай и вызывает глухую ненависть самых спокойных кругов населения; что общая апатия и чувство безнаказанности родили и развили чисто формальное исполнение своих обязанностей, лишь бы не попасть под ответ; что постепенно гибнут последние остатки того самопожертвования и великого подвижнического служения идее, с коими было начато сибирское белое движение и без которых невозможно торжество того, за что мы боремся.

Указал на дряблость и бессилие власти, признаваемой фиктивно «поскольку — поскольку», но реально беспомощной и убиваемой атаманщиной; указал на разброд, вялость, бесцветность, бессистемность и никчемность правительственной программы, на отсутствие каких-либо основных и твердых идей в строительной и созидательной работе правительства, пытающегося взгромоздиться на всероссийские ходули и неспособного удовлетворить примитивные нужды населения; высказал, что в такой обстановке я не в состоянии нести обязанности его помощника, ибо я привык работать, а не кипятиться в соусе подозрительной по качеству омской политики, совещаний, комиссий и быть рабом каких-то голосований, компромиссов и таинственных комбинаций глубоко противных мне, по их внутреннему содержанию, лиц.

Видимо, разговор произвел на Лебедева большое впечатление; он как-то осунулся и потерял свой лоск и самоуверенность; обещал разобраться в сообщенном мной материале и принять нужные меры.

18 июня. Утром был вызван к верховному правителю, который высказал свое удивление по поводу того, что я хочу уйти от работы в такое тяжелое время и объявил, что именем родины приказывает мне остаться.

Я высказал адмиралу все, что говорил вчера Лебедеву; боясь нареканий, что веду какие-нибудь подкопы, я никого лично не критиковал и имен не называл, но ясно и резко изложил свои взгляды на современное положение и на его неизбежные последствия.

Высказал, что, по моему глубокому убеждению, сейчас невозможно творить, воссоздавать и управлять, работая совещаниями, комиссиями и коллегиями; для этого способа управления уже нет времени, почему мы всегда и опаздываем исполнением сравнительно с требованиями действительности. Особенно под-

черкнул грозность положения, создаваемого половинчатой политикой союзников, слабостью и падением авторитета власти, атаманщиной и разрастающимися в тылу восстаниями. Убедительно просил проверить мои заключения и выводы и не считать их только порождениями моего острого пессимизма, в котором меня все обвиняют.

Бедный адмирал горел во время моего доклада, вскакивал, хватался за голову, кромсал ножом ручку своего кресла, требовал добыть виновных, чтобы он мог их покарать. . .

Да разве в этом дело? Разве одними карами можно выправить наш опасный крен? Для злых и подлых кары необходимы, но много больше нужно творчество, а для творчества нужны иные люди в помощь этому бедному и беспомощному идеалисту, а кроме того нужна общая встряска, общий подъем.

Мой доклад был прерван прибывшим с фронта Гайдой, явившимся с важными делами. Адмирал горячо поблагодарил меня за доклад и обещал обдумать, что надо будет по нему сделать. Через 2 часа меня вновь вызвали к адмиралу, так как Гайда привез с собой целый ряд докладов, касавшихся снабжения фронта.

Приехал я как нельзя более кстати, так как под давлением доводов Гайды адмирал уже дал свое согласие на немедленное отправление на фронт 11-й, 12-й и 13-й дивизий, которыми Гайда хотел выполнить какой-то сложный маневр на Красноуфимском направлении. К адмиралу уже был вызван генерал Матковский, в округе которого формировались эти дивизии, для немедленных распоряжений по посадке частей и отправке их на фронт; доводы Матковского о полной неготовности этих частей ни к чему не привели, и он с отчаянием бросился ко мне, прося моей помощи. Я вмешался в дело очень бурно и заявил адмиралу, что отправка на фронт совершенно неготовых и последних наших резервов будет оперативным и государственным преступлением и что бесконечно лучше потерять еще несколько сот верст глубины пространства, чем швырять на авось и на несомненную авантюру то, на чем единственно мы в состоянии через $1^1/_2$-2 месяца изменить положение в нашу пользу. Я напомнил адмиралу, к чему привели отправки на фронт неготовых для маневров и для боя частей группы Каппеля и ударных частей Екатеринбургской группы.

Как ни тяжело нам потерять Пермско-Кунгурский район со всеми запасами и заготовками, но надо с этим помириться и

думать о широком будущем, а не о мелочах данного времени, как бы неприятны они ни были.

Не надо обманывать себя; надо сказать совершенно откровенно, что эти отлично ходящие церемониальным маршем полки для боя представляют только боевой мусор; через $1^1/_2$-2 месяца они будут весьма приличными боевыми частями и тем рычагом, на котором можно будет перевернуть в нашу пользу все положение на фронте.

Адмирал был поражен моими доводами и горячностью моего доклада; Гайда сначала возражал, пытался ослепить выгодами спроектированной им и очень корявой операции перехода в наступление, но я ему доказал, что для такого маневра нужны прочные, обстрелянные и втянутые части, а не роты новобранцев, приученных ходить в ногу, петь военные песни, но еще не стрелявших из винтовок.

В результате отправка этих дивизий на фронт была отменена; я уехал довольный, что случайно мне удалось предотвратить своего рода катастрофу, и вместе с тем печальный, что возможны такие порядки оперативного управления.

Имел краткий разговор с Гайдой, рассказал ему про наши ресурсы и про принятые по части снабжений меры; просил его инструктировать его подчиненных, дабы они поняли, что система подвоза и снабжения основана на расчете и на дисциплине исполнения всех распоряжений и что мелкий эгоизм здесь недопустим. . .

Уродлива та обстановка, в которой приходится вкладывать в голову «главнокомандующего» такие азбучные вещи, но что же делать, если сей главком из бывших фельдшеров весьма безграмотен по военной части вообще, а по части организации тыла и снабжений сугубо.

19 июня. Раз меня привязали к моему месту именем родины, надо сделать все возможное, чтобы работой своей и своих подчиненных покрыть часть недостатков существующей системы.

Надо заставить всех «беспокоиться»; под этим термином понимаю чувство постоянной и святой тревоги за прочность и за успех порученного дела или работы, которое и заставляет отдавать ему все силы и все время, не думая о числе часов и о напряженности работы.

Там, где нет этого «беспокойства», царят мертвечина, шаблон

и гнусное, приниженно-рабское отбывание постылой поденщины, т. е. то, на чем теперь далеко не уедешь. . .

Вечером состоялось торжественное заседание государственного экономического совещания, зародыша будущего представительного органа, имеющего ныне задачу приблизить власть к населению. Как жаль, что все это не сделано месяца на четыре раньше!

Адмирал относится к идее совещания искренно и благожелательно; нельзя того же сказать о некоторых членах совета министров и влиятельных представителях омской реакции, которые смотрят на это совещание как на ширму и громоотвод, назойливые и неприятные, но по обстановке необходимые.

Заседание торжественное, в зале сената, под большим в рост портретом императора Александра II. Хорошую и содержательную речь сказал председатель совещания Гинс; слабо и бесцветно промямлил что-то наш слабый и бесцветный представитель Вологодский. Представители всех политических партий выступили с краткими, но тактичными и благожелательными приветствиями; говорили не ярко, но в строго государственных тонах; отличился председатель сибирских казаков полковник Березовский, назвавший адмирала «гражданин верховный правитель».

Очень хотелось, чтобы это совещание внесло новую живую и живительную струю в дряблую работу нашей государственной власти и сблизило бы эту власть с землей, установило взаимопонимание и дружеские деловые отношения. Удастся ли это, вот в чем вопрос?

Настроение большинства совета министров к новому сотруднику недоверчивое, снисходительно небрежное, напоминающее отношение к Думе; пусть-де болтают, а мы будем делать по-своему; с другой стороны, вполне возможно, что и члены совещания не сохранят должного равновесия и деловитости, а тогда все совещание выльется в обычную российскую говорилку, обязательно ярко и крикливо-оппозиционную, занятую преимущественно тем, чтобы изыскивать вины правительства и власти, вытаскивать все это на общее позорище и утопать в критике ради критики. Тогда из всей этой затеи ничего, кроме новых дрязг, взаимного озлобления и сугубого вреда, не выйдет. Так хочется, чтобы серьезность положения и ужасное состояние несчастной родины определили общую, дружескую, деловую линию поведения, искреннюю, без экивоков, подозрений, уловлений и уязвлений.

Поднял вопрос о снабжении жителей Омска предметами первой необходимости; считаю это крайне важным, ибо политическое настроение российского гражданина находится в серьезной зависимости от настроения его брюха как в настоящем, так и в будущих перспективах; полагаю, что рядовому омичу, попавшему случайно в высокое положение столичного обывателя, надлежит быть настроенным благодушно и чувствовать, что сие происходит от известной заботливости предержащей власти; тогда столичное благодушие, как своего рода эманация, распространится на многочисленных при- и проезжающих и развезется ими по всей стране.

Прошу министра внутренних дел сообщить, что нужно для этого Омску по части запасов и транспорта, дабы можно было обеспечить его немедленно и тем и другим; обещаю помочь всеми своими средствами, ибо верю, что если бы в феврале 1917 года правительство дало населению Петрограда хлеб и уголь, то никакой революции у нас не было бы.

20 июня. Под влиянием омских кругов, настроенных в последние дни очень решительно, адмирал решил покончить с Гайдой и уволил его от командования, разрешив отправиться в заграничный отпуск. По словам Бурлина, адмирала подвинула на это решение полученная им от Деникина телеграмма о признании последним власти адмирала как верховного правителя и главнокомандующего. Получив эту телеграмму, адмирал, до тех пор еще колебавшийся, послал за Гайдой, показал ему телеграмму и в присутствии Вологодского и Сукина спросил, будет ли Гайда исполнять приказания назначенного главнокомандующим фронтом генерала Дитерихса. На это Гайда ответил, что будет исполнять только приказы адмирала, но не чьи-либо иные; тогда адмирал объявил, что увольняет его от командования Сибирской армией и разрешает уехать за границу.

В ставке говорят, что перед свиданием с верховным правителем Гайда был у сэра Эллиота и других иностранных представителей и жаловался им на то, что вчера Лебедев и Андогский продали Россию японцам и уже вызвали в Омск японские войска.

Как ни как, а Гайде везет: он уходит в самое скверное для фронта время, но сохраняет право валить потом неудачи прошлого и последующего на то, что его удалили от командования.

Разрешение Гайде съездить еще раз в Екатеринбург, адмирал сделал большой промах, так как несомненно эта поездка будет

использована во вред власти и верховному командованию. Раздачей продуктов, материалов и пособий Гайда снискал себе немалую популярность в населении Екатеринбурга, среди которого довольно сильно эсерство и где общественный блок, пытавшийся когда-то создать собственное уральское правительство, остро враждебен Омску и сидящей в нем власти; известно, что там происходили тайные совещания, осудившие весь омский курс и постановившие, что надо срочно вызвать из-за границы князя Львова. Керенского и Некрасова и поручить им образовать новое правительство.

Неудачно также разрешение ехать через Иркутск, где стоят чехи, которые не особенно благорасположены к самому Гайде, но несомненно будут его поддерживать, потому что он чех и потому что им было лестно, что их собрат главнокомандует русскими войсками. Есть возможность отправить Гайду через Монголию, что ликвидировало бы сразу весь этот инцидент и гарантировало бы от возможности дальнейших хлопот и обострений.

На фронте идут затяжные бои в районе Уфы с отрицательными для нас результатами; сказывается беспечность ставки и штабов армий по обеспечению стыка между армиями, который безуспешно пытаются заткнуть спешно выброшенными туда конными частями. Потеря Уфимского района для нас особенно чувствительна, так как здесь заготовлены огромные запасы зерна и крупы; кроме того, масса запасов брошена войсками при отступлении, так как дивизии и полки вытащили вперед многомесячные запасы разнообразного довольствия и при поспешном отходе не смогли их вывезти. Посланные мною на фронт штаб-офицеры удостоверили, что моя просьба, обращенная месяц тому назад к начальникам снабжений армий, расходовать в первую голову перволинейные запасы и беречь тыловые магазины, исполнена не была. Один из полков Сибирской армии бросил при отходе бывшие при нем запасы продовольствия на сто тридцать дней. . .

21 июня. Купаюсь в море чернил и бумаги; спасает только двадцатилетний штабный опыт и уменье быстро читать. Удовлетворен тем, что начальники главных управлений зашевелились и некоторые из них сами начали выдвигать на очередь и разрешение разные насущные вопросы. . .

Труднее всего с подвозом, так как восстания в Красноярско-Тайшетском районе остановили почти на два месяца ночное дви-

жение поездов и восточнее Красноярска скопилось около 140 груженых товарных составов с интендантским и артиллерийским снабжением; большие станции забиты чешскими эшелонами, что еще более затрудняет транспорт и не позволяет рассортировать задержанные составы и пропустить вперед наиболее для нас нужные; наш нищенский график сильно страдает еще и оттого, что хозяевами дороги являемся не мы, а многочисленные союзные опекуны, и в первую голову идут поезда чешские, польские, междусоюзные, а восточнее Байкала — японские и семеновские; нам же достаются одни только объедки.

Предложил продвинуть всю пробку задержанных составов пачками, прикрыв дорогу выдвижением в сторону от нее отдельных отрядов из группы генерала Розанова и из союзных войск. Вместо всего этого сегодня отправили туда многочисленную комиссию.

Написал министру финансов письмо, в коем ориентирую его в настроениях фронта, крайне враждебных всему, что делается в тылу, и особенно острых к состоятельной буржуазии и спекулятивным кругам, жиреющим от доходов и барышей, но не желающим ничем жертвовать и реально помочь армии; указал, что в теперешнее больное время такое настроение может привести к очень печальным результатам и что необходимы какие-нибудь особые меры, чтобы заставить состоятельные классы понять, что фронт спасает их жизнь, достояние и привилегии и имеет право рассчитывать, чтобы подумали об его нуждах и ему помогли.

Но так как горький опыт показывает, что нет никакой надежды на то, что богатые буржуи раскачаются и откроют свои туго затянутые жадностью и узкомыслием кошели, то я очень прошу обсудить мое предложение о принудительном обложении богатых классов и крупных доходов большим прогрессивным налогом в пользу инвалидов и семей убитых и умерших на службе государству и на устройство инвалидных домов, ферм, учебных заведений для сирот и пр. и пр. Я полагаю, что в распоряжении министра финансов имеются данные для определения суммы, которую можно будет назначить; эту сумму надо разложить затем между биржевыми комитетами всей Сибири и Дальнего Востока, а те пускай уж разбираются, сколько с кого взять. Печально итти по этой части по стопам комиссаров, но нет иных способов расшевелить нашу богатую буржуазию.

Я помню так называемые «дни армии» в Харбине, когда путем благотворительного выжимания собрали около полутораста тысяч рублей, а между тем в Харбине имелись сотни обывателей, сделавшихся во время войны миллионерами и многие сотни богачей, наживших за то же время десятки миллионов; люди, близкие торговле, говорили мне, что прибыль Владивостока и Харбина за время войны и смуты можно подвести к миллиарду рублей.

Такой же жалкий сбор был произведен и во Владивостоке; когда же полтора года тому назад там установилась большевистская власть и ей понадобились деньги, то она их получила немедленно и в количестве нескольких миллионов, причем давшие эти деньги сейчас же об этом забыли и никогда более не вспоминали.

22 июня... Начал кампанию по подготовке к зиме, дабы не повторялся печальный опыт прошлого года; исполнение теперь так запаздывает, что для безопасности надо иметь все очень и очень заблаговременно. Еще во время поездки в Екатеринбург просил министерство снабжений распределить всю заготовку теплой одежды с таким расчетом, чтобы к концу августа последние партии были бы уже сданы в вещевые магазины. Все это обещано, и министерство снабжений уверяет, что все будет исполнено, но пока, кроме многообещающих ведомостей, я от него ничего не имею, и это меня тревожит, особенно в виду того, что мы потеряли уже западноуральские заготовки и близки к тому, чтобы потерять уральские и восточноуральские.

Нельзя же допустить повторение прошлой зимы, когда для спасения армии пришлось раздевать мирное население.

Обратился ко всем ведомствам с просьбой строить возможно больше жилых помещений, ибо Сибирь сейчас набита так, что к зиме нам вновь грозит тяжелый жилищный кризис, особенно же, если армии и их тылы откатятся к востоку от Урала; такие постройки не будут даже излишним расходом, так как пригодятся и для будущих мирных времен.

В военных округах приказал напрячь все средства для максимального развития строительных работ; приказал приобретать, нанимать и реквизировать все недостроенные и брошенные частные здания, ремонтировать казармы, заготовлять топливо.

В ответ получил из округов донесения о великих трудностях и даже невозможности исполнения под самыми разноцветными

предлогами. Весьма всех поругал; хотел даже сменить командующих войсками и их инженеров, но был остановлен зловещим по своей сущности вопросом: а кем же их заменить? Наша бедность в людях и в добросовестных работниках ужасающая.

23 июня. Изъятие из моего ведения всех перевозок, перешедших в одно общее для фронта и тыла управление военных сообщений ставки, сказалось сразу очень печальным образом. Просматривая ведомости о движении грузовых эшелонов, обратил внимание на резкое падение числа прибывающих на станции Иркутск и Омск. Несомненно, что отчасти тут сказывается влияние тайшетской пробки, но была, очевидно, и другая причина. Произведенное по телеграфу расследование причин этого явления выяснило, что Китайская дорога перестала подавать порожняк к Владивостоку и это остановило погрузку владивостокских срочных нарядов.

Всем местным органам военных сообщений, мне не подчиненным, это известно, но они молчат; молчит и генерал Рооп, и начальник военных сообщений Дальнего Востока, и многочисленные представители и уполномоченные главных управлений, как будто бы это их не касается.

Оказывается, что все это подстроено дальневосточными спекулянтами для того, чтобы получить побольше вагонов для местных перевозок и спасти рыбные грузы харбинских и благовещенских купцов продвижением их за Байкал ценой сокращения воинских перевозок. Дело было обляпано мастерски; заявили междусоюзному комитету, что Забайкалье умирает без рыбы, но зато ее много в Харбине, почему для спасения Забайкалья надо разрешить подвинуть ее на запад в местном сообщении, где в графике есть свободный запас. Разрешение было дано, и спекулятивная рыбешка поползла на ст. Маньчжурия, где таинственно переползла границу и попала на Забайкальскую дорогу; там тоже воспользовалась преимуществами местного сообщения и добралась до Иркутска и т. д. Вагоны для этого брались из того порожняка, который мы усиленно гнали с запада и который фатально заболевал в пределах Китайской дороги.

Лица, обязанные блюсти интересы боевого транзита, оглохли и ослепли; всего у нас слизнули свыше 400 вагонов, которые пошли под рыбу и другие спекулятивные грузы, подсосавшие наше сквозное движение. Наши вагоны идут без «подмазки», побочных

доходов с них никому не очищается, а поэтому они и подвержены постоянным «заболеваниям»; семеновские же и спекулянтские вагоны болеют очень редко, ибо с ними едут «доктора», обращающиеся своевременно за помощью к сцепщикам, составителям и иным сведущим по вагонным болезням лицам. Обходится это лечение не дешево: один харбинский коммерсант истратил на лечение двух вагонов в пути от Харбина до Омска около ста тысяч рублей, и на последней остановке отдал за пропуск их дальше последнее, что у него оставалось — золотые часы.

Сообщил это ставке, но та ограничилась приказанием выбросить боченки с рыбой из вагонов и отправить вагоны во Владивосток; в просьбе же разгромить всех виновных лиц мне отказали, потому что при этом придется затронуть междусоюзный контроль и его служащих, а это очень некстати в виду происходящих теперь серьезных переговоров по поводу признания и материальной помощи.

Единственное удовлетворение получил от министра путей сообщения, который, во избежание повторения таких кунстштюков, согласился воспретить совершенно местные перевозки в западном направлении; неприятно прибегать к таким исключительным ограничениям, но что же делать при том развале, который воцарился на железных дорогах по части взяточничества.

Взамен я уведомил довольствующие министерства, что я готов предоставить в распоряжение крупных биржевых комитетов некоторое количество наших вагонов, в которых по нарядам этих комитетов могли провозиться неспекулятивные грузы, необходимые для населения и здоровой торговли.

Был с докладом у верховного правителя; высказал ему еще раз мои сомнения и тревоги; доложил о необходимости обратить сугубое внимание на расползающуюся повсюду мерзость, так как это самым гибельным образом отражается на чистоте авторитета власти; получается повторение последних лет старого режима, по сущности невиновного в большинстве мерзостей, совершаемых его именем, но понесшего на себе весь ответ за прошлое.

Рядовой обыватель, смотря на все подозрительным и предубежденным против всякой власти оком, сугубо все размазывает, много добавляет и приходит к непреложному выводу, что рука руку моет, и что во всех злоупотреблениях заинтересованы лично

представители самой власти, которые поэтому все замазывают и не преследуют виновных.

Адмирал страшно разнервничался; он, повидимому, не понимает, что для устранения надо изменить всю систему управления; сам он всем сердцем хочет улучшения и очищения и готов на самые порывистые, но одиночные и бессистемные действия и кары, но бессилен справиться с разъедающим нас злом во всей его совокупности, ибо для этого нужны железная система, длительное ее применение и энергичные, добросовестные исполнители.

Во время доклада адмирал сообщил мне, что ночью арестованы шесть военных летчиков и начальник воздушного флота за провоз частных грузов под видом военного снабжения и что он хочет, чтобы над ними разразилась вся строгость правосудия, но не уверен в осуществлении своего желания и боится вмешательства юристов и адвокатов.

И жалко адмирала, и больно, что власть находится в таких беспомощных руках. Я ему доложил, что едва ли можно опасаться каких-либо затруднений в осуществлении его желания, так как такие подлые преступления должны быть подведены под понятие государственной измены и сознательного, из корысти, вспомоществования неприятелю, ибо невозможна иная квалификация для деяний, когда из жажды наживы воруют вагоны и этим наносят ущерб делу боевого снабжения фронта; нельзя смотреть на такие деяния как на простой подлог и мошенничество, ибо у армии украдено пять вагонов и она потеряла пять тысяч пудов снабжения.

Вечер провел в первом деловом заседании государственного экономического совещания; слушался доклад министра земледелия Петрова. Обидно было, что правительство выступило с таким неудачным дебютантом, напоминавшим мне очень старательного, но бесталанного ученика, выпущенного с речью на выпускном акте; непонятно, зачем это скоропалительное и совершенно не продуманное выступление; казалось бы, что ранее следовало пропустить программу доклада через совет министров, дабы она явилась докладом правительства, а не растрепанным и бедным по содержанию излиянием очень симпатичного и лохматого Петрова, горячего и искреннего человека, но министра, очевидно, только по недоразумению или по чьей-либо рекомендации. . .

В результате первое выступление правительства вышло очень слабым; я думал, что первым выступит Вологодский и доложит

полную и выпуклую программу текущей и предстоящей деятельности правительства во всей ее совокупности, и ошибся. Прислушиваясь к разговорам среди членов совещания после доклада, убедился, что все промахи и ляпсусы докладчика подхвачены, учтены и уже разделаны под орех; самое скверное то, что говорили, что из доклада ясно, что у правительства нет твердой и определенной программы по основному земельному вопросу. Обсуждение доклада отложено на следующее заседание.

24 июня. Редкий по горячности работы день. Получил от американцев сто тысяч аршин сукна и 600 тысяч комплектов белья при единственном условии, что представители дающего все это американского Красного Креста будут допущены присутствовать при распределении этого имущества на местах; я с полной готовностью дал согласие на это допущение, так как это лучший способ бороться с распространяемыми слухами, что из отправляемого на фронт до солдат доходит относительно немного.

Подарок американского Красного Креста меня очень порадовал, так как тайшетская пробка и харбинская рыбка создали тяжелый кризис в деле удовлетворения неотложных нужд армии по летнему и бельевому снабжению; во Владивостоке и в пути у нас очень много, а на месте раздаем последние скудные запасы. . .

Вечером в совете министров большие и горячие дебаты по поводу законопроекта о легализации союза городов и земств; спорили в температуре самого острого напряжения, причем для меня выяснилась полная разноголосица мнений и основных политических взглядов, как-то не вяжущаяся с солидарностью совета министров.

Мне, новому и случайному человеку, было чрезвычайно неприятно убедиться, до чего резко расходятся во взглядах на внутреннюю политику члены кабинета, именуемого объединенным правительством. Вина в этом лежит, несомненно, на самом председателе совета министров, которого держат на столь ответственном посту как какую-то драгоценную реликвию (неизвестно только, какой секты и толка), уверяя, что в его имени и личности кроется прочный залог демократического правительства и уверенности союзников и общественного мнения всего Запада в демократичности омской власти.

Очевидно, что весь этот миф создается теми, кому выгодно возглавление правительства этой сношенной и безвольной тряп-

кой, совершенно потухшим человеком, негодным и неспособным уже на руководство делом самого мелкого масштаба; очевидно, что и тут главную роль играет боязнь наиболее честолюбивых членов настоящего кабинета потерять власть и уйти в политическое небытие, раз только будет сменен этот дряблый папаша времен ноябрьского переворота и новый председатель станет подбирать себе сотрудников по своему вкусу.

Между тем теперь, как никогда, председателем совета министров должен быть человек железной воли, огромного жизненного и делового опыта, кипучей творческой энергии, чуждый шаблона и предвзятости, свободный от партийных, классовых и коммерческих влияний, способный охватить, а затем и руководить всеми сторонами государственной жизни и строительства, властно направляя все отдельные струи и струйки в одно русло. Теперь председатель совета министров должен быть государственным канцлером в самом широком значении этого понятия, дол жен приближаться к лучшим типам великого визириата.

Чем менее подготовлена и способна к верховному управлению государством наличная верховная власть, тем талантливее, крупнее и содержательнее должен быть ее серый кардинал — председатель совета министров.

Горько то, что несчастная судьба России подсунула совершенно не подготовленному к возглавлению верховной власти адмиралу какой-то обмылок, повидимому, даже мало интересующийся и часто не знающий, что делают подчиненные ему правительственные министерства и возглавляющие их министры.

В сегодняшнем заседании совета министров министрам пришлось высказать свои политические взгляды, и меня поразила реакционность, неискренность и умышленная недоговоренность некоторых речей; общее заключение из того, что я сегодня услышал, сводится к выводу, что большинство совета настроено враждебно против всяких общественных организаций и боится их критики, контроля и агитации, но в то же время боится поставить точки над і и получить упреки в недемократичности. Видно было, что противники легализации союзов боятся создать в их лице опасного для власти крокодила и были бы рады, если бы сей крокодил благополучно подох, но только так, чтобы их участия в его удачной смерти не было.

Искреннее и прямее других был демократичный по внешности

и по репутации министр земледелия Петров, который очень резко высказался против легализации союзов как учреждений, опасных для государственного строя и органически созданных для того, чтобы его подрывать.

Определенен, точен и искренен был и министр внутренних дел Пепеляев, высказавшийся самым резким образом против союзов как фиктивной по названию, но антиправительственной по сущности организации. Остальные виляли, старались и демократическую невинность соблюсти, и упрека в реакционности избежать.

Вернулся раздраженным и настроенным, так сказать, «антиправительственно», ибо убедился, что с данным составом министерских упряжек нам не выехать на широкую и хорошую дорогу; слишком уж мелки, эгоистичны и неспособны на творчество и подвиг все эти персонажи, случайные выкидыши омского переворота.

В ставке уверяют, что контр-разведка раскрыла огромный заговор и имеет определенные указания на то, что в самом Омске должно произойти на-днях вооруженное восстание; главные деятели контр-разведки приняли вдохновенный и озабоченный вид и на все расспросы таинственно помавают своими провокаторскими главами.

Глубоко убежден, что это очередная фабрикация этих потомственных и почетных провокаторов, которым надо усугубить важность своего охранительного значения и получить еще несколько миллионов на темные расходы.

Полупочтенное всегда учреждение контр-разведки, впитавшей в себя функции охранного отделения, распухло теперь до чрезвычайности и создало себе прочное и жирное положение, искусно использовав для сего атмосферу гражданской войны, политических заговоров и переворотов и боязни многих представителей предержащей власти за свою драгоценную жизнь и за удержание власти. Все это сделало главарей контр-разведки большими и нужными людьми, телохранителями многих сильных мира сего и открыло самые широкие и бесконтрольные горизонты для их темной, грязной и глубоко вредной деятельности.

Здесь мне нет времени углубляться в деятельность этих господ, но в Харбине я видел достаточно, как распухло это гнусное учреждение и как крепко оно опутало верхи власти, грязня их своей грязью. Здесь контр-разведка — это огромнейшее учреждение,

пригревающее целые толпы шкурников, авантюристов и отбросов покойной охранки, ничтожное по производительной работе, но насквозь пропитанное худшими традициями прежних охранников, сыщиков и жандармов.

Все это прикрывается самыми высокими лозунгами борьбы за спасение родины, и под этим покровом царят разврат, насилие, растраты казенных сумм и самый дикий произвол. И во всем этом нет ничего удивительного, ибо довлеет дневи злоба его; контр-разведка и охранка всегда требовали особого контроля и умелого наблюдения, ибо при малейшем ослаблении надзора они делались скопищем всякой грязи и преступлений. Кто-то сказал, что во всей охранной деятельности нужно, чтобы чистые головы руководили грязными руками и сдерживали преступные похоти этих грязных рук. Теперь чистых голов уже не осталось, и на верхи контр-разведки залезли выскочки или разные авантюристы, развращенные теми возможностями, которые им дает современная неурядица.

Если мое краткое соприкосновение с чинами прежней охранки дало мне такие случаи, как подполковник Заварицкий и ротмистр Фиотин, посылавшие людей на виселицу и на каторгу ради отличия и получения внеочередной награды, то что же должно быть теперь, когда ослаб до-нельзя контроль и наблюдение?

В данном случае надо быть недалекими детьми или доверчивыми трусами, чтобы поверить в возможность восстания в городе, наполненном иностранными войсками и отборными, вполне надежными конвоями старших начальников.

25 июня. Над городом непрерывно летают военные аэропланы; весьма негодовал, когда узнал, что сие делается по приказанию ставочной контр-разведки, дабы усмотреть заблаговременно сборища замышляющих восстание.

Утром приехал ко мне Иванов-Ринов, плакался на то, что Омск совершенно не понял значения и характера его деятельности на Дальнем Востоке, где он проводил замечательный план успокоения края, но все это рухнуло благодаря зловредному противодействию американцев и жидо-массонов.

Сей хитрый муж успел добиться переноса на август уже давно назначенных выборов войскового атамана Сибирского казачьего войска, так как его шансы на перевыбор были ничтожны, и сейчас все его намерения направлены к тому, чтобы привлечь к себе

вновь симпатии казаков; посему он задумал объезд всех станиц и раздачу привезенных с востока товаров, для чего и просит наряда ему парохода и автомобилей.

Большая ошибка, что ему позволили вернуться в Омск до выборов и позволили отложить выборы; по своим омским связям этот честолюбивый авантюрист очень опасен для здоровой политики, и при все возрастающем здесь казачьем засилии он сможет принести огромный и ничем уже не парализуемый вред.

Получив от меня отказ, он отправился в ставку, где, как мне говорили, получил все просимое.

Вечер промучился в комитете экономической политики, одном из мертворожденных детищ омского кабинетского мышления; ну, разве сейчас до того, чтобы заниматься дискуссиями на разные экономические темы, да еще во всероссийском масштабе, отвлекая на несколько часов и без того переобремененных работой и заседаниями министров и их товарищей.

Радио сообщает, что перед передачей своего флота союзникам немцы затопили большую часть своих кораблей; можно только рукоплескать такому патриотическому подвигу, хотя он сделан бывшим врагом, погубившим Россию.

Поражаюсь обширностью помещений и обилием состава моего соседа — осведомительного отдела ставки, с целой армией служащих, среди которых много южных физиономий и порядочные табунки привилегированной молодежи, несомненно скрывающейся здесь от всяких неприятностей фронта; та же картина, что и во Владивостоке; те же сыновья, зятья, племянники и родственники местных олимпийцев, обслуживающие разные передние, пишущие машинки, телефонные аппараты и особые поручения.

При виде их у меня поднимается чувство горячей ненависти к тем, кто покровительствует этой мерзости и прикрывает эту жалкую и ничтожную мразь.

Этот отдел тратит массу денег на так называемое «осведомление», внешне очень эффектен, обклеивает все омские заборы очень занозистыми плакатами и при помощи наемных перьев и оплаченных глоток распространяет самые лестные слухи о своей деятельности.

Между тем на фронте и в тылу царит полная неосведомленность; получается, как и во всем омском творчестве, огромная голова без туловища и конечностей. Вся работа сводится к Омску

и к втиранию очков омской власти; весь аппарат жмется к Омску, поближе к главной кассе, к сенсации, к безопасности, к возможности хорошо устроиться и звучно шуметь. Осведомление — только предлог для кормежки и укрытия от фронтовых неприятностей; исполнение все поставлено на рекламу и на дутую статистику о числе выброшенных на осведомление экземпляров и изданий. Этим же миром мазаны и остальные учреждения, присосавшиеся к военному и общему осведомлению.

Мне по должности пришлось войти в состав комитета по делам печати и видеть, как все это налаживается, причем выдумываются все новые и новые методы кормления; заправляет комитетом очень юркий и пронырливый Т. В. Бутов. Я вошел в комитет очень резким дисссонансом и очень определенно высказал свой отрицательный взгляд на все покупаемые и субсидируемые газеты, на разные плакаты и иные способы осведомления, заявив, что, кроме кормежки разных паразитов, ничего путного из всех этих затей не выходит, ибо мы покупаем всякую дрянь, неспособную своей работой нам помочь.

Кроме того, вся работа идет не по тому направлению, и главное — деревня остается такой же темной и ничего не понимающей, как и тогда, когда на осведомление не тратили теперешних миллионов.

26 июня. Вечером в заседании государственного экономического совещания слушал, как зло, детально и по заслугам разделывали прошлый доклад министра земледелия и выявили всю его бессистемность и легковесность.

Вполне понятно, почему наши юные министры из бывшего революционного подполья так боятся не подчиненных и не обязанных только славословить учреждений, а общественного независимого контроля: тут уж очень опасно выступать с кондачка, а надо предъявлять свое внутреннее и деловое содержание на строгий, придирчивый и предубежденный контроль.

Старые работники типа Устругова, Краснова, Ларионова, Сурина не побоятся, конечно, итти с докладом в любое совещание, сумеют собрать и подать необходимый материал, выслушают с удовольствием разумный совет и дельное замечание; с такими докладчиками будут спорить, но должны будут считаться с их докладами как с чем-то серьезным.

Такие же доклады, как прошлый Петрова, ставят совет мини-

стров в смешное положение; нам безмолвно пришлось слушать, как четыре оратора от четырех разных партийных группировок разделывали доклад так, что только клочья летели; и все замечания были правдой, и против них нельзя было возражать.

Справедливый упрек по адресу правительства высказал представитель земской группы, указавший, что правительству временного значения не пристало задаваться широкими и долгосрочными задачами всероссийского масштаба, а надо напрячь все силы и направить все наличные средства на скорейшее удовлетворение самых неотложных нужд страны и населения в пределах сегодняшнего и завтрашнего дня.

Это более чем справедливо, ибо наши министерства уткнули носы в долгосрочные работы, часто всероссийского масштаба, и забыли про действительность.

В результате первых двух заседаний государственного экономического совещания правительство получило единогласную резолюцию всех членов, отметившую отсутствие какой-либо программы по земельному вопросу, бессистемность и отсутствие какого-либо содержания в сделанном ему министром земледелия сообщении. Я очень боюсь, что это сразу испортит отношения между советом министров и совещанием, а между тем нам до зарезу необходима дружная и совместная работа...

28 июня. Видел прибывшего с фронта командующего Западной армией генерала Ханжина, заменяемого генералом Сахаровым; говорят, что это назначение проводится Лебедевым и поддерживается генералом Ноксом, которые в решительности Сахарова видят исход из того положения, в котором находится сейчас Западная армия. По тому, что я слышал о Сахарове, он подходит больше всего к начальнику карательной экспедиции или командиру дисциплинарного батальона.

Ханжин подтвердил мне, что число ртов, показываемое в войсковой отчетности, превосходит приблизительно вдвое действительное их наличие; подтвердил также и отсутствие разумного эшелонирования запасов и накапливание огромных складов при частях войск; как пример он указал, что в одном полку, выдвинувшемся при наступлении далеко вперед, было разных запасов свыше 150 груженых вагонов.

По полученным мной от контроля сведениям, в Сибирской армии были части, имевшие всегда при себе не менее $2^1/_2$-месяч-

ного запаса продовольствия всех видов. Пепеляев слал с фронта угрожающие телеграммы о недостатке довольствия, а при поверке на его базе оказалось свыше 300 вагонов, груженых всеми видами довольствия.

Та же Сибирская армия вопила о недостатке медикаментов и перевязки и обвиняла тыл в гибели раненых, а при поверке оказалось, что рядом с полевой аптекой армии стояло шестнадцать вагонов с нужными медикаментами и перевязочными материалами и что штаб армии был своевременно об этом извещен.

Все посылаемое на фронт в скромных, но все же достаточных при разумном использовании количествах тонет в море хаоса, своеволия и безудержной атаманщины. . .

При таких условиях расходования и при наших нищенских средствах заготовки и подвоза, регулярное снабжение распухших численно армий становится невероятно трудным делом.

Все попытки внести в это дело систему, порядок и контроль вызывают и глухое и открытое сопротивление, причем двигающие этим эгоизм и распущенность прикрываются интересами дела. Государственный контролер показал мне донесение контролера при речной флотилии о том, что когда он опротестовал какой-то шалый расход на постановку особых вентиляторов в каюте начальника флотилии контр-адмирала Смирнова (он же опереточный морской министр), то ему пригрозили поркой.

При помощи Акинтиевского провел свои проекты приказов о междуведомственной сваре и уязвлениях и об обязанностях офицеров.

Я мало верю в общую эффективность таких приказов, но не теряю надежды, что высказываемые в них взгляды затронут хоть некоторые начальнические головы и сердца, а тогда несомненно получатся практические положительные результаты; на общее впечатление рассчитывать трудно: очень уж у многих выдублены шкуры и вылужены совести; для некоторых гиппопотамов нужны особо едкие кислоты, чтобы их пронять.

29 июня. Пытаюсь провести обязательную квартирную повинность для семейств всех бойцов, находящихся на фронте; заручился согласием министра внутренних дел, без которого трудно это осуществить.

Вечером, по просьбе Лебедева, устроил обед для японской миссии генерала Иде. Сам Лебедев боится обвинений в японо-

фильстве; министр иностранных дел отказался от приглашения на обед, а управляющий морским министерством дипломатически заболел.

Уехал обратно к Деникину присланный от него генерал Сычев; не понимаю этих командировок; мы бедны, как церковные мыши, а тратим дорогую валюту на разъезды взад и вперед таких никчемушных гастролеров, которые едут сюда 2 — 3 месяца, набрешут здесь с три короба и великодушно отбывают назад.

Я был прав, утверждая, что семеновское смирение это только одна комедия и что этот нарыв попрежнему сидит у нас в горле; не проходит и нескольких дней, чтобы не было каких-нибудь донесений с востока о безобразиях и насилиях семеновской опричины; мне как представителю военного ведомства приходится хлопать глазами, когда другие министры обращаются ко мне с требованием прекратить эти безобразия; каждый раз заявляю, что военное ведомство бессильно справиться с читинской вольницей, умышленно укрываемой японцами, и что я могу только просить председателя совета и министра иностранных дел устранить это покровительство дипломатическим путем.

30 июня. Скверные известия с фронта, достоверные, но неофициальные, ибо штабы армий не любят доносить о скверных вещах. Несомненно только, что по моей снабжательской части при стремительном отходе потеряны огромные запасы продовольствия и снабжения, нерасчетливо и безумно выброшенные вперед, несмотря на грозную неустойчивость положения фронта. В одном Уфимском районе мы потеряли до 2 миллионов пудов зерна и до 200 тысяч пудов крайне необходимой нам гречневой крупы. Эвакуация фронта производилась возмутительно преступно; было время многое спасти, но сначала шли многочисленные штабные и хозяйственные эшелоны с бабами, няньками, детьми и прочими бебехами; затем уезжали в купленных вагонах богатые обыватели. Прибывшие с фронта офицеры трясутся от негодования, рассказывая, как производилась эта эвакуация. Надо еще удивляться прочности нашей дисциплины, которая позволила офицерам и солдатам спокойно смотреть на эти мерзости и не разорвать в клочья тех, кто это делал или допускал делать. Многотерпелива еще армия и молчит, но сколько невидимых трещин оставляют такие картины и сколько злобы и ненависти накопляется в этом молчании; и как преступны те, кто все это де-

лает. Занесшиеся в своем случайном величии выкидышные юпитерчики и юпитеришки ничему не научились из прошлого и готовят нам тяжелое будущее, когда все это и припомнится, и воздастся.

Полученные с фронта сведения передал в ставку; обещались произвести расследования и покарать виновных.

Те гадости, которые творятся кругом, и полная безнадежность истребить их обычным путем побудили меня подать официальный доклад об установлении административной высылки в находящиеся под красной властью пределы России наиболее злостных политиканов и сплетников, зловреднейших спекулянтов, подкапывающихся под нас эсеров и прочей будирующей нечисти, которых очень трудно достать по закону, в извилинах которого они искусно скрываются.

Надо стать на ту точку зрения, что по своей сугубо вредоносной деятельности вся эта крикливая публика является явными и очень опасными для нас сотрудниками большевиков, почему их и надо отправить к тем, кому они вольно или невольно, умышленно или неумышленно помогают; отправлять надо по особым постановлениям, утверждаемым министром юстиции, чинно, без малейших насилий и даже со всеми удобствами. Уверен, что несколько случаев применения такой административной высылки основательно очистят нашу отравленную атмосферу и продезинфицируют прогнившие нравы.

1 июля... Приходится готовиться к тяжелой и обильной последствиями потере Урала, Перми, драгоценного для нас Мотовилихинского завода, изготовлявшего для нас артиллерию, и всех заказов, расположенных в Приуральском районе; особенно тяжело потерять заказы на обоз, походные кухни и разнообразный инструмент.

Зато сильно проясняется на юге; красные не оценили значения Деникина, неосторожно стянули против нас все резервы, что и дало, повидимому, возможность Деникину развернуться и начать громить красных; если это разовьется так же успешно и дальше, то можно будет примириться с нашими уральскими неудачами и надеяться, что судьба большевиков будет решена не у нас, а на юге и в центре России.

2 июля. Получил от американского Красного Креста 13 тысяч фланелевых рубах и 50 тысяч пар белья.

Главнокомандующим фронта назначен генерал Дитерихс; это дает надежду на то, что и в организации армии, и в системе снабжения будут произведены необходимые реформы; скверно только то, что осуществлять их придется в крайне тяжелой обстановке вынужденного и становящегося все более и более беспорядочным отхода, военных неудач и массовой эвакуации.

В деле организации и распределения снабжения нужны система, твердость и контроль; при таких условиях, даже при общей системе беспорядка, можно было и раньше получать положительные результаты, доказательством чего служит весьма успешная организационная и распределительная работа полевого инспектора артиллерии.

Наши порядки вообще так неудовлетворительны, что переходящие к нам с красного фронта офицеры говорят, что у красных больше порядка и офицерам легче служить.

Секретные донесения с фронта сообщают нечто, что с первого взгляда может показаться совершенно невероятным, а именно что одной из причин поворота военного счастья в пользу красных была девальвация керенок, так как одним из импульсов наступления была возможность добывать при успехе керенки пудами по весу и сотнями тысяч по ценности; с их девальвацией исчезла возможность получить реальное дополнение к невесомому успеху, а вместе с тем исчез и наступательный порыв.

Мне думается, что это басня, рожденная острым неудовольствием против этой идиотской реформы, кем-то выдуманная и быстро подхваченная, всюду расползшаяся и сделавшаяся как бы несомненной; все, что выдумывается в пику и в ущемление сидящего сзади тыла, этого стозевного, лающего и доставляющего столько неприятностей чудовища, воспринимается и усвояется очень быстро и охотно.

Инспектор ремонтов показал мне свидетельство на освобождение от конской повинности, на правах кровного и незаменимого производителя, лошади одного омского богача; при поверке лошадь оказалась мерином. Порекомендовал убедить ставку доложить этот случай адмиралу для применения моего проекта высылки в красную Россию всех причастных к этой мелкой, но характерной гадости лиц.

3 июля. Утром выехал на восток до станции Тайга, чтобы осмотреть некоторые склады и проверить движения эшелонов;

главное же — хочу немного поспать и то, что называется, продуть котлы, т. е. дать отдохнуть мозгу и нервам; ничто так не помогает, как такие краткие перерывы, даже если они заполнены весьма напряженной работой, но только иного характера и в иной области; я называю это «переменить на время валики».

Перед отъездом был в ставке на оперативном докладе; выслушал сильно загримированное, но грозное по своей сущности изложение положения армий; еще раз изумился той небрежности, благодаря которой у нас до сих пор нет обеспеченного и прямого сообщения телеграфом с Уральской армией; если по части установки связи с Деникиным еще допустимы какие-нибудь технические оправдания, то в отношении Уральской армии таких оправданий быть не может.

То же самое и по части подвоза уральцам — была возможность с весны послать в Омск колонну грузовиков и установить правильное снабжение.

Сейчас же сведения из Уральской армии приходят случайно, урывками, как с какого-то полюса; только на-днях, по инициативе свежего начальника общего отделения ставки, ведающего устройством связи, стали достраивать и ремонтировать какую-то старую телеграфную линию для связи с уральскими казаками.

От полковника Рудченко узнал, что дальневосточный инспектор формирований генерал Хрещатицкий послал часть офицеров раздольнинского гарнизона «учиться военному делу» в Японии; пришлось дожить и до такого позора, непонятного этому превосходительному спиртовозу, пресмыкающемуся перед японцами и подбирающему, где можно, японские иены.

Получил случайное письмо из Читы; живут там весело, банкетируют, ублажают во-всю японских друзей и защитников. Временное изменение общего курса в строну оздоровления, о котором много кричали защитники Читы, оказалось одной фикцией и якобы удаленые прежние советники и поводыри атамана, отдохнув в заграничных экскурсиях, возвращаются обратно в прежней славе.

4 июля. На одной из станций с горечью на сердце пришлось видеть воочию, насколько русской толпе нужна палка и притом, к сожалению, иностранного происхождения. Наш поезд стоял, ожидая прохода экстренного поезда генерала Жанена; все усилия железнодорожных милиционеров удалить с рельсов сидевшую

на них толпу крестьян и пассажиров успеха не имели; но когда явились три чеха и с криками «айда» стали дубасить русских граждан прикладами, то платформа и рельсы опустели, а «хозяева русской земли» чинно выстроились за отведенной им чехами линией.

Печальная картина, причины возможности которой заложены глубоко в нашей истории; грустный вариант привычки быть под татарином, фрязином, немцем, а в последнее время — евреем.

За день сделал массу работы, подготовил несколько серий задач и записок для исполнения начальникам главных управлений; когда не рвут докладчики и посетители и не сидишь подолгу в разных комиссиях, голова работает свежо и споровисто.

Отдыхая, суммирую свои омские впечатления, и мрачно на душе; то, что видел и узнал за два последних месяца, дает очень мало надежды на то, что здесь удастся восстановить и упрочить здоровую государственность в новых творческих и производительных формах.

И ставка и правительство работают без плана, без системы, в лихорадочной и нездоровой обстановке омских влияний, отзываясь с грехом пополам на крикливые требования минуты и плывя туда, куда несет капризное течение.

Идет любительский спектакль с скверными любителями на главных ролях в серьезнейшей трагедии мирового значения. Огромная ставка, грандиозные министерства с десятками департаментов, всевозможные главные управления и бесчисленные канцелярии заведены по всероссийскому масштабу, усердно вертят какие-то валы и колеса, валики и колесики, что-то пыжатся, но производительной работы нет. Наружного старания, канцелярского пота, исписанной бумаги и пролитых чернил моря и горы; законы, циркуляры и распоряжения рождаются в изобилии, но жизни не удовлетворяют, до жизни не доходят, опаздывают, отстают и в огромном большинстве остаются писаной бумагой, заваливающей архивы и канцелярии.

Размах всероссийский, приноровленный к нормальным условиям государственной жизни, а исполнение в стиле омского градоначальства, при неумении оценить наличную обстановку, стремительный курс новой жизни, развал и уничтожение тех основ и крепей, на которых строились и коими держались старые порядки, старая система администрации, управления, хозяйства.

Рабочей силы достаточно; сохранились, хотя и потрепанные, остатки прежнего опыта, специальных знаний и служилого навыка, но нет талантливых руководителей, которые сумели бы направить все это в новое, временное русло и удовлетворить стремительным потребностям данного исторического часа.

Создали верхи управления и забыли про низы; Омск перегружен чиновниками и механизмами государственного управления, а в самой стране отсутствуют существенно необходимые органы этих старших механизмов, и некому осуществлять все то, что выбрасывает из себя многопишущий Омск; всем хочется на верхи, и почти никого нет в низах, т. е. там, где обслуживается население.

Фронт и тыл поражены бессилием и дряблостью власти, проедены и прогноены разновидностями сибиреязвенной атаманщины, этого специфического белого большевизма. Центр требует закона и порядка, машет бумажным мечом по адресу насильников и беззаконников, а кругом растут и ширятся произвол, презрение ко всякому распоряжению свыше и собственное усмотрение.

К горю нашему, у адмирала нет прочной решимости поставить все на карту и покончить прежде всего со всеми атаманами и с атаманщиной во всех ее разновидностях и проявлениях. Надо это сделать, хотя бы ценой собственного провала, ибо иначе эта язва съест и адмирала, и нас, сожрет всю белую идею и сделает ее надолго постылой и ненавистной для всей Сибири; ведь то, что произошло и продолжается сейчас в Приморьи, Забайкальи и что расползается по Сибири, вопиет, грозит и предостерегает.

Не может быть прочного фронта, раз тыл гноится атаманщиной; не может быть здорового тыла, раз он поражен той же язвой.

На атаманах и карательных отрядах государства не восстановить; всех недовольных и восстающих против насилия не перевешать и не перепороть — рук не хватит, да и руки коротки.

Адмирал объясняет свою нерешительность политикой японцев, открыто поддерживающих дальневосточных атаманов; но это не оправдание, раз только понимать весь смертоносный вред атаманщины. Тогда надо начать открытую и ни перед чем уже не останавливающуюся кампанию против Японии, надо довести все это до сведения союзников, опубликовать все документы, выставить

всю правду, и я уверен, что Япония сдаст, ибо таких разоблачений своей политики она очень не любит.

Но то, что творится сейчас в Омске, делает, повидимому, уже невозможными все эти мои проекты и мечтания, ибо адмирал все глубже и прочнее делается пленником омских комбинаций, среди которых все резче и сильнее начинает выделяться влияние казачьего блока, взявшего для себя монополию признанных и чуть ли не единственных спасителей отечества.

Зима и весна потеряны безвозвратно и для создания настоящей, прочной армии, и для разумного, здорового государственного строительства.

Вместо прочной боевой силы получили какое-то огромное, бесформенное и прожорливое чудовище, именуемое фронтом, с катастрофически распухнувшими штабами и тылами и с отсутствием правильной организации, порядка и системы снабжений; маленькие, но сильные духом, сплоченные идеей борьбы против красного ужаса офицерские организации потонули в море последующих формирований.

В отношении армии упущены все сроки, и сейчас вся надежда на то, что крупные успехи на фронте Деникина оттянут от нас красных и дадут нам время, чтобы реорганизовать армии, отфильтровать их от всего негодного и сделаться распорядителями не большой, но сильной, правильно организованной и хорошо снабженной армии с налаженной в тылу системой подготовки резервов и укомплектований.

Больше всего меня злит, когда начинают валить всю вину за неуспехи на фронте на плохое снабжение, на военное министерство и на искусство красных.

Я новый человек и в Омске, и в министерстве, и для меня совершенно одинаковы и Лебедев, и Степанов, и Сурин, и Леонов и пр. и пр. Но для меня зато ясно, что в неуспехе фронта виноваты те, которые позволяли армии распухнуть до 800 тысяч ртов при 70—80 тысячах штыков; те, которые допустили хищническое расходование наших бедных средств снабжения; те, которые по безграмотности и по честолюбию гнали армии от Урала к Волге, забыв о возможности красного контр-наступления и не учитывая усталости, раздетости, растрепанности армий; те, которые по честолюбию не сумели во-время оценить обстановку, созданную переходом красных в наступление, и продолжали це-

пляться за авоську, пожертвовав ради этого последними и неготовыми для боя резервами.

Как бы уверенно могли мы теперь смотреть на будущее, если бы в тылу расстроенных и катящихся на восток армий стояли достаточно подготовленные к бою и маневру резервы Каппеля и екатеринбургской группы, погубленные нашими горе-стратегами в судорожных потугах спасти заведомо безнадежное положение.

Винят Степанова в несвоевременной подготовке тыловых резервов, забывая, что главная подготовка производится в поле и что полевые занятия были невозможны в сибирские сорокаградусные морозы при отсутствии зимней одежды.

В тылу нам надо немедленно приступить к деловому, созидательному государственному строительству на началах широкого местного самоуправления, восстановить закон, восстановить исполнительные органы разрушенного государственного аппарата и твердой, чистой и полезной для населения работой привлечь на свою сторону здоровые и законопослушные элементы местного населения, найдя в нем ту опору, без которой невозможен окончательный успех нашего дела.

В этом нам нужна немедленная, благожелательная и чистая от всяких экивоков союзная помощь, и об этом надо громко и откровенно заявить. Надо, не боясь ничьих криков, упреков и обвинений, сказать, что нам нужна нейтральная и спокойная сила, чтобы поддержать законность и порядок в стране до того времени, пока мы создадим свои средства для этой цели; сейчас у нас таких средств нет, и в этом огромная трудность нашего положения; те случайные и импровизированные суррогаты, которые мы пытаемся для этого применять, только увеличивают разруху и заставляют население делаться большевиками или сочувствующими любому режиму, кроме нашего.

Все донесения разных усмирителей об умиротворениях, ликвидациях и покорности — все это на три четверти ложь и обман, иногда и невольный. Несомненно, что наружное спокойствие коегде и водворяется, но это спокойствие кладбища или придавленное молчание стиснутой ненависти, ждущей только благоприятного случая, чтобы опять развернуться.

Для меня ясно, что без союзной помощи нам уже не справиться с тылом, даже если нам и удастся выправить положение на фронте. Говорил по этому поводу с представителями союзни-

ков, с членами совета министров, с заправилами ставки и с самим адмиралом; доказывал, что мы не в состоянии своими силами охранить порядок, восстановить закон, успокоить страну и дать ей возможность жить нормальной и здоровой жизнью; но на меня смотрят как на злую каркающую ворону и не хотят вдуматься в тот горький опыт, который дал нам недавно законченный год правительственной и военной деятельности.

Я абсолютно против допуска союзных войск на фронт; наши счеты с красными мы сведем сами; союзная помощь нам нужна только в тылу, где мы бессильны справиться с гнездящимся там преступным элементом, с красным и белым большевизмом.

5 июля. На станции Тайга пересел в санитарный поезд № 200, возвращающийся с Дальнего Востока; с этим поездом следует в Омск владивостокская офицерская организация генерала Волкова, предназначенная как кадр для новых формирований. Узнал много невеселого про формирование единственной в Приморьи 9-й Сибирской дивизии, возложенное на генерала Кордюкова, совершенно выжившего из ума рамолисмена; говорят, что это нелепое назначение было сделано по протекции Флуга, в дивизии которого Кордюков командовал бригадой. Видно, ничто не в состоянии нас вразумить, раз мы в такие тяжкие времена продолжаем раздавать ответственные места по протекции и по личным симпатиям; немудрено, что благодаря этому вместо войсковых частей мы получаем гноилища для солдат и офицеров; безумно и преступно собирать в казармы еще не испорченную молодежь, где всеми деталями жизни и службы показывать все отрицательные стороны существующего режима в исполнении разного служилого хлама.

Вместо честности, примерного исполнения долга, заботливости об их нуждах и приверженности к закону солдаты видят физическую и нравственную грязь, лень, халатность, недобросовестность, разгул, а очень часто и казнокрадство и хищения.

Верхи дают пример несения службы спустя рукава, только изпод палки или ради отбытия постылого наряда; на занятия офицеры ходят неаккуратно, заботы о подчиненных никакой, снабжение поставлено отвратительно, кормят плохо, причем нередки случаи открытых злоупотреблений, хищений и взяток чинов хозяйственной части.

Как быстро забыты все горькие уроки 1917 года! А между тем на Дальнем Востоке можно было создать очень хорошие войсковые части, но только это дело надо было отдать в надежные, чистые и знающие руки; там имелась возможность подобрать хороший состав командиров полков и старших офицеров, которые могли бы наметить сразу надлежащий курс и восстановить старый сибирский esprit du corps.

Зажиточное крестьянство, мало тронутое большевизмом, могло дать достаточное для одной дивизии число хороших новобранцев.

Но когда все это дело попало в лапы песьих мух типа Хрещатицкого и Кордюкова, то уже этим оно было обречено на полный провал; при гнилых верхах бессильны были помочь такие старые офицеры, как Волков, Смирнов, Круковский, Шипунов, Тихобразов и другие.

Теперь, как никогда, необходимо, чтобы все начальники и офицеры были тем, что им указано в регламенте императора Петра Первого, т. е. «первыми солдатами в своей части», первыми не только по правам, но по исполнению всех воинских обязанностей. Авторитет и значение начальника держится на трех китах: доверии к нему подчиненных, уважении их и любви. Доверие основывается на профессиональных качествах и знаниях начальника, на уверенности подчиненных, что начальник отлично знает свое дело, всегда на чеку, всегда распорядится и всегда найдется и подчиненных выведет и в обиду и на поруху не даст. Уважение приобретается истовым, честным и высокодобросовестным исполнением своих обязанностей при всякой обстановке, не считаясь с личными тяготами, лишениями и опасностями; такое исполнение лучше, выше и действительнее всяких приказов и поучений.

Любовь приобретается заботами о подчиненных, удовлетворением их законных нужд, защитой их мелких интересов и сознанием подчиненных, что их нужды и дела для их начальника выше его собственных интересов.

Конечно, в полном осуществлении это недостижимые идеалы, но уже наличие частичного удовлетворения указанных условий связывает начальника и подчиненных невидимыми, но крепкими узами, делает часть прочной, устойчивой против всякой пропаганды и не разрушаемой случайными причинами.

Наш солдат очень не требователен, очень отзывчив на законное и заботливое — хотя бы и суровое по режиму — обращение, всегда его помнит и воздает за него сторицей; я это хорошо знаю по полкам 70-й пехотной дивизии.

6 июля. Слушаю рассказы Волкова про наши дальневосточные дела, и болит сердце старого амурца, отдавшего этому краю двадцать лучших лет своей жизни; как все безнадежно изгажено, и к каким печальным результатам привели нас увертливая и хлипкая дряблость Хорвата и держимордовы ухватки Иванова-Ринова, густо сдобренные семеновщиной, калмыковщиной, политиканством, спекуляциями, хищениями и всевозможными злоупотреблениями.

В целом ряде печальных очерков опять прошли передо мной фигуры увертливого, но бездейственного Хорвата, его чересчур «веселого» помощника Глухарева, из серых кардинальчиков, и мрачного властителя местной контр-разведки Арнольда, и целой кучи шкурников, бездельников и сомнительных авантюристов, присосавшихся к хорватовскому режиму.

Вновь пришлось слушать рассказы о зверствах калмыковских палачей, о тайнах даурских застенков и бронированных поездов, о злоупотреблениях с военными поставками, о раздаче чинами хорватовского антуража казенных и военных земель и о полном забытии долга.

Рассказали о том, как и какие порядки наводил Иванов-Ринов, которому предоставили полную свободу распоряжаться и подавлять крамолу, и как сделали большевистским весь Сучанский и Ольгинский районы.

Вот какие люди творят великое дело восстановления разрушенной государственной храмины! Говорят, что работа восстановления трудна; несомненно, это верно, но все дело в том, что работа эта требует сильных, чистых, способных на подвиг людей, а весь ужас в том, что таких людей мало; что они разбросаны; что они скромны и не способны лезть к власти, давя все на своем пути и не останавливаясь ни перед чем для удовлетворения своих жадных и грязных похотей.

Пожинаем плоды старого режима, всего уклада нашей жизни, нашей школы, нашей государственной и военной службы, который ненавидел сильных, самобытных, не ординарных и вдумчивых людей и безжалостно равнял их под общий ранжир, а при сопроти-

влении забивал в общий уровень палкой, либо давил и вырывал с корнем как опасные для государства плевелы.

В этом слепом истреблении всего сильного и здорового и положили начало нашему печальному настоящему; буйно сильного, сбившегося в сторону, все равно не истребили, и оно, вырвавшись теперь на свободу, чертит во-всю и на красной и на белой стороне; противодействовать же всему этому нечем, ибо нет тех сильных, которые возглавили бы, организовали и повели эту борьбу. Сеяли мелочь, ну и пожали такую же мелочь.

К власти полезло все честолюбивое, жадное, дерзкое и в сфере своих дерзаний сильное; полезло в огромном большинстве случаев не для дела и подвига, а для кормления и для упивания всеми благами власти и, добравшись до заветной цели, наслаждается и роскошествует во-всю, перескочив все границы и олицетворяя каждое в своем круге ведения знаменитое «l'état c'est moi».

За дерзкими и жадными смельчаками потянулись и те безликие мокрые толпы, которые привыкли жить службой или около нее и вне этой сферы не имеют возможности существования; большинство этих людей оголодало, многое пережило, многое потеряло, озлоблено, не верит уже никому и ничему, не верит в будущее, жадно завидует тем, кто добрался до жирных верхов и живет мечтами тоже когда-нибудь попасть в число избранных и тогда отплатить оставшимся внизу за все пережитое и вернуть с лихвой все потерянное. Пока же тянет осточертелую лямку, потому что за это платят; тянет куда хуже, чем делало прежде, ибо нажим требовательности как-то обмяк, да и настоящего контроля стало меньше.

Новая власть сосредоточилась к центру, где условия жизни сноснее и безопаснее, и для населения всего края — далека и бесполезна; импульс власти доходит до населения преимущественно в виде разных скорпионов: налогов, повинностей, реквизиций, экзекуций, мобилизаций и карательных отрядов, причем часть этих скорпионов обрушивается в самых грубых, разбойничьих формах, обусловливаемых качествами местных исполнителей.

Власть облеклась в старые и ветхие ризы, плетется по старой дорожке и бубнит старые, прокисшие и всем надоевшие слова. О том, что бурлит и клокочет в самой гуще населения, не думают; пока ведь не каплет; зачем тревожить себя неприятными вопро-

сами. В блаженном неведении некоторые небожители искренно уверены, что население так ненавидит большевиков, что готово покорно сносить все возлагаемые на него скорпионы и славословить избавителей.

Много говорят о том, что среди населения Сибири поднимается монархическое движение и что лозунг «давайте нам назад царя и урядника» становится все более и более популярным; это очень возможно, но только подкладка тут не идейная, а самая практическая: изнеможенное всякими перевертиями население, изверившись во всех видах новой власти и видя, что жизнь становится все хуже и невыносимее, вспомнило, что тогда жилось куда лучше, и жаждет этого старого как избавителя от всех прошедших по его шее и бокам экспериментаторов.

Колоссально велики и тяжелы задачи восстановления России; нужно много людей для творческой работы и притом людей иного класса, иных, чем прежде, служилых качеств. Мало видно таких людей, и я понимаю отчаяние верховного правителя, когда он кричит, что ему не на кого опереться.

7 июля. На всех больших станциях стоят и благоденствуют чешские эшелоны; устроились они отлично, поставив свои вагоны в лесах и рощах, на особо проложенных тупиках; все красиво убрано и разукрашено; кругом идеальная чистота; временами видно, как немецкие пленные в чистых передниках и колпаках готовят для своих бывших вассалов пищу в ослепительно опрятных и блистающих полированной медью кухнях.

Щеголевато одетые чехи, жирные и гладкие, важно гуляют по платформам. Обидно смотреть на наши новенькие вагоны в 3 000 пудов грузоподъемности, захваченные чехами под жилье; в вагонах выломаны стенки, сделаны окна и двери; временные хозяева с русским добром не церемонятся.

В Ново-николаевске к нашему поезду прицепили вагоны с маршевой ротой, из которой на перегоне до Татарской дезертировало 22 человека; недалеко уже до того, что было в последнее время на немецком фронте, когда маршевые роты приходили к нам в составе кадровых унтер-офицеров и списков поголовно бежавших по пути солдат.

Бессовестно отправлять на наш и без того жидкий фронт такие пополнения, воображая, что этим усиливают ряды частей; достаточно взглянуть на этих людей, чтобы видеть, что это не

солдаты, хотя бы и очень сырые, а просто деревенские парни, одетые в военную форму и недовольные (а частью и озлобленные), что их взяли из дому и теперь везут на какую-то войну.

Творится великая глупость в отправлении на фронт этой больной молодежи, не имеющей понятия о дисциплине и об обязанностях солдата. Я не раз говорил по этому поводу с новыми распорядителями организационного отдела ставки полковниками Антоновичем и Осиповым, которые отвечали, что вполне со мной согласны, но что Лебедев требует отправки пополнений во что бы то ни стало, и им приходится хватать и отправлять все, что только числится по отчетности под рубрикой маршевых рот и пополнений.

8 июля. Вернулся в Омск отдохнув и с новым рвением взялся за дело. Обрадован возможностью реального осуществления моего старого харбинского проекта о привлечении благонадежного городского населения к отбыванию караулов и мелких нарядов гарнизонной службы. Я уверен, что успешное осуществление этого проекта принесет серьезную помощь армии; прежде всего это снимет с войск удручающую их караульную службу и даст возможность начать планомерные строевые и полевые занятия; сейчас, напр., формируемые полки 11-й, 12-й и 13-й сибирских дивизий через день ходят в гарнизонный наряд, что лишает всякой возможности вести правильные занятия с людьми; затем караульная служба в таких размерах развращает молодые войска, так как солдаты слишком долго и часто находятся без надзора и, при отсутствии строгого контроля, несут караульную службу очень небрежно.

По надежности охраны обывательские команды будут много лучше воинских караулов современного состава. Затем чрезвычайно важно то обстоятельство, что, пройдя краткую воинскую подготовку, исполняя разные наряды, приучаясь активно работать в интересах сохранения государственного и общественного порядка, наша разрозненная обывательщина невольно сплотится, обратится постепенно в организованную силу, приучится владеть оружием, приучится действовать сообща.

Мой проект понравился местному командующему войсками генералу Матковскому, и он со свойственной ему бурной стремительностью принялся за его осуществление.

На фронте мы потеряли Пермь и Кунгур; началась экстренная эвакуация Екатеринбурга и Челябинска, т. е. то, что надо было сделать месяц тому назад. При спешном отходе мы потеряли и продолжаем терять огромные запасы разного снабжения, кем-то скопленные и маринуемые; свидетели уфимской эвакуации рассказывали мне, как негодовали войска, видя, как жгли запасы такого снабжения, которого они давно не видели и получить которое тщетно добивались.

Недавно я получил сведения о наличии только части армейских вещевых магазинов, и оказалось, что маринуемыми в них запасами белья можно было снабдить четыре дивизии полного состава.

Вина в поздней эвакуации ложится всецело на ставку и на штаб Сибирской армии, которые скрывали правду, ждали какого-то чуда и не озаботились своевременной эвакуацией. Я две недели тому назад приказал прекратить подвоз запасов в армейские магазины и приказал вывозить с баз то, что было в моем распоряжении; к сожалению, усиленный подвоз на фронт укомплектований и гонянье взад и вперед экстренных поездов не позволили сделать что-нибудь существенное по части массового вывоза.

Единственный светлый просвет на нашем мрачном небе в том, что Деникин все глубже и решительнее вгрызается вглубь большевистского фронта.

Полученные мной сведения о безобразиях, имевших место при уфимской эвакуации, подтверждены произведенным следствием; обнаруженные следствием виновные, в том числе четыре интенданта, предаются военно-полевому суду.

Не везет адмиралу по части ближайшего антуража; он взял к себе личным адъютантом ротмистра Князева, который дивит кутящий Омск своими пьяными безобразиями; много хуже это то, что этот гусь злоупотребляет своим положением и позволяет себе разные распоряжения именем адмирала.

9 июля. Идет стихийная эвакуация Урала; министерство путей сообщения, дорожное управление и все железнодорожники работают молодцами и справляются с самыми невероятными трудностями.

Все заказы обоза, походных кухонь, артиллерии, запасных частей, теплой одежды и обуви, размещенные на Урале, нами по-

теряны, а в тылу заказов дано очень мало, да и то больше за последнее время; весной все были упоены успехами, стремились за Волгу и не обеспечили себя от случайностей.

Приказал всемерно развить тыловое производство, причем, не надеясь на министерство снабжений, решил своевольничать и поручил своим начальникам главных управлений работать по этой части самостоятельно, за моей ответственностью...

Получил полные перечневые ведомости армейских магазинов; понадобились пять недель напряженной переписки, чтобы вытащить от армий эти сведения. Данные ведомостей показали, что в этих магазинах разбросано столько обмундирования и снаряжения, что им можно одеть все боевые части; по имеющимся же у меня негласным сведениям, в вагонных эшелонах некоторых начхозов кроются еще более крупные склады разного снабжения; повторяется то, что угнетало нашу армию в 90-х годах и против чего начал борьбу Драгомиров, т. е. безумное накопление имущества в складах при раздетых и оборванных солдатах.

Передал все эти данные ставке и Дитерихсу; долблю их просьбами повлиять на упорядочение снабжений, хотя понимаю, что при том хаосе, которых упрочился по этой части в армиях, и при той суматохе, которая внесена сейчас стремительным откатом на восток и стихийной эвакуацией, сейчас сделать что-нибудь серьезное уже поздно. Придется подождать, пока передышка на фронте позволит Дитерихсу заняться организационными реформами.

10 июля. Лебедев опять собрался на фронт; ему нет дела, что дорога перегружена эвакуацией и что, идя навстречу эвакуационному потоку на одноколейном участке, он приносит существенный вред ее успеху; для него составляли поезд, и его прислуге понравился вагон, занятый офицерами управления дежурного генерала ставки; немедленно комендант ставки приказал офицерам очистить вагон и искать себе помещения; в результате начальнические холуи сели в классный вагон, а ответственные работники ставки отправились искать себе приюта. Ругают старые порядки, а ведь при них такие мерзости были даже немыслимы.

Адмирал так и не может понять нелепости постоянных поездок своего наштаверха на фронт, где он никому и ни для чего

 *

не нужен, и где, кроме путаницы в распоряжениях и задержки в движении поездов, он ничего не делает.

Сейчас, например, прямо преступно лезть с своим поездом на фронт, когда от Екатеринбурга и Челябинска тянутся к Омску сплошные ленты эвакуируемых составов и эшелонов и движение навстречу им экстренного поезда остановит все движение. Но, очевидно, наш вундернаштаверх считает, что какая-то эвакуация это пара пустяков сравнительно с чудодейственным влиянием его появления в штабе какой-нибудь армии.

Был с докладом у адмирала; наконец-то он на цифрах и непреложных документах убедился, что все, что я ему докладывал о хаотичности снабжения в армиях и о расхищениях посылаемых туда запасов, было правдой.

Перед его последней поездкой на фронт я дал ему все необходимые материалы и указания, что и где проверить; он кое-что проверил сам, остальное поручил проверить, вернулся очень удрученный и сегодня просил составить ему схему того, что надо сделать для срочного устранения всех недостатков.

В ставке говорят, что решено создать Уральский фронт из 4 армий и назначить главнокомандующим генерала Дитерихса, которому пока подчинены только Сибирская и Западная армии. Но тогда надо упразднить современную ставку, обратив ее в то, чем она была в большую войну в первое время, когда верховным главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич.

Ставка должна быть маленькой, но заниматься большими делами; фронт надо предоставить главнокомандующему, а тыл военному министру. Ставка, помимо общей стратегии, должна делать большую политику и ставить ей определенные задачи, не допуская засилия таких дипломатических младенцев, как Иван Иванович Сукин (под ставкой разумею, конечно, настоящую ставку, а не уродливую лавочку стратегического младенца Лебедева).

Я совершенно не знаю Дитерихса; командуя чешскими войсками, он совершенно отрекся от звания русского генерала и вел себя как чех, а не как русский; но у него достаточный служебный стаж; он достаточно поболтался на теперешнем фронте и знает главные там персонажи, их достоинства и недостатки; кроме того, он понимает, что нельзя вести войну при той кашеобразной организации, в которой находится сейчас фронт, и с тем хаосом,

в котором состоят тыл и система довольствия и снабжения; говорят, что он сторонник решительных и коренных реформ.

Ставка в судорожных попытках изменить положение фронта хватает все, что осталось из подобия войсковых частей в тылу, и бросает это вперед; при этом обнажаются очень беспокойные и опасные районы, что может окончиться очень печально. Как ни сыры остающиеся в тыловых округах части, но они кое-как охраняют порядок; с их уводом можно получить в тылах такие пожары, которые могут спалить и самый Омск...

12 июля. Фронт совершенно развалился; многие части перестали исполнять приказания и без всякого боя, не видя по нескольку дней противника, уходят на восток, обирая население, отнимая у него лошадей, подводы и фураж.

Хаотическая система снабжений, неспособная справиться с этим делом при стоянии на месте, лопнула как мыльный пузырь, как только начался ускоренный отход; весь плохонький аппарат сразу развалился; его составные части и хозяйственные учреждения ошалело бросились на восток, спасая свои семьи и бебехи и забыв про свои части и про свои обязанности.

Немудрено, что брошенные части стали продовольствоваться местными средствами со всеми эксцессами и уродливостями, неизбежными в плохо сколоченных, мало дисциплинированных и распущенных воинских частях.

Наладить все это дело сейчас безумно трудно и, быть может, едва ли даже возможно; все, что было годного в старом аппарате, рассыпалось и неизвестно даже, где находится; кроме того, нет опытных в этом деле людей, нет свободных запасов, транспорт и железные дороги обращены в смятку.

13 июля. Самые благие проекты разбиваются о нашу лень и косность; несколько времени тому назад, в ответ на жалобы министра народного просвещения на занятие штабами и войсками всех зданий гимназий, училищ и школ, я предложил ему дать в распоряжение его министерства деньги, материалы и наряды на вагоны с тем, чтобы оно своим распоряжением построило бараки, равные по площади занятым нами помещениям, использовав для наблюдения за работами многочисленный контингент разных директоров, инспекторов, учителей, техников и пр., состоящих при министерстве на положении беженцев и ничего не делающих.

Я гарантировал, что когда бараки будут готовы, то мы пере-

ведем в них свои учреждения, а школьные здания вернем министерству.

Мое предложение приняли с шумной радостью, прислали ко мне депутацию родителей благодарить, но когда я вчера послал посмотреть, что сделано для исполнения, то оказалось, что пока занимаются одной болтовней и ничего реального до сих пор не сделано.

Идет стремительная эвакуация Урала; Омск, несмотря на самые грозные воспрещения, переполнен уральскими беженцами, которые своими паническими рассказами значительно ухудшают и без того скверное настроение перепуганного населения; особенно панические сплетни расползаются из союзных миссий (французской par excellence) и из канцелярии совета министров, при которой болтается порядочная стайка разных балбесов.

Вот где хорошее поле деятельности для дельной и здоровой контр-разведки; ей очень нетрудно поймать с поличным парочку-другую высокопоставленных сплетников для наказания их примерным образом, так как распространяемая этим путем ерунда очень вредно отражается на общем настроении. Немало сплетен выходит и из министерства иностранных дел, где приписано несколько флиртующих дам, девиц и молодых людей, занимающихся в рабочие часы dance'ами, а затем шушуканием и сплетнями.

Вся эта шушера жаждет показать важность и доверенность своего при-положения, всеми кончиками своих юрких ушей ловит проходящие мимо обрывки фраз, выуживает из переписки наиболее благодарный для распространения материал, обрабатывает все это в своей фантазии и затем таинственно, конфиденциально, под великим секретом растаскивает по городу на хвостах своих юбок и на фалдочках пиджаков и френчей.

Рассказывают, что атаман Уральского войска, истощив все средства борьбы со сплетней и ее распространителями, отдал распоряжение о применении к уличенным в распространении ложных слухов публичного телесного наказания и что после первых случаев его применения сплетники онемели или поспешили уехать из столь неприятных мест.

Успеху сплетни немало способствует то, что ставка и ее осведомительные органы упрямо и упорно гримируют правду, не понимая, очевидно, что не может быть ничего глупее и вреднее

такой страусовой политики. Говорил по этому вопросу с Бурлиным, который оказался со мной согласным, но бессильным помочь.

Вся атмосфера нашего осведомления пропитана неискренностью, фальшью, ходулями, желанием все замазать и представить в розовом свете; все многочисленные органы осведомления: огромное осведомительное управление ставки, несколько комитетов и отделов, платные РТА и газеты полны тем же духом и восприяли худшие стороны старой казенной и купленной печати с ее привычками славословить власть, покрывать ошибки, прятать правду и пр. и пр.

Этим думают поднять настроение. Какое вредное и опасное заблуждение! . .

Несмотря на работу целой кучи осведомительных, замазывательных и обелительных органов, нашим официальным сообщениям никто не верит, и поэтому нет ничего мудреного, что встревоженный совершающимися событиями обыватель пытается найти правду на стороне и делается легкой жертвой сплетников и фабрикаторов новостей и сенсаций.

Отлично работают железные дороги, исполняя в самой трудной обстановке грандиозную задачу импровизированной эвакуации Урала; какое счастье было бы, если бы и остальные отделы государственного и военного аппарата работали так же умело и старательно.

В сфере адмиральского антуража родилась совершенно нелепая мысль создать верховного санитарного начальника по типу знаменитого Сумбур-паши принца Ольденбургского, причем на эту должность выдвигают только что приехавшего из Америки контр-адмирала Рихтера. Повидимому, здесь не без участия разных благотворительных и милосердных дам, занявшихся помощью раненым и недовольных существующими у нас санитарными порядками.

Действительно, санитарная часть поставлена у нас очень плохо, а кое-где и кое в чем даже ниже всякой критики; ее недостатки и вопиющие прорехи бросаются всем в глаза, вызывают массу разговоров, негодований и, к сожалению, делаются материалом для честолюбивых крикунов и любителей размазывать ошибки и недостатки всякой правительственной работы.

Все это усилилось и стало особенно острым за последнее

время, когда неожиданная и катастрофическая эвакуация фронтового тыла выбросила к нам десятки тысяч раненых и тифознобольных, причем омский район оказался совершенно неготовым для их принятия.

Но зло стали искать не там, где следовало, стали все валить на систему и забыли об ее исполнителях — людях. Это коренная ошибка омских верхов: их неопытность, неуменье разбираться в фактах, событиях, причинах и следствиях во-время заставляет их искать объяснения разных неудач в недостатках систем и организаций и совершенно упускать из вида людей, их незнание, их неопытность, лень, небрежность, недобросовестность, потерю служебной работоспособности, ослабление контроля и пр. и пр. Все время повторяется крыловская басня о мартышке и очках.

Надо прежде всего подтянуть людей и решительными мерами поднять уровень добросовестности в исполнении обязанностей, а вместо этого ищут исцеления в надстройке еще одного этажа к громоздкой, скрипящей и плохо работающей системе.

Централизация сейчас чрезвычайно вредна, ибо берет от живого дела и без того малочисленных работников, вносит новые скрипучие этапы в медленно оборачивающийся механизм.

Дело помощи больным и раненым было всегда трудно, и мы это видели в прошлую войну, при напряжении всех средств страны и при весьма благоприятной обстановке. Что же можно требовать теперь, при нашем нищенстве и общей разрухе?

Достаточно посмотреть десяток разных госпиталей и несколько санитарных поездов для того, чтобы убедиться, что очень многое зависит от людей, а не от системы: там, где во главе санитарного учреждения стоят дельные, энергичные и добросовестные лица, там и чистота и порядок, и рваное, но чистое белье, и приличная пища, и хороший уход; там же, где врачи заняты частной практикой, больны ленью и недобросовестностью, или, как в некоторых санитарных поездах, увлечены торговлей, провозом контрабанды и спекуляцией, — там грязь, беспорядок и мерзость.

Наши медицинские средства очень бедны; мы не в состоянии дать госпиталям некоторых медикаментов и приборов, но мы всегда в состоянии дать больным и раненым то, что зависит от людей, то-есть работу, хороший уход, чистоту помещений, приличную пищу; для этого нужно, чтобы старшее начальство ду-

мало об этом и «беспокоилось», а подчиненные честно и добросовестно несли свои обязанности, как бы ни тяжела была обстановка.

Несомненно, что все это безумно трудно, так как никто не хочет итти на тяжелую и грязную работу санитаров и госпитальной прислуги; много дам болтают языком и любят наряжаться в эффектные костюмы сестер милосердия, а в госпиталях $^{3}/_{4}$ вакансий сестер не заняты, и двум приходится работать за десятерых. Вопиют о недостатке белья, а когда объявили сбор белья, то вся Сибирь дала несколько десятков тысяч комплектов, преимущественно рванья, рассыпавшегося при первой мойке.

Нужно устранить эти существенные мелкие недочеты, а не искать какой-то панацеи в лице нового санитарного диктатора, который выпустит несколько приказов, которых никто не исполнит, и разведет новую отчетность и переписку. Ведь никакой диктатор не родит недостающих докторов и фельдшеров, не создаст добросовестных санитаров и не уговорит критикующих дам поступить санитарками, прибирать комнаты, мыть полы, чинить белье и исполнять всю мелкую, но существенно важную для больных работу.

Все валят на систему, закрывая глаза на то, что сами возглавили санитарно-эвакуационное управление полковником Дурново, бывшим предводителем дворянства, очень благовоспитанным и порядочным человеком, но полным профаном в этом специальном деле, чуждым всякой практической деятельности. Он очень добросовестно ведет все делопроизводство, сообщает статистику, отдает распоряжения, но бессилен встряхнуть санитарный отряд, провести мелкие организационные реформы и устранить разъедающие санитарное устройство и службу дефекты.

Нам не под силу тягаться с больницами американского Красного Креста и с санитарными поездами чехо-славаков, но мы можем и обязаны добиться, чтобы в лечебных заведениях было чисто; чтобы у больных были койки и чистое белье; чтобы больных кормили и чтобы за ними был надлежащий санитарный и медицинский уход.

Чтобы встряхнуть госпиталя, следует восстановить институт добровольных инспекторов военноврачебных заведений, созданный принцем Ольденбургским в 1915 году, привлекший на эту добровольную и бесплатную службу многих общественных деяте-

лей и отставных военных и сыгравший серьезную роль в деле упорядочения санитарного состояния наших тыловых госпиталей.

Абсурдность проекта усугубляется предназначением на должность нового санитарного диктатора моряка, ничего не понимающего в санитарном деле и не знающего ни наших условий, ни наших сухопутных законов. Говорят, что он когда-то очень отличился тем, что, не считаясь с решением адмиралтейств-совета, заказал для своего отряда какие-то каски и за это приобрел репутацию очень решительного человека; на мелком горизонте нашего морского ведомства нужно очень немного, чтобы и без драки попасть в большие забияки.

Адмирал спрашивал, не соглашусь ли я принять назначение на Дальний Восток, на что я ответил, что при наличии атаманов мое назначение будет совершенно бесцельным, так как первым моим шагом будет попытка свернуть им головы, чего мне не позволят сделать японцы, так что, кроме лишнего конфликта и нового осложнения атаманской саркомы, ничего не получится.

14 июля. Челябинск, совершенно неожиданно, попал в угрожаемое положение; еще третьего дня генерал-квартирмейстер ставки на мой вопрос о безопасности Челябинского узла ответил гарантией этой безопасности на полторы-две недели, а сегодня все резко изменилось.

У Кыштымского завода случилась какая-то неустойка, и остатки Западной армии сразу откатились к Челябинску, обнажив последнее железнодорожное сообщение с южной армией генерала Белова. Я еще две недели тому назад отправил этой армии несколько поездов со снабжением и теплой одеждой, но боюсь, что хозяйничающее на железной дороге Челябинск — Омск управление военных сообщений Западной армии могло их где-нибудь задержать.

Узнал по секрету, что Лебедев вырвал у адмирала согласие передвинуть поближе к фронту резервные дивизии Омского военного округа под предлогом того, что там они будут свободны от караулов и скорее окончат полевую подготовку; говорят, что дивизии отправлены под гарантией честного слова, что они не будут пущены в бой ранее середины или конца августа. Сейчас идет спешное снабжение этих совершенно неготовых для боя дивизий обозом, пулеметами, средствами связи.

Гайда с особым поездом отбыл в заграничный отпуск, получив

от адмирала 70 000 франков золотом. Его хотели отправить обычным пассажиром экспресса, но он заартачился; создался целый конфликт, в который вмешался Дутов, и в конце концов Омск скис и разрешил Гайде ехать своим поездом и со своим конвоем. Злые языки говорят, что вся собака зарыта в том, что вагоны Гайды нафаршированы золотом, платиной и уральско-сибирскими сувенирами, которые невозможно и небезопасно везти прямо в экспрессе, да еще и с проездом мимо Семенова, у которого насчет мимо идущих ценностей особый нюх для учуяния и станция Даурия для освобождения владельцев от этих ценностей.

Знающие Гайду говорят, что он не простит адмиралу своей отставки и что адмирал делает большую ошибку, разрешив ему ехать через всю Сибирь вольным человеком.

Заходил ко мне С. И. Колокольников; он хорошо понимает всю грозность слагающейся обстановки и на фронте, и в Омске, и в тылу и передал, что решено послать к адмиралу бывшего государственного контролера Феодосьева, связанного с адмиралом личной дружбой, с тем, чтобы он раскрыл верховному правителю глаза на все происходящее в ставке, в правительстве, в стране и в армии; считают необходимым этим путем попытаться сломить засилье той камарильи, которая пленила адмирала, скрывает от него правду и ведет не то узкопартийную, не то широкоэгоистическую политику.

Колокольников думает, что после ноябрьского переворота у адмирала остались какие-то обязательства перед Вологодским, Михайловым, Лебедевым и Петровым, и в этом их сила.

Поразительно, до чего в Омске повторяется в миниатюре Царское Село: та же слепота вверху, та же непроницаемая стенка кругом, застилающая свет и правду, обделывающая свои делишки... Неужели же будут и те же результаты?

Вечером заседание совета министров с участием адмирала; разбирался очень серьезный вопрос о разгрузке Омска от излишних учреждений. Обстановка на фронте приближает Омск к району боевых действий, делает его тыловым для фронта городом, и очистка его от всех небоевых учреждений является неотложным вопросом. При обсуждении вопроса только я и генерал Матковский стояли за немедленную эвакуацию Омска и за переезд правительства на восток...

Но мы остались одиноки; здесь почему-то прочно укоренилась

мысль, что правительство должно сидеть в Омске, что бы ни случилось на фронте, и что переезд из Омска равносилен признанию своей гибели; очевидно, тут играют огромную роль специфически омские интересы, боящиеся упустить правительство из-под своего влияния и лишиться всех выгод, связанных с состоянием на положении временной столицы. Все это узкий эгоизм омского курятника, уже сделавший то, что всероссийская по названию власть сделалась управлением омского градоначальства.

Адмирал приехал угрюмый, но настроенный в пользу эвакуации; его сразу поймали на его любимом коньке — боязни быть заподозренным в уклонении от опасности и в каких-либо себялюбивых побуждениях. Затем полились уверения, что раз правительство тронется из Омска, оно уже не существует.

После длительных разговоров остановились на половинчатом решении назначить комиссию по эвакуации, назвав ее комиссией по разгрузке Омска (слово эвакуация признано опасным и паническим).

Спорить было бесцельно; я пролаял только свое принципиальное несогласие с комиссионным решением столь серьезных дел.

Вернулся домой злым, как чорт. Ну, разве это правительство! Разве можно считать правительством эту кучку присосавшихся к Омску второразрядных обывателей, уверенную и уверяющую, что существование государственной власти может зависеть от географического или звукового названия; хотя бы вспомнили слова Лира о короле, короле всегда и везде, короле от головы до ног (в виду монархической опасности с транскрипцией на демократический тон).

Раз Урал потерян, место центральной власти не Омск, а Иркутск, на границе восточной и западной Сибири, подальше от фронтовых переживаний. Прежде это затруднялось соединением в лице адмирала постов верховного правителя и верховного главнокомандующего; теперь, с образованием фронта и с передачей фактического командования Дитерихсу, ничто не препятствует отвести ставку (выжав ее сначала на 40%) на любое расстояние от фронта.

15 июля. Не дожидаясь никаких комиссий, вызвал начальников главных управлений и приказал начать эвакуацию из Омска главных складов, распределив их по эшелонам между

Ново-николаевском и Красноярском; все же идущие с востока приказал останавливать в Иркутске и срочно развернуть все иркутские склады.

Я не верю, что фронт может окрепнуть, а тогда через 3 — 3½ месяца Омск станет театром военных действий; нам надо уходить на восток, не считаясь с потерею территории и имея задачей выиграть время до зимы, когда крупные операции прекратятся и мы получим передышку, чтобы собрать свои остатки, сорганизоваться и быть готовыми к весне начать новую планомерную кампанию.

На докладе у мрачного и расстроенного адмирала попробовал заговорить с ним о необходимости коренных реформ в управлении, но он посмотрел на меня пустым взглядом и, как будто не слыша, перешел на какое-то судное дело и стал громить главного военного прокурора за его постоянные напоминания о нарушении ставкой закона в деле организации фронтовых судов.

Одновременно разносился и я как докладчик и прямой начальник прокурора. . .

Вообще приходится притти к заключению, что изменить курс и спасти положение можно только путем переворота, но для этого нет людей и нет реальной силы. Приходится, закрыв глаза, плыть с тем бурным и грязным потоком, который несет нас в темное и мрачное будущее.

Деятельность, или, лучше сказать, сумбурная бездеятельность союзников изумительна; временами они самым бесцеремонным образом мешаются в разные мелочи нашего внутреннего распорядка; временами же глухи и слепы по отношению к коренным вопросам нашего возрождения; при массе разных агентов и при трате больших денег на разведку, союзники не могут не быть осведомлены в современном положении нашего гражданского и военного управления; им не может быть безразлично, что делается на наших верхах, раз они оказывают нам материальную помощь (за исключением, конечно, той версии, если все делается для развала великой России). Нокс горячий сторонник оказания нам помощи, а между тем он не стесняется высказывать свое неодобрение по поводу многого, что у нас совершается; непонятно, почему он не настаивает перед своим правительством, чтобы нам были преподаны «дружеские советы», с полным соблюдением всех дипломатических тонкостей (поскольку это нужно при том

обращении, которое мы видим со стороны союзников, когда они чувствуют себя опекунами и с нами совершенно не церемонятся).

С точки зрения здравого смысла, глупо помогать тем, кого считают неспособным употребить даваемые им средства производительно и с пользой для себя; строят какие-то фигли-мигли с вопросом о признании, временами не в меру деликатничают, а временами держат в самом персидском положении...

16 июля. Разговаривал с полковником Зубковским, только что прибывшим с фронта; по его мнению, положение совсем скверное; огромная часть личного состава прямо не хочет воевать, не хочет рисковать жизнью и терпеть разные невзгоды и лишения; набранные наспех уральские пополнения во время отхода армий разошлись по домам, унеся с собой все снабжение, частью и винтовки. В частях остались штабы, офицеры и очень немного солдат, преимущественно из стариков и из тех, кому некуда уйти. Вся эта редкая паутина ползет на восток, не оказывая уже никакого сопротивления; отходят на забираемых у населения подводах, что и объясняет быстроту отката. Красные ведут преследование тоже на подводах.

Происшедшее с нашими дутыми армиями характеризуется тем, что в Сибирской осталось около 6 тысяч штыков, а еще в июне эта армия требовала денег и снабжения на триста пятьдесят тысяч человек.

Все отправленное за последние два месяца на фронт снаряжение, снабжение и вооружение погибло и перешло в руки красных.

Какой великий грех лежит на нашем наштаверхе и его помощниках, которые истерически-шало, ради честолюбия и шумихи вышвырнули на разлагающийся и уже безнадежный фронт наши последние резервы.

Особенно тяжела потеря с великим трудом добытых и доставленных на фронт винтовок; штабы армии слали нам ультиматумы, требуя винтовок для десятков тысяч «готовых и рвущихся в бой пополнений», — и все это погибло.

Честолюбивые мальчишки, облеченные в генеральскую форму и ведавшие подготовкой резервов, бессовестно лгали, когда доносили об их готовности и обманывали ничего не понимающего в этом деле адмирала.

То заключение, которое я вынес на екатеринбургском смотру

ударных частей Сибирской армии, оказалось вполне верным; эти отлично парадировавшие части разбежались при первом же столкновении с красными и почти сразу же прекратили свое существование.

В ставке говорят, что Семенов очень обижен предстоящим назначением Розанова, так как единственным заместителем Хорвата должен быть он, Семенов, великий борец против большевизма и глава всего дальневосточного казачества.

Семеновская кандидатура усиленно мусируется Хрещатицким и Ивановым-Риновым, которые оба мечтали заместить Хорвата, но, потеряв эту надежду, стали поддерживать Семенова.

Будь Семенов способен на эволюцию и если бы его было возможно надежно отскоблить от всей прилипшей к нему нечисти, то, быть может, его назначение было бы приемлемо; сколько чучел, болванов и нечистоплотных субъектов сидело и сидит на высоких и очень высоких постах; можно было подпереть надежными помощниками и это атаманское чучело; но, к сожалению, нет никакой надежды на то, что его можно отделить от тех квалифицированных бандитов, которые им овладели и от которых ему уже не освободиться; вся эта шайка тесно переплелась с японскими друзьями и советниками и сильна их заступничеством так же, как сам атаман.

Вечером заседание государственного экономического совещания с приглашением на него всех министров...

Министр снабжения провалился самым позорным образом; вместо того, чтобы сослаться на неподготовленность к немедленному и документальному ответу на запрос о состоянии снабжения армии, он вылез на кафедру и очень развязно начал рисовать совещанию самые оптимистические и розовые картины полного благополучия (он экстраоптимист и верит всему, что ему докладывается).

Члены совещания, достаточно хорошо осведомленные о действительном положении снабжения армии, сразу же уличили прыткого оратора в целом ряде ошибок, неточностей, неверностей и несогласованностей его доклада и выразили полное недоумение по поводу сделанного им министерского сообщения.

Совещание единогласно постановило присоединиться к такому заключению выступивших членов и просить военного министра в следующее заседание сообщить совещанию действительное поло-

жение дела снабжения и предполагаемые меры по его улучшению...

17 июля. К текущей работе прибавилась необходимость приготовиться к предстоящему докладу о снабжении армии.

Присутствуя на очередном оперативном докладе о положении фронта, был изумлен профессиональной безграмотностью нашего наштаверха, который своим надменным, не допускающим возражения тоном требовал от Касаткина, чтобы ленты эвакуируемых поездов шли безостановочно, забыв, а, может быть, и не зная, что пропускная способность перегонов зависит от водоснабжения станций, и что без воды паровозы ходить не в состоянии, даже если им это повелевает сам громоносный омский наштаверх.

Сегодня он опять мчится на фронт навстречу сплошному потоку поездов...

18 июля. Наштаверх умчался на фронт, предоставив Бурлину тащить неуклюжую и скрипучую колымагу ставочной черной работы и распутывать все омские узлы и узелки.

Матковский очень озабочен вытяжкой на фронт его дивизий, которые только что начали курсы стрельбы и тактические ученья; он боится, что какая-нибудь авантюра затянет их на фронт и они пропадут так же, как и дивизия Каппеля.

Приходил генерал Такаянаги поговорить о способах и размерах потребной нам материальной помощи, причем в разговоре употребил фразу: «Вы все просите и просите»... (в смысле клянчить). Я резко его оборвал и просил усвоить и помнить, что мы не выпрашиваем, а договариваемся и за все взятое платим или выдаем прочные обязательства.

Японец засюсюкал и извинился за неудачное выражение, сославшись на плохое знание языка. Дал ему все сведения; не помню, который уже раз я даю эти сведения разным представителям разных миссий, но осуществление продолжает топтаться в области разговоров и обещаний. Получаем только то, что направлено к нам по старому решению Англии и Франции...

19 июля. Голова идет кругом от работы; эвакуация перемешала все тылы; все многочисленные штабы и управления утекают на восток, потеряв связь со своими частями, и последние, особенно по части довольствия, брошены на произвол судьбы. Бывшая система снабжений (если только ее можно назвать этим именем) рухнула, всякий оборот запасов прекратился, и войска

перешли на существование за счет местных средств, причем во многих случаях происходит самый бесцеремонный грабеж.

На нашу невыгоду, красноармейцам на фронте отдан строжайший приказ не трогать населения и за все взятое платить по установленной таксе. Адмирал несколько раз отдавал такие же приказы и распоряжения, но у нас все это остается писаной бумагой и кимвалом бряцающим, а у красных подкрепляется немедленным расстрелом виновных...

20 и ю л я. Следствием фронтовой катастрофы явилась начавшаяся в Омске обывательская паника, да еще по первому разряду; шкурники и спекулянты побелели от страха и удирают на восток; билеты на экспрессы продаются с премией в 15—18 тысяч рублей за билет. Уговаривал Устругова поднять цены на экспресс в десять раз; бегунцы будут платить, не поморщившись, и это будет самым справедливым налогом за наживу и трусость. Но мы слишком деликатны для таких чрезвычайностей; а жаль, ибо по сезону должна быть и музыка...

21 и ю л я. Невольно впутался в дела, связанные с эвакуацией и находящиеся вне круга моего ведения; именем верховного правителя отдал ряд необходимейших распоряжений; пришлось это сделать ради общей пользы, так как другие инстанции отказались что-либо начинать, боясь ответственности, после чего целый ряд лиц бросился к тому, кого они по старым понятиям считают распорядителем по военному ведомству, т. е. военному министру (на самом деле теперь совсем кургузому на манер второразрядного каптенармуса).

Я счел невозможным разъяснять им наши реформы и на этом основании отказать им в помощи, нанеся этим новый ущерб нашему жидкому и без того авторитету, а поэтому и отдал именем верховного те распоряжения, которые властно вызывались обстановкой, уведомив об этом ставку и министра внутренних дел.

Вечером делал доклад государственному экономическому совещанию; изложил все причины, вызвавшие плохое снабжение армии, — материальные и организационные; не скрыл наших коренных недочетов; указал, какие меры приняты к устранению недостатков и какие надежды на будущее.

Приходилось быть очень осторожным, чтобы не утопить окончательно Неклютина, о чем особенно просил председатель совета

министров. Слушали напряженно, внимательно и, повидимому, поняли.

22 июля. Министерство путей сообщения получает с фронта очень печальные сведения о безобразиях и произволе, учиняемых при эвакуации разными начальствующими атаманчиками и привилегированными тыловыми частями и организациями; все это очень осложняет тяжелую работу по эвакуации и нервирует служащих, находящихся à la merci отходящих частей.

Много нареканий на отходящий личный состав Камской речной флотилии, считающей себя частью исключительно высокого положения; мы это уже испытали достаточно, когда эта весьма экзотическая и ничего не сделавшая организация забирала у нас все изготовляемые на Мотовилихе орудия, забирала уголь, нефть, смазочные масла и отобрала все лучшие пароходы и баржи, лишив возможности устроить водную связь между Пермским и Уфимским районами.

Теперь комендант Тюмени доносит, что начальство Камской флотилии по прибытии в Тюмень забрало, презрев все его протесты, все пароходы, приготовленные для экстренной эвакуации огромных тюменских складов, нагрузило на них свои команды и поплыло по р. Оби, уничтожив все наши расчеты и сделав вывоз имущества невозможным.

Вечером в совете министров представитель ставки доложил проект положения о верховном начальнике санитарно-эвакуационной части, предварив, что проект одобрен верховным правителем и его надо утвердить. Положение вышло довольно нелепое, так как докладчиком по военным вопросам являюсь я, но, очевидно, это было обойдено, так как ставка знает мое ультра-отрицательное отношение к этому нелепому проекту.

Все молчали, но я выступил и рельефно доказал всю нелепость вносимого проекта; подчеркнул, что зло кроется не в недостатках системы, а в недостатках исполнителей, и что этого не устранить новой и сугубой централизацией власти и созданием нового диктатора.

Доклад мой был настолько убедителен, что, несмотря на все предварения, совет министров высказался против проекта. Воображаю, как будет злиться завтра ставка и те ее круги, которые ради самоустройства и самовозвеличения родили эту нелепость. Мне было очень неловко выступать в совете против того ве-

домства, представителем которого я там являюсь, но меня к тому принудили.

Приехал знатный иностранец и очередной кандидат в опекуны и американские дядюшки, Моррис; американофильствующий Иван Иванович Сукин уверяет, что Соединенные штаты решили нас облагодетельствовать всем, что нам нужно для снабжения армии, и дадут все в кредит, с записью в общий счет нашего долга. Хочется, чтобы скорее все это приняло определенные формы или окончательно провалилось; вот уже два месяца, как я присутствую при этой канители и пока вижу и слышу одни только разговоры, пожелания, обещания, расспросы, ощупывания, анализы на демократичность.

Предпочел бы вместо этого точно знать о состоявшейся отправке хотя бы одного парохода и о находящемся на нем грузе.

23 июля. В работе тыловых округов царит полная каша; сумбурная и несвоевременная реорганизация военного управления разрушила весь привычный аппарат, ввела непонятные для большинства исполнителей новшества и все смяла.

В ставке происходит что-то таинственное; оперативные доклады временно прекращены; говорят, что Лебедев назначен временным командующим Западной и Южной армиями с оставлением наштаверхом и с изъятием Западной армии из подчинения Дитерихсу. Пытался узнать, для чего сие все делается; ответили, что для удобства эвакуации. Ничего не понимаю; особенно непонятно это гастрольное главнокомандование Лебедева.

В тылу разрастаются восстания; так как их районы отмечаются по 40-верстной карте красными точками, то постепенное их расползание начинает походить на быстро прогрессирующую сыпную болезнь. Какой толк нам в стоянии вдоль линии разных союзников, когда весь организм охватывается постепенно этой красной сыпью!

24 июля. Таинственность ставки усугубилась; на все вопросы получаю загадочный ответ, что вскоре все разрешится и что произойдут очень крупные события, которые круто изменят все положение. Даже мой всезнающий правитель канцелярии спасовал и тоже ничего не знает.

Весь день проболтался в двух комиссиях и одном совещании; если куда и еду как не на бесцельное потенье, то это только в заседания под председательством Устругова, который привлекает

своей деловитостью, отзывчивостью на все смелое и здоровое и своим уменьем вести деловые заседания; большинство других совещаний одна болтология, или, как говорили у нас в корпусе, «элементарная брехология».

Вечером заседание государственного экономического совещания; заседание довольно неприятное, с атмосферой желания известной части совещания поднять скандал в пику правительству. Один из членов совещания поехал на фронт ознакомиться с состоянием санитарной части и прогастролировал там несколько дней; там ему поплакали в жилет, нарисовали картины ужаснее очень скверной на самом деле действительности, сгустили краски во-всю, ругали всячески тыл и валили на него все беды и несчастия.

Гастролер сам многого не видел; в санитарном деле и организации ничего не понимает; оценить обстановку катастрофической эвакуации не в состоянии, но, как гастролирующая губка, нуждающаяся в обильном и по возможности сенсационном и доказывающем прозорливость самой губки материале, с радостью собрал все ему преподносимое, придал всему 100% вероятия, привез, разукрасил и с перцем и ацетом поднес совещанию как кричащий обвинительный акт — и действительно создал сенсацию.

Разобраться в материале было некому и некогда, и, очевидно, совещание потеряло спокойствие первых дней и решило взбодрить правительство, — скверное предзнаменование для будущей работы.

Содержание доклада настолько путано и тенденциозно, что я как представитель ведомства просил председателя отложить прения, дабы можно было подготовить документальные данные, а не витать в тумане фраз и голословных обвинений; бессмысленно терять несколько заседаний на размазывание туманных подробностей и на пустопорожние словоизвержения. Мы знаем все наши грехи и скрывать их не собираемся; мы знаем, что по санитарной части плохо, и сознаем, что многое из очень скверного пока еще неустранимо, но решили и сумеем устранить то, что в наших средствах и силах. Нельзя судить о действительном состоянии санитарной части по тому, что происходит при массовой эвакуации; мы знаем, что такое массовая эвакуация раненых по опыту осенних варшавских боев 1914 года, когда десятки тысяч раненых лежали на улицах, и только помощь жителей и общая очень благо-

приятная обстановка (и по транспорту, и по наличию личного состава и всех средств помощи) предотвратили катастрофу.

Сейчас едва ли время раскапывать старые гноища и собирать материал для уязвлений, обвинений и попреков; напротив, надо всю энергию и все дружные усилия направить на созидание и улучшения.

Совещание согласилось с моими доводами и отложило прения.

25 июля. Только сегодня узнал в ставке, что Лебедев при сотрудничестве Сахарова вырвал у адмирала согласие на какую-то сложную наступательную операцию в районе Челябинска, обещая совершенно ликвидировать красных; в эту операцию вовлечены все три дивизии, вытащенные в последнее время из Омского округа, т. е. последние наши резервы, и притом для боя совершенно неготовые.

Очевидно, что вся эта операция задумана уже давно и все полеты наштаверха на фронт были с нею связаны.

Уверяют, что красные совершенно выдохлись, но то, что я слышу от прибывающих с фронта, совершенно противоречит оптимизму нашей разведки; зато несомненно, что наши выдохлись окончательно и к боевым действиям временно неспособны.

При таком положении всякая наступательная авантюра сможет привести к полной катастрофе.

Из краткого доклада, прочитанного в оперативном отделении, узнал, что задумана чрезвычайно сложная операция окружения челябинской группы красных, требующая испытанных и надежных войск лучшего старого кадрового типа; операция сложна и искусственна даже для старых войск, так как требует идеального исполнения и малейшая где-нибудь неустойка все рвет и может привести к полному краху. Такие операции можно производить только на карте или на больших показных маневрах.

Состояние войск, их неспособность к маневру, их неспособность выдерживать прорывы и обходы заставляет считать, что для этой операции 95% за то, что она кончится полной катастрофой. По грубой схеме, показанной мне в ставке, некоторым дивизиям придется вести бой на два и на три фронта, т. е. дана такая задача, которой современные наши войска выполнить не в состоянии, ибо не выдерживают флангового огня и даже признаков нахождения неприятеля в тылу и на флангах.

Несомненно, это безумная ставка Лебедева для спасения своей

пошатнувшийся карьеры и для доказательства своей военной гениальности; очевидно, что все обдумано и подстроено совместно с другим стратегическим младенцем Сахаровым, жаждущим тоже славы великого полководца.

Оба честолюбца, очевидно, не понимают, что они делают; ведь на их безумную карту ставится вся судьба сибирского белого движения, ибо при неудаче нам нет уже спасения и нам едва ли удастся восстановить нашу военную силу, — слуги идеи и подвига гибнут, и ряды их редеют, а на принуждении и шкурниках нам уже не выгрести.

Бросился к Бурлину, прося сделать что-нибудь, чтобы остановить эту преступную операцию, но тот сказал, что операция уже начата и идет второй день и что остановить ее не в его силах, так как ею всецело и полномочно распоряжается Лебедев, получивший на нее согласие и одобрение верховного главнокомандующего.

При этом, по мнению Бурлина, нечего и особенно беспокоиться, так как получаемые от Лебедева сведения самого радужного характера, и мой пессимизм наверно не оправдается, так как все данные разведки подтверждают полный развал красных. Последнему совершенно не верю, так как, по тем же данным, против нас действуют привезенные из внутренней России резервы, совершенно свежие.

От Бурлина узнал, что Дитерихс решительно протестовал против челябинской операции, но безрезультатно; обидно, что не знал этого раньше; тогда бы я заблаговременно поднял против этой авантюры все, что только мог.

Сукин сообщил, что Америка за деньги, но в рассрочку, соглашается выпустить оставшиеся от прежних заказов винтовки (около 200 тысяч штук) и обещает дать необходимое для нас число комплектов суконного обмундирования. Всю душу вытягивают эти обещания и проекты, не сопровождаемые немедленным осуществлением; у меня по этой части наросли такие мозоли, что я заранее уже не верю в исполнение. При исполнении же надо ожидать еще три-четыре месяца до тех пор, пока все это попадет к нам в руки, а нужда неотложная, события развиваются очень неблагоприятно и с опасной для нас быстротой; я надеялся, например, что и август нам удастся пробарахтаться на Урале, а мы уже сейчас накануне потери Челябинска.

В совете министров Сукин сообщил об американском предложении, выставив это как крупную дипломатическую победу (наши доморощенные Талейранишки очень падки на этот термин), и с сияющим видом заявил, что японцы категорически отказались помочь нам западнее Байкала; не знаю, чему тут радоваться, так как без этой помощи нам уже не выгрести.

Слышал мельком, что в совете верховного правителя михайловской компании удалось одержать другую победу над верховным, сломив его сопротивление по части неприкосновенности золотого запаса, с переводом этого запаса в ресурсы Государственного банка. Несомненно, что смешно тонуть в отношении курса наших бумажных денег и не трогать золотого запаса, когда это остро необходимо, но только опять непонятно, как такие вопросы решаются помимо ведения и даже ведома совета министров, составляющего по омской конституции нечто в роде второй половинки двойственного олицетворения верховной власти.

Причины «дипломатической победы» стали мне ясны, когда Сукин показал мне телеграмму нашего уполномоченного в Вашингтоне, сообщающую, что винтовки будут отправлены на американском военном транспорте, который примет во Владивостоке «депонированное за винтовки золото».

А вот если за эту купленную на золото дипломатическую победу и за усиленный американофильствующий крен нашего Талейрана Талейрановича мы заплатили полуразрывом с японцами, то это совсем скверно; японцы свое все равно возьмут, а наши интересы останутся ни при чем.

26 июля. За день три комиссии, отнявшие вместе пять с половиной часов рабочего времени. Узнал в ставке кое-какие подробности сумбурной операции, рожденной мудрыми главами Лебедева и Сахарова; оказалось, что мы задумали повторить Мамаево побоище с заманиванием красных в ловушку при помощи добровольного очищения Челябинского узла; считают, что красные бросятся на эту приманку, после чего их там захлопнут при помощи очень сложного маневра, в котором главная роль захлопывающих крыльев отведена совершенно сырым в боевом отношении дивизиям Омского округа и конным частям.

С бумажной, теоретической точки зрения все это очень красиво и заманчиво, так что немудрено, что ничего не понимающий в сухопутном деле адмирал согласился на эту операцию; но с точки

зрения реального выполнения и оценки средств выполнения операция совершенно безумная и возможная только при условии, что красные представляют стадо баранов и скиксуют при первом же обнаружении нашего гениального плана; а так как на сие нет никаких надежд и так как мы замахиваемся совершенно негодными для исполнения средствами, то у меня — по крайней мере — весь шанс на успех заключается в авоське и заступничестве Николая чудотворца.

Страшно думать, что сложнейшая и труднейшая задача окружения неприятеля путем крайне рискованного маневра, требующего энергичного прорыва и сложного захождения боевого порядка, возложена на еще не бывшие в бою части. Я видел на войне много десятков разных дивизий и думаю, что лишь немногие из них, да и то только в самом начале войны, были способны выполнить такой маневр, который возложен теперь на милиционные части, с очень слабыми кадрами, с отсутствием понятий и практики в самых простых маневрах и с насильно набранным составом солдат, не желающих воевать.

Операция начата вопреки решительному протесту Дитерихса, чем и объясняется, почему изъяли из его подчинения Западную, или, как она теперь называется, 3-ю армию (Сибирская разделена на 1-ю и 2-ю). Грозно-тревожно то, что на шалую карту двух безграмотных военных честолюбцев поставлены наши последние ресурсы; раз операция кончится неуспехом, то нам уже не восстановить нашего фронта, и тогда нам нечем будет дальше играть. То, что сообщается прибывающими с фронта лицами, не дает никаких сомнений в том, что отходящие остатки Сибирской и Западной армии надолго, если не навсегда, выведены из состояния боевой пригодности, и нужен длительный период их восстановления и притом вне боевой обстановки, в состоянии возможности отдохнуть, отдышаться и смахнуть с себя кошмар вечного отступления и потери веры в успех и даже в возможность сопротивления (последнее — даже не всегда в отношении самих себя, но с круговым переносом на всех соседей и с оправданием своих отходов неустойками этих соседей).

Пока что, по сведениям ставки, красные заняли Челябинск, в котором произошло какое-то направленное против нас восстание рабочих, причем сильно пострадали наши арьергардные части и забытые на станции эшелоны; в мешок красные пока что втяну-

лись, но нет и признаков того, чтобы они выдохлись; напротив того, они повели очень энергичное наступление радиусами от Челябинска, и размах этого наступления показывает, что в их распоряжении достаточно вполне свежих сил.

Из тех же сведений видно, что начатая операция подвергается особенной опасности с северо-запада, где все покоится на надежности защиты озерных промежутков. Скверно и то, что наш походный главкотяп, увлеченный Челябинском, совершенно забыл об Екатеринбург-Тюменском направлении, на котором совершенно выдохшиеся наследники Сибирской армии, именуемые теперь 1-й и 2-й армиями, безастановочно катятся назад; идея Дитерихса — отвести подальше в тыл и дать несколько отдохнуть — запоздала.

В общем получается повторение такой же однобокой операции, как и тогда, когда Западная армия откатывалась к Уфе, а Сибирская перла на Глазов и мечтала о Вятке.

Все катится на восток стихийно, само по себе, и на значительном протяжении фронта даже без боевого нажима со стороны красных; вообще события развертываются так, что к зиме нашим фронтом может стать уже Иртыш. Мои все расчеты зиждутся теперь на Деникине, так как местные средства белой борьбы изжиты, безумно растрачены, а того, что в распыленном виде еще сохранилось, уже не собрать и не сложить в твердые формы; все кругом горит; слишком много всюду грязи, грузно налипшей на идею святой борьбы, а для очистки нет уже времени, так как жизнь уже начинает захлестывать и требует возмездия за потерянное время и за все совершенные ошибки. . .

С великой скорбью узнал, что при отступлении потеряна большая часть артиллерии и пулеметов и технических средств связи; погибли и многие десятки тысяч винтовок, унесенных дезертирами и побросанных беглецами; все это потери почти уже не поправимые, что присоединяет к военному разгрому разгром технический.

В северной части фронта Дитерихс проявляет героические усилия, но что может сделать один, даже самый энергичный человек при общей разрухе, при отсутствии привычки беспрекословно повиноваться и когда вся система управления обратилась в какую-то смятку.

Бессилие чем-либо предотвратить грядущее заставляет безна-

дежно закрыть глаза и ждать, как, куда и с какими последствиями обрушится лавина грядущих событий.

Уходя с оперативного доклада в ставке, я сказал: «Господа, помните, что у вас идет не челябинское наступление, а челябинское преступление».

27 июля. Всю ночь не ложился, до того тревожит меня челябинская операция; ведь даже при ее успехе не может быть ничего, кроме сомнительного тактического успеха и некоторого числа пленных, так как отсутствие всяких резервов, состояние 1-й и 2-й армий и общее положение на всем фронте не дает никаких шансов на широкий стратегический поворот событий в нашу пользу; для этого нужен общий, решительный на всем фронте переход в наступление отдохнувшими, приведенными в порядок и обеспеченными снабжением, вооружением и пополнениями армиями. Ничего этого у нас сейчас нет и не может быть по крайней мере до весны будущего года.

При неуспехе же над нами разражается полная, решительная, никогда и ничем непоправимая катастрофа, могущая гибельно отразиться и на успехе нашего последнего шанса — наступлении армий Деникина.

Вечерняя сводка вчера уже сообщила, что в районе Челябинска у красных оказалось четыре дивизии сильного состава, которые ведут энергичное наступление в разрез восточного заслона третьей армии. Для меня уже очевидно, что вся операция провалилась, и что сейчас надо уже как-нибудь выкарабкиваться самим из заваренной каши и не попасть в то положение, которое наши стратеги готовили для красных. Единственным неизвестным иксом во всей сомнительной формуле были действительные силы и боевая энергия красных, но теперь ясно, что этот икс совершенно иной, чем его рисовала наша разведка.

Утром был у Бурлина с проектом собрать немедленно всех шатающихся по Омску генералов, военных инженеров и офицеров и экстренно отправить их на рекогносцировки рр. Тобола и Ишима и на составление проекта их укрепления; одновременно организовать рабочие команды из благодушествующих обывателей и отправить их туда же для производства фортификационных работ.

Если это сделать, то будет куда отвести наши расстроенные части и за чем задержаться, а, быть может, и отстояться; за го-

товой линией, при превосходстве в артиллерии, на изученной заблаговременно местности, при содействии военной техники и аэропланов, мы наверное задержим красных, не сильных качественно и неспособных на штурм укрепленных позиций; последние будут иметь и крупное нравственное значение, ибо поднимут дух войск, ослабят боязнь прорыва и обхода, а это сейчас главное.

В ставке меня выслушали довольно насмешливо и сказали, что, по сведениям с фронта, надобности в таких экстренных мерах не усматривается.

Адмирал по собственной инициативе издал указ о прибавке 100 р. к жалованью каждого бойца, находящегося на фронте; думается, что теперь это запоздалая мера; нужно было еще в прошлом году установить для солдат и офицеров крупные оклады и крупные пенсии, понимая, что в тяжелой и неустойчивой обстановке начатой борьбы нужны обеспеченные материально и не думающие о своих семьях защитники.

Сейчас настроение против нас; неудачи и темное будущее взвинтили все нервы; фронт ругательски ругает начальство, тыл, Омск и правительство; ругает без сторублевой прибавки, будет ругать и после нее. Конечно, адмирал вызван на этот шаг присущей ему отзывчивостью, нервным и стремительным желанием оказать какую-нибудь помощь фронту, проявить реальное сочувствие к его нуждам; по этой части он очень импульсивен, и, в хороших руках, это качество могло бы быть использовано весьма продуктивно.

Сегодня во время доклада вызвал острое неудовольствие адмирала своим докладом о тревожности положения под Челябинском; он меня резко остановил, заявив, что донесения Лебедева вполне успокоительны и что мой пессимизм не к месту. Я сдержанно доложил, что мой служебный опыт позволяет мне иметь свой собственный взгляд на военные операции, а мой служебный долг обязывает меня доложить мои сомнения и опасения; опасности же в моем пессимизме нет, так как подчиненным и окружающим я этого не высказываю, а говорю только тем из старших начальников, которые по своему и по моему положению обязаны меня выслушать; дальнейшее же — их дело, дело их долга, совести и разумения.

Адмирал нахохлился, но терпеливо меня выслушал.

В конце доклада он набросился на главного интенданта пол-

ковника Сторожева, обвиняя интендантство во всех неудачах фронта; это было очень неожиданно, так как только на прошлой неделе адмиралу был представлен доклад, коим я доказал, что генерал Сурин выполнил весь данный ему ставкой в конце 1918 года наряд, и что ни генерал Степанов, ни Сурин, ни интендантство не могут отвечать за ошибки ставки, за дезорганизацию фронта и за расхищение всего того, что на фронт посылается; в этом докладе я подчеркнул, что я анализирую все совершенно беспристрастно, никого не обвиняя, только на основании фактов, документов и цифр.

Сторожев очень сдержанно доложил, что, несомненно, в деятельности интендантства много промахов и недостатков, вольных и невольных, создаваемых обстановкой и творимых людьми, но что, к сожалению, одновременно все это муссируется и добавляется злобой и нареканиями, возводимыми на интендантство разными высокими лицами и учреждениями, стоящими близко к ставке, их верховному правителю; эти лица и учреждения позволяют себе искажать факты, обобщать мелочи и личные неудовольствия и подносить адмиралу как характеристику всей работы интендантства; при этом нередки случаи искажения правды и подтасовки фактов, пользуясь положением близких докладчиков и тем, что адмиралу трудно самому все проверить.

Я самым решительным образом поддержал Сторожева; это такой подчиненный, что, будь все остальные хоть немного на него похожи, можно было быть спокойным за полный успех нашего дела — правдивый, энергичный, самостоятельный, добросовестный, с огромной инициативой.

Адмирал выслушал, сразу отошел, стал очень приветлив и, отпуская Сторожева, поблагодарил его за доклад; это мягкий воск, из которого можно лепить все, что угодно; горе в том, что присяжные и доверенные лепщики очень плохи.

Опять говорил с Бурлиным о челябинской операции; он сам очень ею обеспокоен, особенно в виду энергичного нажима красных на правый фланг 3-й армии, делающего очень опасным положение ее левых коленн и ее связи с Южной армией.

Лебедев, сидя в штабе у Сахарова и не видя ничего, кроме своей проваливающейся операции, настойчиво требует, чтобы остатки Сибирской армии перешли в наступление, а те находятся в таком состоянии, что их и остановить нельзя. Дитерихс не-

сколько раз заявлял, что части бывшей Сибирской армии к бою негодны и что никакой помощи 3-й армии он оказать не может.

Челябинские операторы, утопив собственную армию, судорожно цепляются за авоську, требуют от соседа чуда.

Бурлин, которому я еще раз поведал все свои тревоги, сказал, что он тоже переживает очень часто невероятно тяжелые минуты, видя, что творится Лебедевым и около адмирала, и однажды прямо высказал Лебедеву, что тому надо оставить свой пост, на что Лебедев промолчал.

Состоялось совещание высоких комиссаров на тему об оказании нам матерьяльной помощи: новый вариант сказки про белого бычка или известного «Жомини да Жомини, а о водке ни полслова. . .» Осточертели мне эти словоизлияния, от которых до сих пор ни на грош реальной пользы; нам дорог каждый час; затяжка борьбы ухудшает невероятно наше положение, а нам месяцами выматывают всю душу разговорами; дом горит, а мы должны показывать его планы и всякую ерунду вместо того, чтобы тушить.

Сукин гордо и победоносно заявляет, что комиссары уже сговорились; что необходимое снабжение будет дано; что чехо-словаки будут сменены тремя дивизиями японских и американских войск. Скорее бы все это осуществилось; боязно даже верить; особенно я рад уходу чехо-словаков.

28 июля. Рано утром пошел в ставку, где дежурный офицер показал мне телеграмму Сахарова с донесением о том, что красные отходят и в красных обозах паника. Хочется верить и в то же время берет сомнение, ибо из просмотра предыдущих телеграмм не видно причин такого резкого изменения в положении красных.

По приходе в министерство был долго мучим Ивановым-Риновым; он объехал часть станиц своего войска, развез и роздал привезенные с Дальнего Востока товары и теперь вернулся триумфатором, любимцем населения и внеконкурсным кандидатом на переизбрание в войсковые атаманы; он привез с собою навинченные болтовней, водкой и подарочным настроением приговоры станичных сходов о поголовном выходе на службу всех сибирских казаков и сейчас горд и важен, изображая из себя единственного спасителя во всем создавшемся здесь положении. Его носят на руках, ему остается только приказывать.

Все это очередной казачий бум; ни на минуту не верю всем этим приговорам: не таковы сибирские казаки, чтобы поголовно стать на борьбу с большевиками; тот, кто хотел бороться, сам пошел в ряды армии. Свидетели такого же поголовного выхода оренбургских казаков рассказывают, что все кончилось получением пособия и расходом по станицам, как только тем стала угрожать опасность. Полицейской душе Иванова-Ринова хочется блестящей рекламы, великой шумихи и удовлетворения своему обиженному честолюбию. Как бы было хорошо, если бы вместо никогда не осуществимого поголовного выхода казаки выставили бы хороший шестисотенный полк и взяли на себя охрану дороги на своей территории.

Казачьи честолюбцы очень любят делать карьеру, раздувая казачий патриотизм, казачье геройство, а в последнее время приписывая казакам патентованное звание спасителей России от большевизма. Все это непомерно раздуто и в значительной степени бесконечно далеко от истины. Справедливо это только в отношении уральских казаков и известной части остальных казаков, преимущественно стариков.

Остальное разложилось, расказачилось, обольшевичилось или пошло на соглашение.

Сейчас Иванов-Ринов сделался первым лицом в Омске; ему предоставлено право непосредственного доклада адмиралу, которому он приносит уже готовые к подписи проекты указов и распоряжений; он все ведет к тому, чтобы сформировать отдельный казачий корпус, сделаться его командиром и заработать с ним победные лавры.

Адмирал забыл все старое, обворожен рисуемыми ему блестящими перспективами, когда геройские казачьи полки погонят красных за Урал, все поправится, и вновь расцветут все надежды, связанные с военными успехами.

Желания Ринова теперь — закон; приказано, чтобы его заявления и требования удовлетворялись вне очереди; обнаглевший от неожиданного успеха казак требует деньги, обмундирование и все виды снабжений в самых гомерических размерах, в двойной и тройной запас.

Армия, потерявшая все свои запасы, этим обездоливается, но на это не хотят обращать внимание.

Вечером экстренное заседание совета министров по поводу

объявленной забастовки на Китайской Восточной железной дороге, останавливающей подвоз всего снабжения, прибывающего во Владивосток.

Из доклада министра финансов ясно, что забастовка вызвана нелепым управлением дороги, не обращающим никакого внимания на вопиющие нужды своих мелких служащих; результаты таковы, что даже покорные до сих пор илоты Китайской Восточной ж. д. решились на забастовку...

При обсуждении вопроса о забастовке я высказал, что министру финансов надо вмешаться и заставить правление дороги улучшить положение служащих дороги, дав побольше натурой и немного деньгами.

После принятия мер по улучшению матерьяльного положения требовать истовой и добросовестной службы, вывести на дороге политику, взяточничество и разные темные комбинации, составленные из старших агентов дороги, подрядчиков и крупных грузоотправителей. Натурой надо дать все виды квартирного довольствия и продовольственный паек, развить кооперативы...

29 июля. Состоялось совместное заседание министров правительства и высоких союзных комиссаров по вопросу разверстки между союзниками оказываемой нам матерьяльной помощи. Со стороны союзников прибыли Эллиот, Моррис, граф Мартель и Мацусима, генералы Нокс, Гревс, Жанен и Такаянаги; мы сидели в очень жалком положении бедных родственников персидской категории, ожидающих решения своей участи.

Нокс высказался очень резко, что, собственно говоря, нам не стоит помогать, так как у нас нет никакой организации и большая часть оказываемой нам матерьяльной помощи делается в конце концов достоянием красных. Нокс очень обижен, что после разгрома каппелевского корпуса, одетого в новое с иголочки английское обмундирование и снаряжение, перешедшее к красным, тупоумные омские зубоскалы стали называть его интендантом красной армии и сочинили пасквильную грамоту на его имя от Троцкого с благодарностью за хорошее снаряжение.

Сукин очень сдержанно, но с достоинством ответил Ноксу, что, конечно, это дело союзников решать, стоит ли нам помогать, но данное совещание собрано не для этого, а с определенной целью получить от нас определенные сведения, что нам нужно

для продолжения борьбы по восстановлению русской государственности, и мы готовы дать эти сведения.

По очереди все министры доложили нужды своего министерства, причем я уменьшил требования ставки вдвое, ибо нелепо, смешно и даже вредно заявлять потребность снабжения на армию в один миллион человек.

Нас выслушали и заявили, что высокие комиссары рассмотрят наши заявления. Вернулся домой взбешенным; все более и более начинаю верить, что нас нарочно водят за нос и кормят завтраками.

С нами все беседуют и нас щупают, а через $1^1/_2$ месяца зима, и у нас нет ничего суконного; мы все надеялись на заморских дядюшек, заливавших нас обещаниями, и теперь близко к тому, чтобы очутиться в самом скверном положении.

Вечером в совете министров у нас совершенно даром отняли несколько часов времени и кормили протухлым екатеринодарским рагу в виде сообщений приехавших оттуда гастролеров, на сей раз гражданского происхождения, Волкова и Червен-Водали.

Не знаю, кому и для чего нужны эти бредни и вопли довольно второсортных не то кадет, не то кадетоидов с самыми сумбурными марсианскими воззрениями на русскую действительность и на русский народ. Много трескучих фраз, но отовсюду торчит хвостик острого желания вернуть старые удобства и привилегии; хвостик сей прикрыт, однако, каким-нибудь демократическим чехольчиком. Ясно только, что и на юге простонародье и казачество против офицерства, со стороны которого боятся реакции. Видимо, и там, как и у нас, неуравновешенные круги офицерства сделали очень много, чтобы отбить от себя народ и заставить его невольно перейти на сторону того, что также ненавистно, но зато обещает спасти от реакции, от отобрания земель и от старого «прижима».

Да и откровенные южане, не боящиеся говорить правду, не скрывают, что у них остались только редкие кучки борцов за родину, остатки алексеевских и корниловских сподвижников; большинство же борется за кормежку сейчас и за реставрацию в будущем. Все это марает белую идею, отдаляет ее успех и очень крепит положение комиссаров. Под Челябинском еще идут бои, но надежды на успех нет; красные не только не выдыхаются, но напирают все энергичнее. Мне думается, что заправилы нашей раз-

ведки, давая своим верхам сведения о расстройстве и выдохе красных, были обмануты двойными агентами или же изменниками, внедрявшимися в разведку; иначе трудно объяснить такое расхождение с действительностью.

30 июля. Челябинская операция проиграна; Лебедев пытается в своих донесениях замаскировать неприятную правду, но она ясна. Начались уже розыски виновных в неуспехе стрелочников, подлейшее занятие наших верхов.

Итак, великое преступление совершилось, последние резервы погублены ради самолюбия двух безграмотных выскочек, и задержать откат обрывков армии на восток уже нечем. Одновременно поставлена в исключительно тяжкое положение и Южная армия, которую упорно держали на уступе вперед ради участия ее в челябинской авантюре, а теперь бросают на произвол судьбы. Утром заседание комитета экономической политики, на котором наш финансовый младенец Михайлов докладывал то, что сообщено им высоким комиссарам как наша программа по упорядочению финансов. Основания доклада: постепенная унификация денег; переход от обязательств государственного казначейства на кредитные билеты американского изготовления; признание всех долгов России и оплата процентов по купонам.

В отношении обыкновенных займов они признаны сейчас неосуществимыми, но возможно получение ссуд на восстановление промышленности и земледелия.

Предположено наши военные займы включить в немецкую контрибуцию, так что они будут получены союзниками с немцев.

Михайлов и Сукин говорят, что финансовая программа получила полное одобрение комиссаров и послужит удачным основанием для завершения полного соглашения. Дай бог, чтобы это было так, а главное поскорей.

В Красноярске взбунтовались два полка — один из пароксизмов гнилой лихорадки нашего тыла. Донесения из Харбина отмечают усиленную деятельность в полосе отчуждения дороги значительных шаек хунхузов. Когда большевизм доберется до Китая, то найдет там весьма благоприятную почву для своего развития, и об этом надо очень и очень подумать господам союзникам; китайское хунхузничество это тоже своего рода большевизм, уродливый протест против капитализма, социального и экономи-

ческого неравенства. Попав в Китай, большевизм может вылиться там в такие формы, что весь мир содрогнется.

31 июля. Тяжкая обстановка грозит разрушить последние остатки нормальной системы государственного управления; появились разные кандидаты в спасители отечества, лезущие к адмиралу с готовыми указами.

Я сторонник единовластия, единоличного управления в такое исключительное время, но надо, чтобы единовластие находилось в талантливых руках и осуществлялось планомерно; то же, что сейчас у нас творится, хуже всяких совдепов и комиссарщины; адмиралу преподносится и им одобряется и утверждается всевозможная разнокалиберщина, несогласованная, непродуманная; в результате получается невероятная неразбериха. Отзывчивость адмирала и судорожное искание им лучших и действительных средств, при его непрактичности и неподготовленности по большинству вопросов государственного и военного управления, только ухудшают положение.

Мне особенно приходится испытывать результаты этой неразберихи, так как все, касающееся военного ведомства и снабжений, препровождается мне на исполнение; на меня падает нелегкая обязанность сглаживать все противоречия и приводить в сколько-нибудь приличный вид всех рождаемых этим путем юридических, финансовых и снабжательных крокодилов. Усугубляется сие и тем, что многое приходит ко мне не только утвержденным адмиралом, но уже и проводимым в жизнь явочным порядком, причем авторы кричат, что при малейшей задержке исполнения вырванных ими у адмирала распоряжений они не отвечают за последствия.

Адмирал вместо того, чтобы послать всех этих прожектеров к чорту и убедиться, что ничего от этого не произойдет, со всем соглашается, волнуется осуществлением, громыхает и штурмует в случае малейшей задержки и ждет чуда от современных Симонов-волхвов типа Иванова-Ринова и иже с ним.

В ставке совершенно непристойная буря по поводу задержки в производстве в полковники какого-то подполковника Васильева, имеющего счастье состоять супругом певицы Каринской; Васильев, по рассмотрению дежурного генерала, никакого права на производство не имеет, но жена все время клянчит за него у адмирала.

Последний изругал Бурлина и приказал выслать на фронт дежурного генерала ставки Кондрашева; жалкая картина в специфически-морском духе.

Иванов-Ринов добился экстренного ассигнования сибирским казакам ста миллионов рублей. Ожил, рыщет, нюхает и пробирается в дамки дальневосточный спиртовоз Хрещатицкий; казачья конференция в полной силе.

Вечером был приглашен к генералу Жанену, где был и адмирал; последний сам поднял со мной сепаратный разговор о челябинской операции; я ему доложил, что считаю, что сейчас необходимо немедленно ее прекратить и приказать сделать все возможное, чтобы вывести втянутые в нее войска с наименьшим для них ущербом.

Адмирал промолчал, но попросил ускорить обед, затем прошел в кабинет к Жанену, где и подписал телеграмму Лебедеву об отступлении; он очень мрачен и встревожен.

1 августа. Все, связанное с челябинской авантюрой, а главное — мое бессилие ее остановить и предотвратить все ее последствия привело меня к решению просить адмирала об увольнении меня от должности, и если нельзя дать места на фронт, то и в отставку. Мне не под силу оставаться спокойным зрителем того, как убиваются последние надежды на успех того дела, которому служим и для которого так много приносится в жертву. Хочу получить полную свободу действий, не нарушая дисциплины, кричать правду и добиваться ее торжества; надеюсь, что найдутся сочувствующие, и тогда, быть может, получатся более положительные результаты. Пусть я острый пессимист, но до сих пор я был прав в том, что именуют моим пессимизмом. Мне не верят, не разделяют моих опасений; адмирал на меня косится; мои доклады ему неприятны, а главное — ни к чему не приводят.

После обеда получил согласие на увольнение, но с приказанием нести обязанности военного министра до прибытия в Омск едущего сюда из Парижа генерала Головина.

При разговоре с адмиралом по поводу челябинской операции убедился, что Лебедев сумел так начинить адмирала фаршем собственного изготовления, что тот узаконил себе чудовище, рожденное Лебедевым и Сахаровым, и глубоко огорчен неудачей «своей» операции.

Доложил адмиралу свой проект организации обороны линий

рр. Тобола и Ишима с использованием на это болтающихся по Омску генералов и офицеров, военных инженеров и рабочих обывательских команд. Конечно, эти линии не непроходимые преграды, но все же их надо форсировать, а главное — они дадут определенную и осязаемую линию фронта. Адмирал приказал передать этот проект в ставку для доклада ему более подробно.

Мне страшно хочется добиться, чтобы мою мысль поняли; я считаю, что наши войска в их современном состоянии не годны для полевой и маневренной войны и что для выигрыша необходимого нам времени надо перейти к обороне на укрепленной позиции. Артиллерия красных и их технические средства наступления очень слабы, и в этом наш большой плюс при обороне.

Мы потеряли устойчивость, и это надо восстановить на время укреплениями, заграждениями и применением военной техники. Единственные пригодные для обороны рубежи — это линии рек Тобола и Ишима; правда, что они не особенно сильны, но имеют много непроходимых участков, сокращающих линию фронта, а затем их надо все же форсировать, что при сохранении у нас еще довольно сильной артиллерии дает нам крупные преимущества.

При желании в 2 — 3 недели можно удовлетворительно укрепить эту линию, построить наблюдательные пункты, пулеметные и орудийные блиндажи, наладить связь, исправить мосты и дороги, организовать сигнализацию, пристрелять подступы и пр. и пр.

Затем сейчас же отвести за эту линию все наиболее потрепанные дивизии и дать им время отоспаться, отъесться и отдохнуть; поставить их по участкам, чтобы они к ним прижились, присмотрелись, а офицеры за то же время произвели необходимые рекогносцировки, изучили слабые стороны и пр. и пр.

Применение техники должно дать возможность иметь резервы для маневра и против случайностей, развивая огневую оборону артиллерией и пулеметами.

Все же вместе взятое даст возможность остановить и потрепать неприятеля, поднять дух войск, дать им отдых, произвести необходимые реформы и выправить наше почти безнадежное положение.

Огромным минусом для проведения моего проекта является шумиха, созданная Ивановым-Риновым с поголовным выходом сибирских казаков; вместо прежней паники здесь приподнятое фанфаронство и от казаков ждут чуда и в него верят; при таком опти-

мизме разговоры об укреплении Тобола и Ишима и — что я считаю тоже нужным — Иртыша считаются паническими и даже нежелательными.

2 августа. Не знаю, кто из адмиральского антуража подтолкнул верховного правителя на выпуск нескольких воззваний к войскам и к населению, написанных в истерическом тоне времен керенщины. Больно за верховную власть и за верховное командование, которые толкаются на такие бесцельные излияния.

Внушается это людьми, привыкшими верить в то, что все заключается в собраниях, речах, резолюциях, воззваниях и прочих способах извода бумаги и сотрясения воздуха; им не ведомо, что массы этих воззваний не читают, не знают, а при встрече с ними не обращают на них никакого внимания, ибо жизнь и практика убедила их, что все это только слова; не знают или не понимают эти люди и того, что все способы так называемой пропаганды сильны и действительны только тогда, когда они сулят и дают толпе и массам сладкие и приятные вещи в виде ослабления или освобождения от обязанностей и увеличения личных благ, и притом в реальной, осязаемой, не внушающей сомнений форме. Но все это пустопорожне и бесцельно, раз вы касаетесь неприятных для толпы вещей и требуете от нее ограничений и жертв.

Только люди, выросшие в атмосфере собраний, речей, судоговорений и прочих способов словесных турниров, способны верить в действенность слов над массами; такая атмосфера — привычное поле для разных пустобрехов, искусных в заговаривании толпы, в подъеме ее настроения, в навязывании ей предвзятых идей, в срыве апплодисментов, в выносе желательных и большей частью непонятных толпе резолюций. Но все это хорошо только в небольших размерах и в отношении к массам определенного состава и в определенной обстановке.

Но когда дело переходит на такие масштабы, как армия и население целой страны, то вся действенность таких зовущих к долгу, лишениям и смерти воззваний сводится к нулю. В том же жестоком деле, которое именуется войной, эти способы воздействия на массу не имеют никакого реального значения; пусть спросят искренних командиров и участников войны про значение таких приказов для войск, и они честно вам ответят, что никто этими приказами не интересовался, большинство их не читали и

практическое значение их ноль (конечно, это не относится к приказам, дающим преимущества, льготы, награды, деньги и т. п.; такие приказы выучиваются наизусть).

Но эти воззвания довольно действенны в руках организаций, борющихся с наличной властью, что объясняется, с одной стороны, известной однородностью состава таких организаций, а с другой — российской привычкой быть в оппозиции начальству и власти и делать ей разные подвохи; все антиправительственное усердно, до пота распространяется, переписывается и нарасхват, в засос читается; добровольных разносителей, до министров включительно, хоть отбавляй. Правительственная же литература, даже самая полезная и необходимая, гниет в канцеляриях и архивах, печатается в казенных изданиях, читается только чиновниками, а если попадает к обывателю, то главным образом для критики, зубоскальства и ругани по адресу начальства и власти.

Субсидируемая печать сопровождает правительственные воззвания патриотическими передовицами и восхвалениями, но и сие есть только трата бумаги и сотрясение воздуха, без какой-либо реальной пользы.

Возможность душевного и героического подъема народных масс должна быть заложена в душе народа; подъем этот вызывается глубокими, большей частью материальными причинами и вызываемыми ими переживаниями и эмоциями.

Какую реальную силу могут иметь истерические воззвания далекой, чуждой, бесполезной, неприятной, а местами ненавистной власти к не верящему ей ни на грош населению, смотрящему вообще на власть как на нечто, способное творить только неприятное.

Я думаю, что такие воззвания даже вредны, ибо все привыкли, что они начинают испускаться властью в тяжкие для нее времена, а это сейчас поддает пару всему ожидающему падения этой власти и мечтающему водвориться на ее место.

В былые времена верховная власть никогда не опускалась на это взывательское дно: она или распространяла милость, или глухо рокотала, метала громы и скорпионы, или повелевала и приказывала.

В заседании совета министров я поднял вопрос о крайней нежелательности таких воззваний и о необходимости оградить адмирала от толкающих его на такие шаги; при этом выясни-

лось, что члены совета узнали про эти воззвания только из газет. Что ни говори, а странное у нас правительство!

Прочитал в ставке донесения Лебедева и Сахарова; вспомнил худшие времена великой войны и довольно многочисленный у нас класс старших начальников, которые требовали от войск «или неприятельских пушек, или огромных потерь», причем последние были нужны для доказательства, что эти железные quasi-герои употребили все усилия для победы и что они воспитали такие войска, которые можно укладывать до последнего.

Так и в прочитанных мной телеграммах сугубо подчеркиваются огромные потери, понесенные некоторыми частями; отовсюду лезет желание показать, что все было задумано гениально и так же гениально и решительно проведено, но богу браней было неугодно осенить нас своей благодатью.

Чем сильнее потери, тем преступнее те, которые создали обстановку, эти потери вызвавшую.

Теперь уже несомненно, что, по шалой фантазии двух попавших к власти честолюбцев в придачу к трем расстроенным и небоеспособным армиям, мы уложили наиболее сохранившиеся части Западной армии и все последние резервы. Все это создает самые мрачные перспективы: фронт обратили в лохмотья; тыл покрыт очагами все разрастающихся восстаний; вместо сильного правительства беспомощная говорилка; наверху честный и искренний, но дряблый, безвольный, не знающий жизни и дела человек, плененный кучкой политиканов и честолюбцев, задорных юнцов, безграмотных и в своем и в общегосударственном деле, но решительно и властно творящих разные шалые эксперименты. Идет смехотворная игра во всероссийское правительство, при полной импотенции что-либо действительно властно приказать или решительно провести.

Сведения от привезенных с фронта раненых офицеров, даже с поправкой на неизбежное обострение пессимизма, самые тревожные: пока был успех, солдаты шли вперед довольно охотно, но после первых недель поворота военного счастья в пользу красных настроение резко переменилось, и началось массовое дезертирство набранных приволжских и уральских мобилизованных; сейчас большинство не желает воевать, не желает обороняться и пассивно уходит на восток, думая только о том, чтоб не нагнали красные; этот отступательный поток увлекает с собой немногие

сохранившие порядок и боеспособность части и отдельных с непоколебленным духом солдат и офицеров.

Наполнение рядов негодным мобилизационным элементом оказалось роковым: в потоке шкурятины растворились геройские остатки истинных борцов за идею и за спасение родины.

Офицеры не скрывают, что многие части по неделям не видят красных, которые идут за ними в нескольких днях расстояния; у тех тоже мало охотников воевать, но там это нежелание парализуется расстрелами и применением сзади коммунистических револьверов и пулеметов.

Много нареканий на офицерские укомплектования, состоящие по преимуществу из насильно набранных и укрывавшихся от призыва офицеров и из вновь выпущенных юнкеров краткосрочных школ очень неудовлетворительного качества.

Жалуются, что при малейшей неустойке первыми сдают офицеры; объясняют это боязнью красного плена и недоверием к своим солдатам, обостряющимся всегда, когда часть попадает в опасное положение и надвигается вероятность ее плена или перехода на красную сторону.

Бывший у меня по вопросам снабжений ротмистр анненковской бригады подтвердил, что даже конные части не всегда в соприкосновении с красными; группы же Гривина и Вержбицкого отходят без боев, причем штаб Гривина, уходя впереди всех и находясь верстах в 70 от своих войск, фабрикует донесения об упорных боях и наносимых красным потерях.

Любовь к дутым и ложным донесениям — наша старая болезнь, полученная на Кавказе и в Туркестане, широко развившаяся во время боксерского восстания и японской войны (когда на этом создались многие военные карьеры и многие геройские репутации) и махрово расцветшая в великую войну.

Сейчас эта мерзость практикуется во-всю; врут и фабрикуют донесения почти все; ближайшее начальство это знает, но смотрит сквозь пальцы и само идет по той же дорожке; спрос на победы, успехи, трофеи и одоления вверху огромный, и посылаемый туда материал собственного изготовления охотно и бесконтрольно принимается на веру и щедро награждается; мало кто удержался от того, чтобы не присосаться к этому источнику наград и повышений; есть, конечно, исключения, но они наперечет и очень не в моде.

Еще в Харбине я видел протест офицеров 2-й Сибирской дивизии по поводу раздувания взятия Перми как громкой победы и по поводу ношения на погонах вензелей Гайды и Пепеляева; взятие Перми было лихим налетом, произошло очень легко и никакой победы там не было.

Но кому известны эти одинокие протесты? Что они могли сделать, когда кругом фронтовых сатрапчиков и тыловых атаманов образовалась опричина купленных, прикормленных и специфически (до известного предела) преданных башибузуков, ценящих выгоды создавшегося положения и готовых, не моргнув глазом, перервать глотку тому, кто захочет изменить это положение не в их сторону.

Рассказывают ведь бежавшие из семеновщины офицеры о судьбе тех лиц, которые делались опасными для Читы и которые исчезали или «выводились в расход».

Эвакуация Екатеринбурга прошла очень плохо, так как подвижной состав и локомотивы были расхватаны штабами, управлениями, начхозами и войсками; побросали массу разных запасов, причем обнаружилось, что многие склады были переполнены такими вещами, в которых в войсках ощущался острый недостаток.

Это было усмотрено войсками и вызвало несколько эксцессов, выразившихся в разносе складов, избиении их личного состава и т. п.

Но все же пермско-екатеринбургская эвакуация прошла несравненно лучше уфимской; по этой части много пользы принес Дитерихс, который оставался в Екатеринбурге до конца и уехал последним.

По свидетельству кавалерийских офицеров, Екатеринбург был занят красными только на второй день после ухода оттуда последней нашей части.

В Тюмени атаманствует штаб и управление первой армии; по рассказу товарища министра путей сообщения Ларионова, благодаря самодурству генерала Пепеляева, погибли все эшелоны, шедшие на станцию Богдановичи Алапаевского направления. Пепеляев занял своими штабными эшелонами все маневровые пути станции Богдановичи, отказался наотрез продвинуться на следующие разъезды и закупорил станцию на десять часов; это кончилось гибелью сотни локомотивов и 5000 вагонов с очень ценными и нужными нам грузами, шедшими с Северного Урала.

28-летние генералы из недавних обер-офицеров, очень храбрые в штыковых и конных атаках, неспособны видеть дальше своего юного, очень острого и решительного носа, и для них собственное усмотрение и распущенная обстоятельствами воля составляет высший закон. Их примеру следуют их подчиненные, и получается поток усмотрений, произвола, насилий и беспорядков.

В виду полученного согласия на свою отставку считаю себя более свободным в действиях; отправился поэтому к временному заместителю председателя совета министров Тельбергу и откровенно высказал ему свои «пессимистические» взгляды на текущие события, на способы управления армией и страной; высказал, что, по моему мнению, мы уже дошли до края бездны и что нужно сделать последние усилия и попытаться полной переменой курса избежать надвигающейся общей катастрофы.

Дал ему характеристику деятельности Лебедева как наштаверха и ее результатов, отметив все значение челябинской операции; сказал, что докладываю все это ему, потому что все иные способы обратить внимание на совершающиеся события и их неизбежные последствия мной исчерпаны. Высказал свое недоумение по поводу отсутствия твердого плана и бессистемности всей правительственной работы, указал на необходимость большей согласованности в деятельности «объединенного» по названию кабинета и на необходимость председателю министров быть действительным главой кабинета, направителем и регулятором правительственной деятельности, активным дополнением верховной власти и ее охранителем от всяких влияний местных, политических и сословных кружков, конференций и нашептываний с черного крыльца.

Временами на меня набегают внутренние упреки за то, что я не настоял раньше на освобождении меня от служебной зависимости с тем, чтобы выступить с обличением всего совершающегося; правда, что это было бы только внутренним утешением, ибо реальной пользы от этого не произошло бы, и я был бы выслан из Омска так же, как то случилось с Завойко, Феодосьевым и другими.

3 августа. Тяжело быть полным мрачными мыслями, не верить в возможность благополучного исхода и в то же время по наружности и перед подчиненными сохранять бодрость, разводить всем розовую воду, подбадривать всех сотрудников и поднимать

уровень и качество их работы, дабы в пределах своего ведения выполнить максимум полезной и созидательной работы.

Обидно за невозможность высвободить адмирала из-под власти окруживших его влияний; я сделать этого не могу, ибо я и мои доклады не нравимся адмиралу; я всегда могу вырвать у него нужное мне решение, но то же и одновременно могут сделать лица совершенно противоположного направления; нет никакой гарантии в том, что принятое решение не будет отменено или разбавлено и добавлено так, что лучше бы ничего не делать.

Все зло в полной бессистемности, в калейдоскопической смене настроений и решений, в метании без руля и ветрил под сомнительным влиянием разномастных советчиков, в бесплодных поисках лучших решений и спасительных средств.

И чем искреннее, убежденнее и энергичнее эти советчики, тем хуже, ибо самая посредственная система лучше той каши, которая получается от постоянной смены решений и от извилистого болтания нашего курса.

Сейчас адмирал крепко захвачен казачьей коалицией и примазавшимися к ней омскими политиками и разными честолюбцами, родителями всевозможных панацей по спасению положения.

Ночью арестован главный начальник военных сообщений ставки и тыла генерал Касаткин и несколько железнодорожных служащих; последним предъявлено обвинение во взяточничестве, а Касаткину в бездействии власти.

Сенсация в Омске по этому поводу огромная, но нездоровая.

Говорят, что вина Касаткина состоит в том, что ему было доложено, что комендант станции Омск поручик Рудницкий берет взятки, но Касаткин не принял по этому докладу соответственных мер.

Подробности неизвестны; как-то странно привлекать к ответственности одного из старших чинов ставки и предавать его военно-полевому суду за то, что пятистепенный агент брал взятки; ведь между Касаткиным и Рудницким имеется целый ряд промежуточных начальников. Кроме того, вся деятельность Касаткина, его редкая энергия, добросовестность и борьба со всякими злоупотреблениями резко противоречат предъявленным ему обвинениям; это один из лучших и честнейших работников ставки.

Приходил Хрещатицкий; очень долго и нежно журчал о необходимости послать авторитетное и пользующееся доверием

японцев лицо (читай — его самого) в Токио для ведения там всех сношений по отпуску нам снабжений; доказывал, что ведение переговоров через некомпетентных лиц уже привело к тому, что Такаянаги вошел в прямые сношения с Моррисом и на некоторые вопросы Хрещатицкого ответил ему, что все будет решено по соглашению непосредственно с представителем Соединенных штатов.

Несомненно, что вся эта интрига заведена самим Хрещатицким, которому до зарезу хочется попасть в Токио на хорошее содержание и праздное ничегонеделание; он бегает по разным лицам и миссиям, обхаживает всячески адмирала и в производимой мути думает ухватить заветную рыбку.

Ушел от меня очень недовольным, так как я высказал полное несогласие с таким бесцельным назначением какого-то особого представителя, раз мы имеем в Японии своих агентов, военного и министерства финансов, с целым штатом приемщиков.

Журчал про непригодность Розанова, про ошибочность политики Иванова-Ринова и, видимо, хотел попасть мне в тон; очевидно, он ведет какую-то махинацию по самоустройству и боится моего противодействия. Едва ли сегодняшний визит окрылил его надежды.

На дороге ряд крушений: каторжный труд личного состава железнодорожников, невероятно напряженный за время эвакуации, очевидно, всех вымотал и переутомил. Ведь выполнена поистине гигантская работа, так как в течение одной недели, при самых тяжких условиях, мы успели угнать по двум одноколейным путям сорок семь тысяч вагонов, составляющих две ленты поездов в триста семьдесят верст длины.

Особенно тяжела служба ночью, так как нет керосина для паровозных фар, и поезд летит в полной темноте, на авось.

С нетерпением жду приезда генерала Головина; с личной точки зрения это освободит меня от должности, на которой я не в состоянии приносить пользу, а в интересах общих дел, быть может, Головину удастся приобрести здоровое влияние на адмирала, освободить его из омского и казачьего плена и сделаться настоящим руководителем нового курса. Я никогда не видал Головина, но отзывы о нем слышал всегда самые благоприятные.

Чем скорее он приедет и чем скорее я уйду, тем будет лучше для дела, так как я совсем не подхожу к характеру адмирала и

всей омской обстановке, а тогда мое движение против общего течения бесполезно, а для общей системы, вернее — бессистемья, даже вредно.

Я слишком резок для адмирала; его уверили, что я мрачный пессимист; что моя окраска всегда сгущена; что я вижу всегда только скверное; что я вздорен и неуживчив и т. п. Я вижу, что к моим докладам он относится с осторожкой, не умея иногда скрывать предубеждения; он уступает силе доводов и искренности убеждения, порывисто переходит на мою сторону, но все это мимолетно, непрочно и только до чьего-нибудь доклада, который разобьет мои доводы и может привести к новому, совершенно иному решению.

Я знаю, что те, кому я мешаю в их честолюбии и личных делах и которые боятся моей резкой критики и прямолинейности, пользуются всяким случаем, чтобы показать, что я желчный и завистливый брюзга, которому хочется во все совать свой нос и который по неуживчивости характера и неудовлетворенному честолюбию на все ворчит.

При уменьи потрафить адмиралу и при подтасовке фактов доказать это не трудно, ибо моя деятельность идет вразрез со всем остальным, причем в оценках, критике, выражениях, характеристиках, а иногда и распоряжениях я действительно не стесняюсь, но делаю это не по тем причинам, которые выставляются моими противниками, а потому, что иных способов воздействия нет, а иногда сугубой резкостью хочется обратить внимание верхов на совершающееся и заставить их призадуматься, присмотреться и покопаться.

Лично мне безразлично, что мой так называемый пессимизм и мое отчаяние от предвидения будущего вся эта темная компания оценивает как озлобленность честолюбца и зависть; им, по их существу, не дано понять, что могут быть иные, более чистые чувства и побуждения, которые вызывают эти пессимизм и отчаяние.

Быть может, мой крупный недостаток в том и заключается, что во мне мало честолюбия, мало заговорщицкой энергии, мало желания разметать всю эту кучку и самому пробраться на более решительные амплуа.

4 августа. Дело с арестом Касаткина возмутительно по своей поспешности; все это проведено с черного крыльца, с очень темным участием контр-разведки и под несомненным влиянием

адъютантской передней, использовавшей вспыльчивость адмирала и его желание реально и круто показать свою силу в борьбе с служебными злоупотреблениями. Быть может, и искренно, но помальчишески задорно и неумело ближайший антураж адмирала подбил его громово хватить по взяточничеству и казнокрадству; провели все очень секретно, при деятельном участии контр-разведки, постаравшейся потрафить начальству, на что ее дельцы большие мастера.

Казалось бы, что при замятом деле Зефирова с его возмутительной покупкой чая за тройную цену, при лежащем без движения деле Омского военнопромышленного комитета, при грабительском режиме атаманов и при темных порядках в деятельности некоторых агентов министерства снабжения можно было давно найти десятки случаев, чтобы показать силу и грозность власти, готовой испепелить все зло и тех, кто его творит.

Вместо этого адъютантская передняя выследила одну из мелких компаний местных взяточников и, не понимая, что творит, настроила адмирала грохнуть по всей этой воробьиной куче сразу из царь-пушки.

Касаткина примазали к сенсации ради пущего эффекта и показательности беспристрастия власти, не останавливающейся перед положением виновных; бедного Касаткина заставили играть роль того украшения из овощей, которое прибавляется в плохих ресторанах к разным блюдам, чтобы скрасить порченый материал и плохое приготовление.

Все, знающие Касаткина, возмущены его арестом; Устругов ездил к адмиралу по этому поводу; адмирал как-то сконфужен, но приказ о предании суду уже отдан, и дело идет.

Написал Бурлину как заместителю наштаверха официальное письмо и как старший офицер генерального штаба прошу осведомить о причинах ареста генерала генерального штаба и выражаю уверенность, что это какое-то очень печальное недоразумение и что наштаверх примет необходимые меры, чтобы впредь оградить наш корпус от таких неожиданных, обидных и печальных недоразумений.

В ответ получил только приказ верховного главнокомандующего о предании Касаткина военно-полевому суду за бездействие власти, — обычное умывание рук и спасение за приказ и за букву.

Сидели, зевали, мямлили, покрывали миллионные хищения

Зефирова и К°, военнопромышленников и т. п. — и вдруг по наущению адъютантской челяди из дворцовых передних начинают гвоздить без всякого разбора. Ну, как же тут не быть пессимистом!

Приехал с фронта начальник 1-й кавалерийской дивизии генерал Милович (настоящий генерал, участник большой войны); рассказал про творящиеся на фронте безобразия, про безграмотные распоряжения юнцов-командиров и комгрупп, впереди всех удиравших от возможных неприятностей слишком близкого соседства с красными; по его словам, под Челябинском уложили лучшую часть офицерской и инструкторской школы.

Смотрю на карту и наизлющим образом злюсь; если бы вместо преступной авантюры Лебедева мы стояли бы теперь за укрепленной линией Тобола, сохранив все резервы, подняв материальное и моральное состояние отдохнувших войск и предоставив красным нападать, — как бы выгодно было наше положение. А сейчас наше положение много хуже того, что было год тому назад, ибо свою армию мы уже ликвидировали, а против нас наступает регулярная красная армия, не желающая — вопреки всем донесениям нашей разведки — разваливаться; напротив того, она гонит нас на восток, а мы потеряли способность сопротивляться и почти без боя катимся и катимся.

Весь ужас в том, что гонит нас не красная армия, не искусство ее вождей, а результаты профессиональной безграмотности нашего наштаверха, его мальчишеского задора и самомнения; нас гонит неуменье сорганизовать настоящую армию, поставить на ответственные места опытных и знающих исполнителей; нас убивает превалирование честолюбия над подвигом, задора над опытом, авоськи над расчетом, усмотрения над законом, безвластие и общий нравственный развал.

Год тому назад население видело в нас избавителей от тяжкого комиссарского плена, а ныне оно нас ненавидит так же, как ненавидело комиссаров, если не больше; и, что еще хуже ненависти, оно нам уже не верит, от нас не ждет ничего доброго.

Весь тыл в пожаре мелких и крупных восстаний, и большевистских, и чисто анархистских (против всякой власти), и чисто разбойничьих, остановить которые силой мы уже, очевидно, не в состоянии. Вот годичные результаты работы ставки на фронте и правительства в стране; от таких итогов можно не то что песси-

мистом сделаться, а выть от отчаяния. Стоим опять перед разбитым корытом, с задачей начинать все снова, в самых тяжелых условиях.

Омские оптимисты кричат, что вот-де поднимется сибирское казачество и красные посыплются, как чурки: очередные выкрики на тему «шапками закидаем». Если бы это было правдой! Ведь верить этому может только тот, кто неспособен ни к какому подсчету и учету всего происходящего и способен жить в атмосфере трескучих фраз, пускания мыльных пузырей и построения маниловских воздушных замков.

Я считаю, что наше спасение в Деникине и в том, чтобы нам удалось продержаться до зимы, приступив немедленно к самым коренным и решительным реформам как в армии, так и во всей системе государственной работы. Надеюсь, что приезд Головина и командование Дитерихса успеют тогда внести систему в организации, сократить усмотрение, ликвидировать или сузить влияние атаманщины, поставить на верхи опытный командный состав и упорядочить снабжение; тогда к весне 1920 года можно будет иметь небольшую, но надежную и хорошо управляемую армию и готовые резервы за ней, т. е. то, что нужно, чтобы быстро, как говорится, в два счета, покончить с красной армией. Одновременно надо добиться занятия тыла союзными гарнизонами и введения там законности и здорового порядка.

Разведка сообщает, что нажим красных должен ослабеть, так как имеются-де данные, что большевики собираются, в случае развития успехов Деникина, отходить на Туркестан, Индию, Персию и Китай, чтобы зажечь там такой красный пожар, который спалит всех союзников. Наши оптимисты готовы строить на этом самые радужные планы.

5 августа. Отход фронта продолжается; остатки третьей армии с огромным трудом выкарабкиваются из того катастрофического положения, куда завело их честолюбие Лебедева и его желание спасти свою валящуюся репутацию. Все положение теперь зиждется на том, что сделает Дитерихс; пока он отдал весьма дельные распоряжения самым спешным порядком отвести за Тобол наиболее расстроенные части армии и дать им отдышаться; не нравится мне только то, что, как заявлено, это делается для последующего перехода в наступление, т. е. для того, на что мы совершенно сейчас неспособны. Эта нелепая привязан-

ность к наступлению во что бы то ни стало и боязнь «подлой» обороны составляют лейт-мотив нашей ставки, где главные места по оперативной части заняты преподавателями нашей военной академии, помешавшейся после 1905 года на идее наступления; у нас, ведь, даже уничтожили самое слово «оборона» и подвергали херему всякого, кто осмеливался даже мыслить, что на войне бывают — и нередко — такие случаи, когда оборона является лучшим способом действия.

Бывая в ставке, отдыхаю, глядя на работу полевого инспектора артиллерии генерала Прибыловича, выполнившего и продолжающего выполнять огромную и планомерную работу по восстановлению нашей артиллерии; сам Прибылович это редкий талант по организации, подвижник идеи и долга, поразительный пример для всех подчиненных в отношении добросовестности, работоспособности и в выполнении идеала быть первым среди подчиненных по работе и последним на отдыхе; все у него систематизировано, налажено, находится у него в руках и дает блестящие результаты.

Вечером заседание совета министров; перед заседанием обычный в таких случаях доклад о положении на фронте, делаемый, по вступлении в должность первого генерал-квартирмейстера генерала Андогского, лично им самим; доклад оставил на мне самое неприятное впечатление своим оптимизмом и замазыванием очень тяжелого положения; вместо того, чтобы сказать членам правительства правду, Андогский очень цветисто, с апломбом опытного лектора повествовал об «оздоровлении армии», о возможности скоро опять перейти в наступление и о том, что в челябинской операции наши войска показали блестящие способности маневрировать; такие вещи можно докладывать только по незнанию и по неспособности понять положение армий или же с заведомым намерением скрыть правду и выгородить ставку.

Быть может, вполне допустимо несколько вуалировать подобные доклады, особенно в деталях, которые, не будучи существенными, способны навести ненужное уныние на мало понимающих военное дело членов правительства, жены, друзья и подчиненные которых немедленно растащат панику по всем стогнам столичного града Омска; но такая разумная осторожность бесконечно далека от того благополучия, хвастовства и славословия, коими журчал сегодня сладкоглаголивый академист.

Вместо чрезвычайно опасного гашиша такого лживого опти-

мизма представитель ставки, уполномачиваемый осведомлять правительство о состоянии фронта и ходе боевых действий, обязан сказать членам правительства правду, показать им опасность положения, убедить их в необходимости сильных решений, одним из коих должен быть немедленный отъезд правительства и адмирала из Омска, что очень легко объяснить, включив Омск в армейский район, что делает пребывание правительства в нем недопустимым и по логике и по положению о полевом управлении войск.

Ведь таково желание фронта, Дитерихса, командующего войсками Омского округа и тех немногих лиц, которые понимают, что прочность правительственной власти не может зависеть от пребывания ее в Омске; французское правительство не хотело оставлять Париж в самые тяжелые минуты немецкого навала на фронт, но было бы по-детски глупо и смешно равнять нашу растрепанную казачью станицу и факт переезда из нее довольно безразличного для населения правительства с фактом переноса французской столицы куда-нибудь на юг Франции.

Третьего дня в кабинете председателя совета министров я очень осторожно начал разговор о своевременности подумать о переезде на восток, но на меня накинулись так, как будто я говорю нечто недопустимое; особенно горячился искренний, решительный и импульсивный Пепеляев; сегодня, после доклада Андогского, наши оптимисты совсем расцвели и, подойдя ко мне, говорили: «Вот видите, как вы ошибались, говоря о положении фронта». Ответил им, что остаюсь при старом мнении, так как считаю, что лучше переехать заблаговременно, чем в обстановке общего пожара; это будет только умная гарантия от всяких случайностей и об этом нужно думать так же, как и о том, чтобы бросить бредни о наступлении, а перейти к обороне на укрепленных позициях до тех пор, пока не укрепимся настолько, чтобы иметь действительное право на наступление.

Вечером заседание у адмирала с приглашением всех старших генералов; надеялся, что наконец-то все обсудим и примем сильные решения, а вышло, что только поболтали и разменялись на самые жалкие мелочи.

Очень много бубнил Иванов-Ринов, настоящий митинговый оратель; адмирал слушал его с удовольствием, потому что тот подавал материал, приходившийся по душе адмиралу.

Бесконечно долго жевали вопрос об организации белой гвардии, ставший очередным, модной nouveauté, в которой видят спасение от всех зол. Иванов-Ринов с наслаждением старой полицейской ищейки смаковал вопрос об облавах в Омске на офицеров и о постановке по Иртышу постов для ловли дезертиров с немедленным их расстрелом; казалось бы, что столь высокому и собранному для важной цели совещанию совершенно неуместно заниматься такой дрянью, но о ней проболтали больше часа.

Едва добился слова и высказал, что спасение не в создании насильственно белой гвардии, не в сугубых карательных мерах, а в установлении крепкой и реальной власти, приказы и распоряжения которой беспрекословно исполнялись бы ее агентами и были бы для населения не только жупелом и писаной бумагой; надо покончить с атаманщиной на фронте и в тылу и с разными автономными организациями; надо, чтобы власть была освобождена от тлетворного влияния разных кружков, партий, сословных и классовых организаций.

Немыслимо существование такой власти, которой приходится гадать на пальцах, исполнят или нет отданное распоряжение и при неисполнении делать вид, что она этого не замечает.

С военной точки зрения, дряблая власть немыслима, и все атаманствующие элементы должны быть сокрушены во что бы то ни стало, ибо это белый большевизм, язва, гангрена, которая нас слопает.

Нужны героические меры по сокращению армий, по уничтожению расплодившихся штабов и по расформированию дивизий в 400 штыков при 6 — 7 тысячах нестроевых и штабных чинов. На командные должности надо поставить настоящих начальников, умеющих распоряжаться боем и войсками; нужно, чтобы начальники и штабы всколыхнулись и своим примером показали, как надо служить родине в столь тяжкие времена. Надо открыто глядеть в лицо опасности от развала офицерства.

Нужно все это сознать, оценить всю его важность и грозность, поставить на очередь текущего часа целый ряд неотложных организационных реформационных вопросов и властно их осуществить; полицейские же меры, облавы и пр. предоставить усмотрению командующего войсками округа и его комендантам.

Затем я коснулся вопроса о резервах, о несоответственных способах их подготовки и выразил сожаление, что фронт израсхо-

довал наши последние резервы, причем было нарушено обещание не трогать их ранее середины августа.

Адмирал был очень рассержен моим докладом, не дал мне кончить, а когда я хотел впоследствии возражать Иванову-Ринову, то сделал вид, что не слышит моей просьбы дать мне слово.

Меня решительно, но одиноко поддержал один только генерал Матковский, заявивший, что вполне присоединяется к словам управляющего военным министерством. Моя горячая речь осталась только сотрясением воздуха; вместо ее обсуждения занялись вновь полицейскими измышлениями Иванова-Ринова. Только старая дисциплина удержала меня от того, чтобы встать, извиниться каким-нибудь предлогом и уйти из этого заседания.

Вернувшийся с фронта Лебедев выглядит попрежнему важно, беззаботно и весело, его пустая голова и ничтожное сердце, очевидно, не понимают, что его честолюбие проложило армии и родине длинную тропу бед и испытаний; что благодаря его профессиональной безграмотности сведены на-нет все успехи прошлого года и что сейчас наше спасение только в том, чтобы немедленно выгнать из ставки его и его никчемушных сотрудников по погублению сибирских белых войск и начать все снова.

Лебедев со свойственной ему резкостью и надменностью набросился на Матковского за то, что подчиненный последнему округ не сумел приготовить во время 11-й, 12-й и 13-й дивизий, сказав, что начальники дивизий и командиры полков оказались никуда не годны, так как управляли боем по телефону.

Чем виноват Матковский, все время докладывавший, что дивизии для боя не готовы, в том, что эти дивизии были жульническим образом уведены на фронт, где их погнали в бой, не считаясь с тем, что они не умели маневрировать и не кончили курсов стрельбы. При этом погнали в бой чуть ли не из вагонов, поставили сложнейшие боевые задачи; одна из дивизий была пущена в бой после 62-верстного перехода, причем последние 16 верст ее гнали форсированным шагом; таких преступных экспериментов не выдержали бы и многие дивизии старой кадровой армии.

Вечером заседание совета министров. Общая грозовая атмосфера развязала языки, и начались взаимные попреки и уязвления. Преображенский очень ядовито сказал, что доправительствовались до того, что даже грудные дети нас ругают. Раздрайка выяснилась капитальная.

Хотели по примеру всех запутанных и катастрофических времен и положений образовать совет обороны с участием в нем министров.

Как представитель военного ведомства, решительно высказался против, заявив, что в обычное время это было бы вполне целесообразно, но сейчас нужна сильная и единая на фронте власть и одна доверенная голова и связывать их разными советами не время; пользы от этого никакой, а всякой проволочки и возможного вреда сколько угодно.

В городе сплетничают, что некоторые дальновидные министры достали, на всякий случай, пролетарские костюмы.

Адмирал опять уехал на фронт, убеждаемый близкими советниками, что в этом что-то магическое, способное выправить положение.

Тюмень накануне перехода к красным. Дитерихс пытается произвести реорганизацию армий, но сейчас это почти неосуществимо в обстановке общей разрухи.

Иностранцы под разными благовидными предлогами начинают отбывать на восток — зловещий признак того, что мы «взвешены» и найдены «легкими».

Вечером потерял несколько часов в безнадежной теперь комиссии по снабжению предметами первой необходимости населения местностей, освобождаемых от большевизма. Как это характерно для нашей правительственной работы вне времени и пространства! Неужели же нет ничего более срочного и реального?

В довершение словесного потопа, на заседание прибыли новые члены из состава государственного экономического совещания, пожелавшие отличиться; они томительно заливали нас потоками красноречия на разные темы о выеденном яйце.

7 августа. Лебедев пытается проявлять кипучую деятельность; собрал, как военный заместитель адмирала, продолжение последнего совещания. Просидели мы около шести часов, занимаясь невероятными пустяками. Началось с создания белой гвардии, и первым оратором выступил сам наштаверх, понесший какую-то детскую околесицу. На этот раз не выдержал, перебил его доклад и коротко выявил всю его несостоятельность.

Важный наштаверх натопорщился и попробовал стать в положение повелевающего, но я закусил удила; единодушная под-

держка большинства участников заседания, мне выявленная, сбила Лебедева с гордой позиции.

Вглядываясь во внутреннее содержание этой большой по наружности, но ничтожной по содержанию фигуры, завидуешь удаче большевиков и неблагосклонности к нам фортуны, выбросившей во главу распоряжения сибирскими войсками такую безнадежную ограниченность.

Бетонноголовый, но очень решительный Сахаров пытался опять наступать, причем окончательно расквасил последние сохранившиеся остатки своей армии. При этом произошла какая-то частичная катастрофа, которую усердно скрывают.

Дитерихс занялся приведением в порядок армейских тылов; сейчас это легче сделать, так как многочисленные штабы, управления и хозяйственные склады, спасая свои шкурки и достатки, в паническом стремлении удрать подальше от фронта, проскочили за Омск, лишились непосредственного заступничества своих командармов и их сейчас не трудно ущемить и ликвидировать. Дитерихс послал несколько полномочных комиссий, чтобы все это разобрать.

В Барнаульском районе начались крупные восстания — результат хозяйничанья разных карательных экспедиций и отрядов особого назначения; к Вологодскому приезжал из Славгорода какой-то крестьянин, из бывших членов Государственной думы, и жаловался, что в их округе нет деревни, в которой по крайней мере половина населения не была перепорота этими тыловыми хунхузами (очень жидкими по части открытой борьбы с восстаниями, но очень храбрыми по части измывательства над мирным населением)...

8 августа. Продолжительное заседание совета министров с вызовом туда Лебедева и всех генерал-квартирмейстеров. До начала заседания поднял вопрос об эвакуации Омска, указав, что таково общее желание фронта, Дитерихса, окружного начальства. Получил ответ, что зато категорически против сам адмирал и все союзники, которые-де считают, что отъезд правительства из Омска это его гибель, и что таково мнение всех знающих настроение Сибири...

В конце заседания получена телеграмма верховного правителя о немедленной эвакуации из Омска всех министерств; я облег-

ченно вздохнул и мысленно поблагодарил Дитерихса, под влиянием которого было принято это благое и умное решение.

Это было полной неожиданностью, так как только что совет министров решил из Омска не уходить и Омска не эвакуировать.

Начались новые дебаты, в результате которых превозобладало решение михайловского большинства, всецело поддержанного представителями ставки, и совет министров, не обращая внимания на телеграмму адмирала, постановил из Омска не уезжать, а только свернуть министерства до последней возможности с тем, чтобы их легче было потом эвакуировать.

Вместо дела решили заняться взывательной и рекламной шумихой и «показать стране и населению, что правительство бодро смотрит на будущее, что оно сильно, решительно и перешло к властной, энергичной работе на устройство страны и на ее защиту». Что может быть пустопорожнее этих трескучих фраз после годовой деятельности, реально показавшей, что сумело дать стране это самое правительство во время расцвета своей силы и кульминационного положения. Кто поверит теперь трескучке, которой завтра оклеят все омские заборы и плакатные доски на больших станциях. Ведь население ценит нас не по величине плакатов и не по звучности взывательных фраз, а по делам нашим.

Вообще к концу заседания пар поднялся очень высоко, но я видел, каким он был в начале заседания, а то, что так быстро поднимается, падает в минуты испытаний еще быстрее.

Сначала хотел подать особое мнение, но, видя, что михайловское правительство победило и что решения об эвакуации Омска не изменить, махнул рукой; вышло кстати, так как при голосовании оказалось, что при присутствии Лебедева я права голоса не имею.

Вторая часть заседания ушла на обсуждение вопроса о создании комитета обороны; Тельберг, ярый сторонник этой идеи, поднес ее под умело составленным соусом и получил одобрение Лебедева и К°. Решение запоздалое: существуй комитет раньше, быть может, при его помощи можно было парализовать неумелую деятельность ставки и справиться с беспорядками по министерству снабжения; сейчас же — уже не до комитетов.

Получил неприятное известие, что вагоны, отправленные мной для Южной армии, туда не проскочили; произошло это потому,

что офицеры-приемщики не поехали вместе с эшелонами и последние, никем не опекаемые, болтались по станциям и попали в Челябинск уже ко времени его очищения и их погнали назад в Курган. Сообщил об этом командарму Южной с просьбой расстрелять немедленно этих приемщиков, если те к нему явятся.

Положение Южной армии трагическое; она всегда была каким-то пасынком — сначала у Западной армии, а потом у фронта; у ней не было собственной этапной линии, и ей перепадало только то, что благоволила пропустить Западная армия. Между тем, судя по всем распоряжениям и действиям, у командующего этой армией генерала Белова хорошо сделанная голова, правильно поставленное мышление, хорошее знание дела, понимание значения тыла и заботливость о войсках.

При наличии в наших операциях здравого смысла, Южной армии должно было принадлежать преобладающее значение, как ближайшей к Деникину, но этого (причины, господи, ты веси) не произошло.

Сейчас наши ставочные стратеги сначала привели эту армию на край гибели, обеспечивая ею челябинскую авантюру с юга и задерживая ее своевременный отход, а потом валят на нее такие несосветимые по своему идиотству задачи — «обязательного прикрытия дороги на Ташкент, для чего ей разрешается постепенно отходить, скользя левым флангом вдоль Ташкентской железной дороги». Только протухшие мозги могут родить такую задачу, очень эффектную в академической аудитории или в диссертации, но нелепую в современном положении Южной армии.

Беспокоюсь очень за уральцев и их снабжение; то, что слышу про этих эпических борцов против красных, сделало их моей слабостью, и я готов на все, чтобы им помочь. Сам теперь уже бессилен продолжать что-нибудь им посылать и усердно просил Нокса взять их снабжение на себя подачей всего необходимого по Каспийскому морю на Гурьев. Отзывчивый, как всегда, Нокс обещал сделать все возможное.

9 августа. Маленький проблеск приятного в виде надежды наладить собственную выделку хирургических инструментов, гигроскопической ваты и лигнина; нашел машины и знающих дело людей; во всем этом огромная нужда, и возможность стать на собственные ноги очень приятна.

Вернулся домой в три часа утра; так долго тянулось заседание совета министров, в котором большинством семи голосов против шести одобрен проект совета обороны, для фронта совершенно не приемлемый. Я долго боролся против этого решения, но, видя свое бессилие, написал записку-протест и передал ее Бурлину с просьбой доложить адмиралу мое мнение.

Вот, если удержимся до зимы, то тогда надо обязательно создать такой совет, но не в тельберговской или в советской редакции, а как помощь адмиралу в его работе и как корректив ставки и снабжений. У Тельберга получается очень скверная копия гофкригсрата, да еще из штатских людей.

Вчера состоялась публичная лекция полковника Котомина, бежавшего из красной армии; присутствующие не поняли горечи лектора, указавшего на то, что в комиссарской армии много больше порядка и дисциплины, чем у нас, и произвели грандиозный скандал с попыткой избить лектора, одного из идейнейших работников нашего национального центра; особенно обиделись, когда Котомин отметил, что в Красной армии пьяный офицер невозможен, ибо его сейчас же застрелит любой комиссар или коммунист; у нас же в Петропавловске идет такое пьянство, что совестно за русскую армию.

10 августа. Новая серия картин омского кинематографа. Лебедева решили убрать, а на его места по должности наштаверха и военного министра назначается Дитерихс, остающийся вместе с тем и главнокомандующим восточным фронтом; сначала вздваивали должности, а теперь начинают их встраивать; неужели же думают, что единство и стройность управления достигаются сваливанием в одну кучу трех совершенно несовместимых должностей: командной, штабной-оперативной и административной-тыловой. Нет людей, чтобы хорошо справиться с каждой из этих трех должностей в отдельности, и в то же время валят на одного человека все их три вместе.

Лебедева назначили командующим южной степной группой, выдумав это абсолютно ненужное новое соединение только для того, чтобы спустить куда-нибудь ставшего уже невтерпеж всем наштаверха. Нам надо уничтожить десятки ненужных штабов и управлений; мы комичны с нашими бесчисленными штабами и, несмотря на это, создаем новый штаб армии, т. е. целое грандиозное по личному составу учреждение только ради того, чтобы

устроить золотой мост выгоняемому по негодности и принесшему столько вреда ничтожеству.

Иванов-Ринов развертывается все шире и шире, гребет деньги и матерьялы обеими лапами, грозно машет руками и сулится не только все выручить, но и неукоснительно покорить под нозе всех противящихся.

Был вызван к новому военному министру Дитерихсу; видел его впервые; впечатление унес смешанное; есть какое-то «но», в котором еще не разобрался. Первые распоряжения до нельзя странные, так как упраздняются только что сформированные штабы фронта и управления главного начальника снабжений фронта и снабжение армий возлагается непосредственно на главные управления военного министра, то-есть что-то весьма импровизированное и противоречащее всему духу Положения о полевом управлении войск; вместе с тем заявляется, что вся эта реформа только на 4 — 6 недель, а когда начнется уже решенное наступление и фронт пойдет вперед, то управления главного начальника снабжений будут опять восстановлены.

Из этих распоряжений лезет какое-то непонятное мне легкомыслие и подозрение, что новое трехглавое начальство совершенно не представляет себе, как производятся и что значат такие преобразования и реформы. Это напоминает горизонт очень мелкого радиуса; даже странно, что бывший генерал-квартирмейстер настоящего фронта не понимает, что такое значит сформировать и расформировать десяток очень сложных отделов, составляющих управление снабжений.

По сообщенному же плану выходит, что для Дитерихса эти сложные, требующие многих недель времени переделки представляются тем же, что переложить поводья из одной руки в другую.

Ведь даже при отлично налаженной общей организации все такие реформы очень болезненно отзываются на войсках, перебивают обычный уклад их существования, вызывают разлаженность снабжения и всевозможные задержки.

Едва войсковые штабы и управления к чему-нибудь привыкнут, мы все ломаем и подносим им новое; все это вызывает в нашей скрипучей системе такие мертвые ходы, что у нас вверху идет вторая или третья перестройка, а низы продолжают жить по позавчерашней первой.

Исследование удравших в район Новониколаевска и даже

Красноярска армейских и войсковых тыловых учреждений дало ничуть меня не удивившие открытия в виде 30 тысяч пар сапог в одном эшелоне, 20 тысяч пар суконных шаровар в другом, 29 тысяч пар белья в третьем и пр. и пр.; нашли вагоны с револьверами, биноклями и разным снаряжением, над которым мы распластывались, стараясь возможно скорее подать его войскам; все это попадало в руки разных начхозов, не в меру заботливых о будущих нуждах своих частей, и складывалось ими про запас на будущее время. А фронт и армия вопили, что у них ничего нет, не пытаясь даже заглянуть в хранилища своих же частей и учреждений.

Случай на почте дал мне возможность познакомиться с какой-то таинственной бухгалтерией между чехами и Жаненом; ко мне попал конверт, шедший от какой-то чешской комиссии к Жанену с требовательной ведомостью текущих ассигнований. Дежурный офицер вскрыл конверт и положил мне в очередную почту. Я наткнулся на эту бумагу, удивился, почему она ко мне попала, но, пробегая ради любопытства ведомость, узрел, что вслед за разными рубриками на разные виды довольствия указывается к зачету круглая сумма в девять миллионов франков «за спасение для русского народа Каслинского завода».

Выходит, что чехи не только нагребли у нас сотни вагонов нашего имущества и разбогатели на нашем несчастии, но и ставят на какой-то таинственный счет разные «спасения», связанные с их вооруженным выступлением против большевиков.

Отправил эти ведомости по назначению, штаб Жанена поднял целую бурю, требовал сурового наказания начальника полевой почтовой конторы; очевидно, эта бухгалтерия составляет пока секрет ходких на разные приобретения чехов и их покладливого шефа и не подлежит оглашению до тех пор, пока не будет предъявлен при надлежащей обстановке общий счет за чешские услуги.

11 августа. Родилась новая организация ставки: Дитерихс в тройной короне своих должностей с тремя помощниками Андогским, Бурлиным и мною, причем опять заявлено, что это на несколько недель, до начала наступления, которое назначено в начале сентября.

Затем все будет так, как решит едущий сюда генерал Головин, назначаемый начальником штаба верховного главнокомандующего. Наступление будут вести Сахаров и Лебедев, причем послед-

нему дадут всех казаков. Совершенно не понимаю, какое наступление возможно с остатками наших развалившихся армий и при полном отсутствии каких-либо резервов.

Имел двухчасовой разговор с Дитерихсом; он понимает недостатки существующей организации фронта, но недостаточно решителен в вопросе сокращения старших штабов; к сожалению, он усвоил себе сибирскую точку зрения на то, что гражданская война требует старших начальников, ходящих в атаку с винтовкой в руке. Положение армий он учитывает неправильно, но считает себя непогрешимым авторитетом, подчеркивая, что все последнее время он провел в самой гуще войск и отлично знает их состояние и настроение.

Такое неправильное знание хуже незнания, ибо, при уверенности в правильности взгляда, поведет Дитерихса на решительные шаги по части наступления. Он самым решительным образом отверг мое мнение, что армии уже неспособны к наступлению, и рассказал мне идею предстоящей операции: наступление решено вести в пространстве между Тоболом и Ишимом, нанося главный удар своим левым флангом, на котором предположено сосредоточить все конные части. По идее план совсем хороший, но по состоянию войск и по неимению резервов для развития длительной и напряженной операции неосуществимый.

На мое замечание о том, что, по моим сведениям, солдаты да и часть офицеров не хотят воевать, Дитерихс очень сухо заметил, что все это очень преувеличено и искажено разными болтунами, и затем все время держал меня в рамках разговора о снабжении, — выходило на манер «сапожник, знай свои сапоги».

Тем не менее, я спросил Дитерихса, какие же у него планы на случай неудачного наступления, на что он ответил: «Разобьемся на партизанские отряды и, как в 1918 году, начнем снова». Это уже полный абсурд, ибо трудно представить себе обстановку, более отличную от 1918 года, чем настоящая; тогда мы боролись с разрозненными толпами местной красноармейщины, а сейчас против нас регулярная армия, руководимая военными спецами из нашего же брата; тогда население было за нас, а теперь оно против нас; все это делает партизанскую войну для нас почти невозможной.

Приходил сияющий и торжествующий Иванов-Ринов, плавающий в блаженстве разведенной им шумихи, торжеств, речей и

похвальбы разгрома красных поднимаемой им казачьей силой. Идет печальное повторение идеи поднять настроение надрывом и угаром трескучих фраз; пользы от этого никакой, а вреда очень много, ибо туманит глаза, застилает правду, смягчает остроту положения и настраивает на неуместный оптимизм.

Поднимать настроение не мешает, но это надо делать умело и не словами, а делами; когда же туман застилает дорогу «консулам, которым надо зорко смотреть далеко вперед», то немудрено свалиться в яму.

В нашей гнилой атмосфере очень успешно зарождаются разные песьи мухи; прибывший с юга генерал Лебедев 2-й, приняв вместо Касаткина должность главного начальника военных сообщений, выговорил себе право немедленного возвращения обратно в Екатеринбург для выбора себе там помощников и состава служащих, ибо местные, по его заключению, никуда не годны.

Ну, что все это он написал на докладе, это еще понятно, ибо со времен революции все обнаглели; но то, что Дитерихс дал свое согласие на эти условия, прямо умопомрачительно; трудно сказать, что больше: наглость просившего или абсурдность давшего.

Выходит, что явился из-за морей некий гусь, отказался ехать на фронт, ухватил кстати подвернувшееся и подходящее по цензу место, признал всех неучами, повертел носом, и, вместо того чтобы работать и учить нас, неучей, отбывает опять на юг примерно на 5 — 6 месяцев, предоставляя неучам за него работать.

Написал письмо наштаверху с протестом против такого нелепого назначения; в былые времена в генеральном штабе такие случаи были органически невозможны.

Приходил ко мне порядочно выпивший Иванов-Ринов и в пьяной болтливости высказал несколько весьма характерных мыслей из своей системы управления:

1) Предать суду и публично расстрелять некоторое количество спекулянтов (конечно, жена его казачьего превосходительства, привозившая с Дальнего Востока товары вагонами, ничего не платя за провоз, а потом публично продававшая их в Омске по кубическим ценам, к числу спекулянтов не относится).

2) Устраивать постоянные облавы на офицеров и чиновников, причем известный процент захваченных тут же расстреливать.

3) Объявить поголовную мобилизацию, ловить уклоняющихся и тоже расстреливать.

Симпатичная идеология, не предвиденная даже Щедриным, изобразившим в «Истории одного города» самые разномастные типы российских помпадуров.

И, однако, этот городовой вылез на амплуа общего спасителя, и на него с надеждой и упованием взирает вся посеревшая от страха буржуазная слякоть и ждет, что сей рыкающий лев наверняка избавит ее от красного кулака.

12 августа. Лентяи и трусы заволновались, засуетились; все стали проявлять суматошливую, хаотическую деятельность, особливо по части советов и спасительных рецептов; по диагнозу болезней государственно-общественных организмов это очень скверные признаки.

Сейчас омские канцелярии и приемные напоминают потерявшие регулировку машины или кинематографические ленты, летящие с двойной быстротой; обычная картина работы ленивых рабов, трясущихся пред надвигающейся грозой и пытающихся в минуты наверстать то, что потеряно в часы и дни.

Поздно крепить паруса, когда от лени и недосмотра треснули мачты, а вся корабельная снасть сгнила.

Вся эта суматоха только усугубляет общий сумбур и отражается на обычной текущей работе; в одно русло сливаются часто самые противоречивые распоряжения, сталкиваются друг с другом, отменяют друг друга.

Масса охотников быть спасителями; появились прожектеры с первосортными и безотказными по части спасения рецептами; как и полагается всегда в такое время, появились изобретатели особо-истребительных пушек, чудодейственных аэропланов, бомб и пр. и пр., — неизбежное явление — спутник случайного нервного подъема толпы, сопровождающего всегда критические периоды военного счастья.

Аппетит Иванова-Ринова по части денег и матерьялов не знает предела; он чувствует себя полновластным хозяином положения и не стесняется; хватка у него по этой части настоящая казачья.

Сначала говорилось, что казакам нужны только одни винтовки, но это было повторением рассказа о приготовлении щей из топора; за винтовками посыпались требования, подкрепляемые весьма недвусмысленными угрозами на случай неисполнения, и ко вчерашнему дню Сибирскому войску выдано: 102 миллиона

рублей; все снабжение летнее и зимнее на 20 тысяч человек, седла, упряжь, значительная часть обоза и обозных лошадей.

Все наличие идет казакам; снабжение полураздетой и потерявшей свои запасы армии фактически приостановлено; на мои заявления получаю приказания прежде всего удовлетворить казаков.

Исполняю приказы и вспоминаю рассказы свидетелей такого же поголовного выхода оренбургских казаков, получивших всякое пособие и снабжение, а потом расплывшихся по своим станицам.

Кроме казны, Иванов-Ринов не забыл и буржуев; биржевым комитетам Сибири почти что приказано дать деньги для вспомоществования казакам.

Смотря на Ринова, думаю, что он временами даже искренен во всей деятельности и воображает, что действительно из его шумихи что-нибудь выйдет; он одурманен честолюбием, головокружительным успехом своей затеи и увлечен верой в возможность повести людей на лишения и подвиг, взвинтив их минутное настроение шипучими словами.

13 августа. Вернулся домой в 4 часа утра; в 11 часов ночи началось знаменательное закрытое заседание совета министров; грозность положения смыла сразу весь глянец искусственно-дружеских отношений, и начались грызня, обвинения и уязвления.

Гинс обрушился на заместителя совета министров Тельберга и на совет верховного правителя с яркими обвинениями в олигархии, в проведении указов задним числом и т. п. Это развязало языки.

10 месяцев совет министров был только фиктивной властью, исполняя все то, что было угодно Михайлову, Сукину и К°, все насущные вопросы государственной жизни решались в секретных заседаниях пятерки министров-переворотчиков, членов совета верховного правителя, причем остальные члены совета министров совершенно не знали, что делается в этом тайном совете и какие решения там принимаются; это была настоящая дворцовая камарилья, пленившая представителя верховной власти, помыкавшая ип по своему желанию и управлявшая его именем.

В своем нападении Гинс воспользовался тем, что Тельберг, недовольный, что совет министров не принял его редакции проекта совета обороны, а утвердил его в иной, неугодной Тельбергу редакции, добился подписания адмиралом указа, утверждающего со-

вет в тельберговской редакции, причем для получения права первенства и преимущества над оставшейся таким образом за флагом редакцией совета министров указ верховного правителя был помечен задним числом (7 августа) по сравнению с днем соответственного заседания совета министров.

Трудно найти название этому поступку, совершенному заместителем председателя совета министров, министром юстиции и генерал-прокурором ради удовлетворения своего самолюбия и ради того, чтобы настоять на своем (при этом очень характерно, что по тельберговской редакции права совета обороны передавались совету верховного правителя, т. е. той же олигархической пятерке).

Я вполне разделил мнение Преображенского и других уважающих себя министров о необходимости всему составу совета министров немедленно же подать в отставку, ибо происшедшим совет министров доведен до последней степени унижения и дальше итти некуда.

Тельберг всячески вывертывался, но факт настолько ясен, что было неловко слушать эти жалкие оправдания.

Гинс поставил на голосование, доверяет ли совет министров совету верховного правителя, который ведет свою собственную политику, не считаясь совершенно со всем правительством; это предложение, конечно, не получило большинства, ибо за Михайловым всегда стоит квалифицированное большинство в нашем совете.

Предложение Преображенского о выходе правительства в отставку было также смазано под предлогом, что это отразится на настроении страны и фронта; думаю, что и та и другой встретили бы наш уход с ликованием, хотя бы потому, что в этом крылась бы надежда на перемену неудачного курса и на улучшения.

Государственный контролер внес предложение обратиться непосредственно к верховному правителю с запросом по поводу участившихся за последнее время единоличных указов, выпускаемых по таким случаям, в которых нет ничего спешного, чрезвычайного и что может быть проведено нормальным порядком через совет министров; предложение это также большинства не получило.

Постепенно страсти разгорелись, свалились все фиговые

листы, во всей безнадежности представились разрозненность, хилость и дряблость правительства, пестрота его членов, искусственность состава, ничтожество председателя. . .

Начались бесчисленные голосования разных резолюций и предложений; результаты семь против пяти, шесть против шести и т. п. На голосовании, не помню, какой по счету резолюции, я наотрез отказался голосовать (не воздержался, а отказался), заявив, что все сегодняшнее заседание слишком ярко показывает, что никакого объединенного кабинета у нас нет, а при таком положении я считаю недопустимой профанацией голосование серьезнейших и животрепещущих вопросов государственного бытия и судьбы нашей родины. Не стоит тратить времени, чтобы голосованием доказывать нашу пестроту и нашу разноголосицу по основным вопросам нашей общей деятельности. Сегодняшнее заседание открыло мне глаза, поставило точки над всеми i; сегодня я потерял право более сомневаться и поэтому я официально отказываюсь голосовать.

Вологодский совершенно растерялся, прекратил голосование и закрыл заседание, заявив, что иного исхода у него нет.

Вообще заседание было на редкость колючее: в начале его Устругов заявил, предъявив документальные доказательства, что Сукин передал союзным комиссарам как уже подписанные всеми русскими представителями официальные копии им самим, Сукиным, составленного протокола совещания по железнодорожным делам, в котором — вопреки нашим интересам и вопреки известному ему несогласию тех лиц, подписи которых он поместил, — союзному комитету предоставлялось полное право распоряжения всеми нашими железными дорогами.

Сукин нагло вывертывался, но, видя, что против очевидности итти дальше нельзя, и даже не покраснев, самым нахальным образом заявил, что протокол уже в руках союзников, изменить его нельзя и поэтому надо искать какой-нибудь компромиссный выход.

Хорошо правительство, в котором возможно наличие милостивого государя, способного в угоду иностранцам совершить такой проступок, пожертвовать основными нашими интересами и дойти до такой наглости, чтобы решиться на рассылку союзникам не подписанного нашими представителями протокола под видом подписанного и нами принятого, поставив перед нами ди-

лемму: или согласиться на заведомо невозможный для нас договор, или же объявить, что наше министерство иностранных дел способно на такие удивительные ошибки, как внесение подписи своих коллег на документы, кои эти коллеги, как ему известно, не подпишут.

Я стал бы, конечно, за второе, ибо раз обнаруживаются такие факты, то с ними надо расправляться беспощадно, к чему бы это ни привело; раз внутри рак, его надо вырезывать.

Заявление Устругова замяли, молча выслушали наглое заявление Сукина и ничем дальше на него не реагировали.

Я отказался голосовать, когда поставили на голосование запрос Гинса, отражает ли совет верховного взгляды правительства; предварительно до отказа я высказал, что мне совершенно неизвестно, что творится в этом совете, а затем я не знаю совершенно взглядов правительства, несмотря на то, что почти два месяца имею честь заседать в совещаниях того учреждения, которое фиктивно считается почему-то правительством.

Тельберг очень усердно защищал заслуги совета верховного правителя как органа, «умеряющего экспансивность адмирала», и заверял, что совет смягчил и аннулировал много вредного из того, что могло произойти из этой «экспансивности».

Зачем было говорить эту бестактность по отношению к лицу, представляющему верховную власть, и эту неправду? Адмирал вспыльчив, экспансивен, мало уравновешен, но не сам по себе, а в зависимости от того материала, который доставляется ему докладчиками, советчиками и приближенными; при умном и честном информировании адмирал будет способен только на хорошую экспансивность.

Все мы знаем хорошие и дурные стороны характера нашего верховного правителя, но никто не осмеливался до сих пор бросить какого-либо упрека по его адресу, ибо не рассосалось еще чувство порядочности и сознания, что наш долг аннулировать по мере сил и возможности недостатки носителя верховной власти.

Сегодняшнее заседание — это апофеоз всей деятельности нашего совета, — упали все ризы, и стали видны все кости, все изъяны и язвы.

Когда возвращались домой, я весь трясся от негодования, а мой спутник Преображенский меня успокаивал и повествовал

о том, что все у нас управлялось организованной компанией из восьми министров, возглавляемых Михайловым, делавших все, что нужно было им самим, их честолюбию и поддерживавшим их кругам, кружкам, союзам и организациям. Дикими в совете, оказывается, считались я, Устругов, Шумиловский и Преображенский.

Пошел в министерство, не ложась даже спать; после такого заседания не до сна; меня как с головой окунули в помойную яму. Несчастный, слепой, безмолвный адмирал, жаждущий добра и подвига и изображающий куклу власти, которой распоряжается вся та компания, с внутренними достоинствами которой я сегодня познакомился.

В армии развал; в ставке безграмотность и безголовье; в правительстве нравственная гниль, разлад и засилье честолюбцев и эгоистов; в стране восстания и анархия; в обществе паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плавают и наслаждаются разные проходимцы, авантюристы. Куда же мы придем с таким багажом!

14 августа. Был в ставке; видел много офицеров, прибывших с фронта с разными поручениями, преимущественно по части снабжений; встретил несколько старых знакомых по немецкому фронту и послушал их рассказы о состоянии армий; общее заключение, что присылаемые укомплектования могут при умелом обращении дать весьма сносных солдат, но зато большинство присылаемых офицеров ниже всякой критики; на ряду с небольшим числом настоящих дельных офицеров прибывают целые толпы наружно дисциплинированной, но внутренне распущенной молодежи, очень кичащейся своими погонами и правами, но совершенно не приученной к труду и к повиновению долгу; умеющей командовать, но ничего не понимающей по части руководства взводом и ротой в бою, на походе и в обычном обиходе. Очень много уже приучившихся к алкоголю и кокаину; особенно жалуются на отсутствие душевной стойкости, на повышенную способность поддаваться панике и унынию; свидетельствуют, — что мне говорили и раньше и что отмечено в донесениях посылаемых мной на фронт офицеров, — что очень часто неустойчивость и даже трусость офицеров являются причинами ухода частей с их боевых участков и панического бегства. Мне показывали донесение начальника Ижевского гарнизона, в коем отмечалось, что задолго до прихода на Ижевский завод отходивших

*

через него войск он наполнился десятками бросавших свои части офицеров, которые верхом и на повозках удирали в тыл.

Сообщающие эти сведения совершенно справедливо говорят, что скоропалительность в выпуске офицеров из школы и отсутствие поверки их нравственных и военных качеств приносит армии великое зло, ибо сводит на нет всю гигантскую и геройскую работу настоящих офицеров. Дитерихс добился наконец, что армии доставили сведения о действительной их численности; оказывается, что у нас около пятидесяти тысяч строевых чинов при трехстах тысячах ртов; в армиях боевого элемента не больше 12 — 15 тысяч человек в каждой, т. е. примерно около дивизии хорошего состава.

Я очень удивлен малой решительности Дитерихса по части уничтожения ненужных высших войсковых соединений; нелепо иметь на 50 тысяч бойцов несколько десятков штабов армий, групп, дивизий, бригад; реорганизацию армий надо было начать с беспощадного уничтожения излишних штабов. Говорят, что это, однако, невозможно, ибо подлежащее упразднению начальство этого не хочет и не допустит.

Много надежд возлагается на формируемый казачий корпус; считают, что вскоре нам удастся собрать конную массу до десяти тысяч шашек, т. е. такую силу, которая в руках талантливого и энергичного кавалерийского начальника может совершить большие дела. Прорвать красную паутину очень не трудно, а дальше идут степи, богатые продовольствием и фуражом, представляющие раздолье для широкого конного рейда с разгромом всего красного тыла.

К сожалению, у нас нет подходящего для выполнения такой задачи кавалерийского начальника; фронтовые офицеры, с которыми я говорил на эту тему, считают, что наиболее подходит к такой роли генерал Каппель, обладающий всеми необходимыми для этого качествами.

Но горе в том, что возглавление этого корпуса уже предрешено внеконкурсной кандидатурой генерала Иванова-Ринова, давно уже мечтающего о победных лаврах и о выдвижении в местные Бонапарты, не без дальнейших надежд и на более высокое будущее.

Это аннулирует совершенно боевое значение конного корпуса, ибо нигде, как в кавалерии, успех не зависит так от боевых

качеств ее начальника, его таланта, знаний, беззаветной храбрости, глазомера, настойчивости, разумной, а иногда и безумной решительности и уменья схватить, оценить и использовать обстановку.

Какой же кавалерийский начальник может получиться из этого полицейского выскочки, очень компетентного по части пресечений и нагаечно-зубодробительных усмирений, но полного нуля во всем, что касается боевого руководства вообще, а специально-кавалерийского сугубо.

Мы достаточно уже насмотрелись в большую войну, как наши никчемушные кавалерийские генералы сводили на нет всю силу нашей конницы и отличные боевые качества ее личного состава; но и те никчемушники были орлы сравнительно с этим, так жадно тянущимися к победным лаврам честолюбивым Держимордой.

15 августа. С появлением в звании военного министра генерала Дитерихса моя работа очень усложнилась и получила очень уродливый характер.

Дитерихс путается во все мелочи снабжения, отдает распоряжения моим подчиненным мимо меня, сам распределяет приходящие запасы и сводит меня к роли какого-то регистратора-делопроизводителя. Я думал, что он умнее, дельнее и способнее распределять работу; казалось бы, что он мог узнать, что я представляю собою в служебном и рабочем отношении и что мне можно доверить; ну, а если я, по его мнению, не подхожу, то мои рапорты и доклады об увольнении уже давно ждут положительной резолюции, а я сам жду избавления от той нравственной каторги, в которой держит меня эта мной не прошенная должность.

16 августа. Иванов-Ринов обобрал все наши склады, и я бессилен помочь фронту; я делаю наряды для отправки на фронт, но о них узнает этот пронырливый казак, и все попадает в его обширные лапы; малейшая задержка вызывает жалобы адмиралу с угрозой, что это отражается на выходе сибирских казаков на испепеление красных; в результате на каждого выходящего казака взято по пяти и по шести комплектов и летнего и зимнего обмундирования, а на фронте войска голы и босы.

В организацию снабжения казаков пущена полная автономия с демократическим соусом в виде дружбы и совместной работы с общественными организациями; в известные времена наши

полицейские администраторы всегда любили такие демократические соуса, как средство сдобрить непрезентабельный вкус их привычных, основных блюд. . .

17 августа. Махнул на все рукой и приказал начальникам главных управлений исполнять все требования Иванова-Ринова. Просил Дитерихса остановить это казачье хапанье; Дитерихс обещал сам контролировать все запросы Ринова, но все это свелось к одним обещаниям, ликвидированным новым распоряжением — никоим образом не задержать снабжения казачьего корпуса.

Вечером заседание совета министров, на которое был внесен вопрос об упразднении совета верховного правителя; много говорилось за необходимость этой меры, жизненно необходимой для восстановления законной силы и значения совета министров, но затем как-то обмякли и кончили дряблым постановлением, что члены тайного совета обязаны докладывать совету министров то, что делается в их заседаниях.

В силу этого решения, вновь появившийся в совете министров Сукин сделал первый доклад о деятельности своего министерства. Между прочим доклад подтвердил то, о чем я мельком слышал раньше от Преображенского и что оказалось ужасным по своим последствиям; это было самодовольное, с подчеркиванием его величия и значения заявление нашего дипломатического руководителя о том, что два месяца тому назад генерал Маннергейм предлагал верховному правителю двинуть на Петроград стотысячную финскую армию и просил за это заявить об официальном признании нами независимости Финляндии.

С сияющим и гордым видом Сукин заявил, что Маннергейму был послан такой ответ, который отучил его впредь обращаться к нам с такими дерзкими и неприемлемыми для великодержавной России предложениями; по сияющей физиономии и по всему тону сообщения было видно, что главную роль в этом смертельно-гибельном для нас ответе сыграл наш дипломатический вундеркинд. Я не выдержал и громко сказал: «какой ужас и какой идиотизм», чем вызвал изумленные взгляды своих соседей.

Теперь для меня стала ясна та неразбериха, которая была в начале лета с вмешательством Финляндии и с занятием Петрограда, и о которой я смутно слыхал в оперативном отделе ставки. Ведь если бы не кучка безграмотных советников, вырвавших у

адмирала то решение, коим гордо хвастался сегодня Сукин, то теперь Россия была бы свободна от большевиков, не было бы уральского погрома, и над нами не висели те грозные тучи, которые временами застилают последнюю надежду на благоприятный исход.

Ведь для людей, способных здраво мыслить и разбираться беспристрастно в широких государственных отношениях, было давно понятно, что подчинение Финляндии только внешнее, и что все равно она будет такой же самостоятельной, как и Польша, если только впоследствии обстоятельства не принудят ее присоединиться на известных условиях к сильной и новой России.

Казалось, что для здравых политиков и думающих государственных людей не могло быть и минутного колебания в том, чтобы немедленно ответить полным согласием на предложение Маннергейма и всячески содействовать скорейшему успешнейшему его осуществлению.

Только атмосфера омского болота могла затуманить мозги настолько, чтобы сознательно отказаться от помощи в таких размерах и на таком смертельно опасном для большевиков направлении. . .

Ужасно подумать, что за отказ от туманного и давно уже фактически потерянного права считать великое княжество Финляндское частью Российской империи мы получали помощь невероятно огромного значения; ужасно подумать, что когда мы, омские, собственно говоря, лягушки, раздувались во всероссийского вола, позволяли себе играть судьбами нашей родины и толкали верховную власть на такое гибельное для нее решение, мы в то же время были игрушкой в руках союзной интервенции, искали всюду помощи, базировались на чехах, радовались возможности получить помощь японцев и американцев, были бессильны справиться с читинским Гришкой и хабаровским Ванькой и вообще находились в том положении, которое я называю персидским.

И все это отпадало при принятии предлагаемой нам финской помощи, и всего этого мы лишились только потому, что судьбы и России и наши попали в руки пяти случайных людей, захвативших в свои руки голову и волю представителя верховной власти и неспособных видеть чего-нибудь дальше своего сибирского носа.

Ярко характерно то, что такое решение принято даже без осведомления о нем совета министров, то-есть того, что по букве закона считается правительством и несет на себе всю ответственность; видно, до чего доходила наглость этой пятерки, захватившей власть и не считавшей даже необходимым соблюдать хотя бы внешнее приличие по отношению ко всему совету министров.

Ужас, злоба и негодование охватывают по мере того, как раскрываются внутренние язвы того, что является нашим правительством и что позволяет себе брать в свои руки управление страной в такие тяжкие времена.

Смешно говорить о каких-то законах истории, когда всю эту историю может свернуть такое жалкое ничтожество, как какой-то очень юркий и краснобайный секретарь вашингтонского посольства, как на зло швырнутый судьбой в Омск, быстро пришедшийся ко двору при омском градоначальстве и феерично выбравшийся в руководители всей нашей иностранной политики.

Конечно, Лебедев и ставка не могли не знать об этом решении, когда оно состоялось; вероятнее всего, что адмирал принял это решение только после совещания со своим наштаверхом, а тогда вся ответственность за это решение должна быть разделена между военными и дипломатическими советниками верховного правителя.

Винить в этом самого адмирала было бы так же несправедливо, как и винить покойного императора в том, что делалось его именем и по совету тех, кому он верил и кто были ему близки.

Под соусом громких фраз о благе России, сохранении ее территориальной неприкосновенности и великодержавных прав адмирала можно было подвинуть на любое решение в том духе, как ему докладывали овладевшие его доверием и волей лица.

Как-никак, а Сукин остался управлять министерством иностранных дел, и громы двух последних заседаний совета министров остались только сотрясением воздуха, общая отставка кабинета, предлагаемая Преображенским, Неклютиным и Уструговым, не прошла, а частные отставки недовольных принятым решением были признаны вредными для всего положения и в данной обстановке не допустимыми.

Слишком мы отходчивы, а главное дряблы и мягкотелы; в обыкновенной жизни это плохо и непрактично, а в государ-

ственной деятельности, да еще в наши тяжкие времена — преступно.

18 августа. Получил предложение адмирала проехать вместе с ним на фронт; страшно этим обрадован, ибо получаю возможность самому увидеть то, о чем знаю только по разговорам, докладам, донесениям и слухам.

Бедный адмирал верит докладам и разговорам о том, что своими поездками на фронт он поднимает настроение войск и приносит большую пользу; он возит с собой целые горы подарков для солдат и офицеров, волнуется перед отъездом, чтобы достать всего побольше, и готов даже выпрашивать то, что ему хочется повезти и чего у него нет.

Настроение ставки очень твердое; Андогский продолжает уверять, что оздоровление армий идет очень успешно; оздоровление — это очень широкий термин и совсем не то, что понимает под ним ставка и ее далекие от фронта деятели.

Не подлежит сомнению, что те части войск, которые удалось увести в тыл, отдохнули, отоспались и несколько очнулись от одури непрерывного отхода в очень тяжелых условиях и в атмосфере потери веры в себя и в соседей.

Но это очень далеко от оздоровления духа, которое в таких молодых войсках приходит очень медленно и требует исключительно благоприятной для себя обстановки. Оздоровление духа — это реакция — подъем в сторону подвига, героизма, служения идее и готовности жертвовать для этой идеи всем и даже жизнью. Откуда явиться этому подъему в тех остатках прежних частей, которые мы называем армиями?

По-моему — неоткуда, и те, которые столь уверенно говорят об оздоровлении фронта, глубоко в этом ошибаются; слишком они далеки от войск, от знания, понимания и способности учитывать их качества; считать «оздоровлением» естественные результаты краткосрочного физического отдыха людей — это большая и опасная ошибка.

Те ужасные слова, которые были мне сказаны недавно видным представителем фронта: «солдаты не хотят воевать; офицеры в большинстве неспособны уже на жертвенный подвиг; армии выдохлись. . .» — не выходят из моей памяти, и я знаю и чувствую, что это правда.

Армия в ее настоящем положении — это сломанная во многих

местах палка; по наружному виду ее еще можно, хотя и с большим трудом, склеить, но она разлетится вдребезги при первой попытке ею опять ударить.

Мои надежды, — правда, очень микроскопичные, — на переход атаманщины в тылу на легальное существование, с сдачей в архив прежней идеологии и приемов, оказались несбыточными; очевидно, гиен не приучишь довольствоваться сладкой травкой. Яд атаманщины и сладость беззаконного существования слишком глубоко всюду проникли, и нам не суждено справиться с этим злом; нас оно, вероятно, съест, но и само должно погибнуть среди смрада, им производимого.

Сейчас адмирал уже неспособен ни на что в отношении ликвидации атаманщины, ибо она связана с казачеством, а последнее in corpore сейчас является хозяином положения и, в силу солидарности интересов, не позволяет уже бессильной омской власти посягнуть на кого-либо из своих сочленов.

Адмирал заворожен радужными обещаниями казачьей конференции и Иванова-Ринова и, как ребенок, носится с порожденными ими надеждами.

Сегодня все караулы Омска заняты на половину командами из благонадежных городских обывателей; энергичный Матковский преодолел все чинимые ему по этой части затруднения и добился реального осуществления этой крайне полезной для нас меры.

19 августа. По обыкновению заготовил своим сотрудникам записки, что надо сделать за время моего отъезда, — надо всем поставить вехи, чтобы не сбивались и чтобы мое отсутствие не отразилось на ходе работы всего министерства.

Получил очень любопытную справку, что при эвакуации управления снабжений Сибирской армии из Екатеринбурга было вывезено женщин 502, детей 162, составлявших семейный багаж офицеров и чиновников этого управления; очевидно, что при таком дополнении большинству служащих было не до войны и не до забот о своих частях, особенно при катастрофической обстановке всей эвакуации.

Председатель совета министров и министр юстиции шлют мне многочисленные жалобы на безобразия, насилия и грабежи, учиняемые дальневосточными атаманами. Меня особенно изводят препроводительные надписи, в коих просится все сие устранить, виновных наказать и о сделанных распоряжениях уведомить; ведь

и Вологодский и Тельберг знают, что все мы бессильны против этого зла.

Я в свою очередь перегоняю все это помощнику военного министра по казачьей части генералу Хорошхину — он же член казачьей конференции — тоже на «зависящее распоряжение». Какая жалкая картина бессилия и паралича власти!

Искренно хотел помочь Семенову стать на дорогу законности и покрыть все старые грехи; просил прислать требовательные ведомости на все виды довольствия его войск за прежнее время и откровенно подсчитать, сколько надо ассигновать, чтобы покрыть все его «семенизации» и оплатить теперь же все причиненные его агентами убытки; заручился согласием контроля пропустить все это без возражений для ассигнования необходимых сумм; послал все необходимые указания, справки и инструкции, как и что надо сделать... и вот уже два месяца жду исполнения, не получая даже ответа на запросы, последует ли и когда это исполнение.

20 августа. Ночью выехали на фронт третьей армии. На станции Петропавловск встретил бывшего своего подчиненного, тогда начальника штаба 14 корпуса, а теперь командующего войсками местного военного округа генерала Георгиевского; на нем лежит тяжелая обязанность держать в порядке весь тыл армии, и он жалуется на великие безобразия, чинимые разными нештатными и штатными командами; особенно же безобразничают и насильничают анненковские гусары и уланы (какие-то экзотические части, вытащенные недавно на фронт и, судя по всем донесениям, самого башибузукского состава и поведения). Только что по приговору суда расстреляно 16 человек из этого отряда и вновь предано полевому суду 2 офицера, но это не производит никакого впечатления, до того все распустились.

На станциях всюду очень грязно; эшелоны последних хвостов челябинско-курганской эвакуации идут в большом беспорядке и напоминают скорее таборы беженцев, чем воинские эшелоны.

Особенно распущены разные автомобильные, авиационные, технические и иные команды, которые в великом множестве имеются при всех войсковых соединениях.

Использование подвижного состава самое расточительное, и целые поезда завалены хламом, который давно надо было сбросить под откос.

Среди этого беспардонного потока промелькнули два эше-

лона, — один с конной командой и один артиллерийский, — резко выделившиеся своим порядком и прочной подтянутостью; в вагонах и на платформах ничего лишнего, солдаты оборваны, но ведут себя настоящими солдатами; по офицерскому составу видно, что это настоящие части.

Штаб третьей армии стоит на станции Лебяжьей, выдвинувшись почти на фронт передовых дивизий. Чины штаба очень обижены на ставку за перевод армии из категории отдельных в неотдельные и уверяют, что все текущие неудачи произошли исключительно от этой реорганизации, лишившей их необходимой самостоятельности.

Смешно подумать, что армии в 20 тысяч штыков хочется быть на правах отдельной армии со всеми управлениями и тылами, одинаковыми с управлением и тылами фронта, т. е. тем, что ведало прежде миллионами штыков.

Адмирал за последнее время несколько раз был в третьей армии, и это очень усилило положение Сахарова, который очень импонирует адмиралу своей решительностью, категоричностью, наступательными тенденциями и оптимизмом; это обстоятельство мешает работе Дитерихса, который довольно решительно реорганизует остальные армии, но как-то избегает касаться третьей армии, продолжающей до сих пор состоять из десяти дивизий; часть этих дивизий не насчитывает и 500 штыков, но при всех неукоснительно состоят обозы по 4 и $4^1/_2$ тысячи повозок и при 6 — 8 тысячах нестроевых.

Подъезжая к Лебяжьей, видели вереницы этих обозов, отходивших на восток; на повозках были бабы, дети, масса домашнего скарба; масса тарантасов с дамами и детьми. Все это тщательно вывезено, а артиллерия, пулеметы и средства связи потеряны; по данным начальника инженеров, при отступлении брошены десятки тысяч верст телеграфного и телефонного кабеля; обычная картина безудержного отступления, когда бросается все, предназначенное для боя, и сохраняется все ценное для брюха и для кармана; ведь и на большой войне мы видели, как сначала бросалась лопата, потом патроны и винтовки, но бережно сохранялся вещевой мешок.

Потеря пулеметов меня не удивила, так как все последнее время мы снабжали фронт спущенными нам за очевидной негодностью пулеметами Сен-Этьена, образца 1907 года; это пуле-

меты траншейного типа, очень тяжелые, громоздкие и по высоте установки не пригодные для полевой войны; поэтому их бросали не только без сожаления, но даже с удовольствием.

Других же у нас не было; подумал, как бы пригодились эти пулеметы (их были тысячи) при пассивной обороне линий рр. Тобола и Ишима.

Недалеко от штаба армии расположен полевой госпиталь, находящийся в самом ужасном состоянии: больные и раненые валяются в пакгаузах, стоящих среди луж зеленой жижи, которая все время пополняется производимыми тут же естественными надобностями больных, половина которых тифозны.

Раненые валяются на грязных и колючих досках без всякой подстилки; единственный на весь госпиталь доктор и две сестры сбились с ног от непосильной работы; вместо чая дают какую-то жидкую грязь, хлеб черствый.

Зато рядом в штабе помещается санитарный инспектор армии с порядочным штатом докторов и фельдшеров, пишущих на машинках.

Сообщил эти печальные замечания начальнику штаба армии, добавив, что для меня не удивительны нападки на санитарное положение фронта, раз под боком штаба армии возможно так держать госпиталь; достаточно было хоть немного осмотреться и тогда увидали бы, что недалеко чистое помещение элеватора; что на станции масса соломы и сена; что в штабе сидят доктора, которые могли бы помочь своему ошалевшему от непосильной работы коллеге; что в штабных вагонах имеется некоторое число сестер милосердия, жен разного начальства, которые могли бы помочь в уходе за ранеными и хоть этим оправдать то звание, которым они пользуются, чтобы избежать действия приказа Дитерихса, воспретившего иметь при себе семьи.

Армейское начальство сугубо надулось и послало кого-то проверять сообщенные мною сведения (до госпиталя всего 100—150 шагов).

Сахаров долго сидел у адмирала с докладом, через вагон сидел я, старый и достаточно опытный генерал генерального штаба, бывший начальник штаба настоящей армии и командир настоящего корпуса, но меня не только не пригласили присутствовать при докладе, но, когда мне нужно было получить разрешение адмирала по вопросу об эвакуации станции Петухова и я хотел

его видеть, то получил ответ, что у верховного докладывает командующий армией и меня просят подождать.

Объехал ближайшие тыловые учреждения двух дивизий; внешнего порядка больше, чем я думал, но зато настроение самое небоевое и все стремления на восток, подальше от красных.

21 августа. С утра собирались ехать в Ижевскую дивизию, но адмирал чувствует себя простуженным и поездку отложил. Ижевская дивизия резко выделяется на всем фронте по своему составу; она образовалась исключительно из ижевских рабочих; такой состав придает ей редкую однородность.

Хотел проехать в ближайшие штабы корпусов или, как их теперь называют, групп, но оказалось, что они находятся в движении, продолжая отход на восток; понимая, что в такое время приезд тылового посетителя более чем некстати, изменил свое намерение и объехал ближайшие к станции районы, где стоят обозы и куда отходят некоторые резервы.

Впечатление то же, что и вчера; по внешности серо и неказисто, но внешнего порядка более, чем можно было ожидать после трехмесячного отступления; количество нестроевого элемента поражает своими размерами; бросается в глаза очень приличное снабжение обозных и всей штабной челяди.

Внутренней дисциплины мало; больше всего заботы о личных удобствах; обязанности же постольку, поскольку это не обременительно и не неприятно.

Был в штабе армии и в нескольких канцеляриях; всюду усердно пишут, и получается впечатление кипучей работы.

Познакомился с состоянием снабжений; полтора месяца тому назад Неклютин уверял, что организация особой агентуры по приобретению и использованию местных средств выдачей их сразу в войсковые части идет очень успешно; я поверил и радовался, ибо видел в этом одно из действительных средств по облегчению подвоза и по прекращению грабежей; по выработанной нами схеме, по всему фронту должны быть учреждены уполномоченные министерства продовольствия и снабжения с большими правами и кредитами, идущие вместе с войсками, покупающие у жителей все для войск необходимое и передающие все приобретенное сразу же на войсковое довольствие.

В действительности оказалось, что нигде до сих пор таких уполномоченных нет и они где-то в тылу собираются приступить

к этим обязанностям. Таковы оказываются результаты поверки деятельности этого черепашьего министерства.

Связь войск с их довольствующим тылом налажена очень слабо, несмотря на благоприятные условия отхода на свой тыл; при таких условиях и при должной заботливости можно было отлично наладить довольствие и не обижать население, но этого, к сожалению, не сделано.

Войска убеждены, что в тылу ничего нет и что бесполезно даже надеяться что-либо оттуда получить; поэтому все базируется на собственный промысл и добывание.

Даже штаб армии не знает своих армейских средств; офицеры жаловались мне, что их заедают вши, а в отделении полевой аптеки штарма столько дезинсекционных средств, что ими можно вымазать несколько раз всю армию.

Трудно представить, до чего доходит беззаботность армейских верхов; сейчас вся армия жмется к железной дороге и в отношении довольствия находится от нее в полной зависимости; однако управление военных сообщений до сих пор не догадалось, что надо установить движение правильно ходящих этапных поездов, обслуживающих войсковые нужды; такие поезда имеют серьезное значение для упорядочения снабжения и всей тыловой службы, вносят систему, связывают фронт и тыл и становятся обычно крупным фактором в хозяйственной и обыденной жизни войск; их приход и уход делаются одним из важнейших событий дня для всех тяготеющих к известной станции войск и учреждений.

Когда я выразил сожаление об отсутствии таких поездов, то мне ответили, что они давно в ходу и даже дали расписание, которое при проверке оказалось никем не исполняемой бумагой; когда-то хотели установить такое сообщение, отдали все распоряжения, да забыли проверить исполнение.

Все так и осталось писаной бумагой; к сожалению, таких случаев десятки — подтверждение тому, что не все, что пишется в штабах, выговаривается в низах.

За завтраком у адмирала видел весьма юного генерала Косьмина, из недавних поручиков, убежденного сторонника того, чтобы все старшие начальники сами ходили с винтовками в штыковые атаки или прикрывали отступление.

Этот абсурд самым прочным образом укрепился на фронте и

им так нафаршировали адмирала, что он сам готов взять винтовку и драться наравне с солдатами; я уверен, что он проклинает омскую работу, которая мешает ему устремиться на фронт и показать тот идеал начальника, который ему рисовали и рисуют; это объясняет его частые поездки на фронт, ибо он боится, чтобы его не упрекнули в отсиживании в тылу.

Вечером адмирал разговорился на политические темы и высказал свою детскую искренность, полное непонимание жизни и исторической обстановки и чистое увлечение мечтой о восстановлении великой и единой России; он смотрит на свое положение как на посланный небом подвиг и непоколебимо убежден, что ему или тому, кто его заменит, удастся вернуть России все ее величие и славу и возвратить все отпавшие и отторженные от нас земли.

Он с восторгом рассказал случай с отказом принять предложение помощи Маннергейма только потому, что надо было поступиться и признать независимость Финляндии; когда же я ему высказал, что не было ли такое решение крупной военной и государственной ошибкой, то он весь вспыхнул, страшно огорчился и ответил, что идеею великой, неделимой России он не поступится никогда и ни за какие минутные выгоды. Несомненно, что это его credo.

Слушая его, думал, сколько хорошего можно сделать из этого вспыльчивого идеалиста, полярного мечтателя и жизненного младенца, если бы слабой волей руководил кто-нибудь сильный и талантливый и руководил так же искренно и идейно, как искренен и предан идее служения России сам адмирал.

22 августа. Утром наш выезд в Ижевскую дивизию был отложен по случаю дождя; только около полудня выехали по довольно рискованному, идущему близко к отходящему фронту маршруту.

Весь прилежащий район представляет огромные удобства для действия конницы, броневиков и танков; как обидно, что обещанные нам французами танки где-то застряли и никак не могут до нас добраться!

Но для пехоты, в особенности молодой и нестойкой, район для действий очень трудный, благодаря массе перелесков, закрывающих кругозор и облегчающих обходы и обхваты; опять поду-

мал о преимуществах обороны за Тоболом, где на 3 — 4 версты перед фронтом открытая, местами болотистая, долина реки.

Впечатление от Ижевской дивизии самое оригинальное, но благоприятное; жаль только, что хороший по численности полк раздули в целую дивизию, ибо реальной силы это не прибавило, но перегрузило зато по части штабов и обозов.

Все говорят, что это исключительная по боевому достоинству дивизия, и между тем не принято никаких мер к тому, чтобы снабдить ее, как следует; при всей нашей бедности, мы могли бы снабдить, как подобает, такую отборную воинскую часть, хотя бы уменьшив то, что так жадно и бесцеремонно заграбастал у нас казачий омский хапуга.

По дороге встретили массы отходивших обозов, шедших в большом внешнем порядке; на каждой повозке по 1 — 2 здоровенных солдата с винтовками — это многочисленные обозные и нестроевые; физиономии у всех весьма пухлые и никаких военных тягот и лишений на них не видно, в этом резкая разница с подтянутыми, сухими и обожженными лицами ижевских стрелков и офицеров; точно также большинство обозных одето щеголями сравнительно с ижевцами.

Войсковые части тоже злоупотребляют подводами, требуя их от населения; это очень раздражает местных жителей, так как их отрывают от полевых работ по уборке сена и хлебов, уродившихся в этом году так, как не бывало уже много лет; лошади и повозки остро нужны самим крестьянам, так как обычная здесь уборка машинами сейчас невозможна вследствие неполучения запасных частей, шпагата и машинного масла.

Убедился, что сведения о гомерических размерах войсковых обозов не преувеличены; есть полки с обозом свыше тысячи повозок, и армейское начальство бессильно бороться с этим злом; можно по этой части отдавать любые распоряжения о сокращении, но никто их не исполнит.

Все обозные и тыловые должности переполнены сверх штата, что самым тяжким образом отражается на довольствии и снабжении строевого состава.

Все это результат деятельности 25- и 28-летних генералов, умеющих ходить в атаку с винтовкой в руке, но совершенно не умеющих управлять своими войсками, придавать им правильную организацию и не позволять им обращаться в сплошные обозы.

То, что увидел и узнал за эти три дня, вполне подтвердило те выводы, к которым пришел еще в Омске по отношению к невозможности для нас наступления. Нельзя наступать, не имея пехоты, ибо в так называемых дивизиях по 400 — 700 — 900 штыков, а в полках по 100 — 200 штыков; нельзя забывать, что надо занимать широкие фронты, а наши дивизии равны по численности батальонам. Нельзя наступать с растерянной артиллерией, почти без пулеметов и с остатками технических средств связи.

Сюда надо добавить совершенно расстроенный армейский тыл, неспособный правильно довольствовать войска, даже при отходе их на свои запасы; как же мы будем довольствоваться при наступлении, когда вступим в район разрушенных железных дорог и истощенных и нами и красными местных средств, т. е. попадем в такую обстановку, в которой правильная и налаженная работа тыла приобретает исключительно важное значение. Те обозы, которые я видел в эти дни, не могут работать правильно по кругообороту правильного подвоза, ибо это не военные обозы, а кочующие таборы; они нагружены разным добром, продовольственного груза принять не могут и, кроме того, так непомерно велики по сравнению с боевыми частями, что сами слопают все подвозимое.

Для Валяй-Сахаровых и им подобных полководцев все это пустяки; у них горизонты и масштабы не выше ротного командира, и им все это кажется так просто. Такие типы не новость для нашей армии; сколько мы видели их и в японскую и в немецкую войну; для них тыл, снабжения и зависимость военных операций массовых армий от вопросов подвоза и снабжения не существуют; они считают, что их дело приказывать и командовать, а об остальном обязаны заботиться интенданты и всякая тыловая шушера.

При посещении ижевцев впервые видел адмирала перед войсками; впечатления большого начальника он произвести не может; говорить с солдатами он не умеет, стесняется, голос глухой, не отчетливый, фразы слишком ученые, интеллигентные, плохо понятные даже для современного офицерства. Говорил он на тему, что он такой же солдат, как и все остальные, и что лично для себя он ничего не ищет, а старается выполнить свой долг перед Россией. Он роздал много наград, произвел десятки офицеров и солдат в следующие и офицерские чины, привез целый транспорт разных подарков, но сильного впечатления не произвел.

Он не создан для таких парадных встреч; вместе с тем я уве-

рен, что если бы он объехал стоянки частей, посидел с солдатами, запросто пообедал, удовлетворил бы несложные запросы и просьбы, то впечатление осталось бы глубокое и полезное.

23 августа. Поздно вечером вернулись в свой поезд, а рано утром отправились в штаб 2-й армии; опять понеслись четыре автомобиля по пустынным полям и перелескам, руководствуясь старой и плохой картой; адмирал очень рискует, пускаясь в такие поездки, но никто не решается ему об этом сказать, ибо пользы не будет, но зато штормование будет самое генерал-адмиральское.

Распрощались с Сахаровым, усердно настраивавшим адмирала на убеждение, что все наше спасение в наступлении и что постоянный отход разваливает армии; повторялись напетые в академии разговоры о «подлой обороне» и о том, что побеждает всегда наступающий; все это давно известно, но следует знать также, что всякому овощу свое время и что бывают такие обстоятельства, когда все спасение в своевременном и разумно руководимом отступлении и в искусном применении всех выгод оборонительной войны.

Сейчас вся обстановка такова, что мы должны отходить, должны обороняться и выигрывать всячески время, нужное для приведения в порядок наших частей.

Наступление же с остатками армий, без резервов и укомплектований — это полное безумие, последняя ставка зарвавшегося игрока.

Что Сахаров бубнит о наступлении, это вполне понятно, ибо ему надо поправить свое положение, подорванное челябинской неудачей; по своей военной ограниченности он не в состоянии даже разобраться, как следует, в данном вопросе и оценить возможность наступления во всей его совокупности. У него, как у большинства наших честолюбивых выскочек, главную роль играет желание и собственное усмотрение, а все остальное ломается и пригибается так, чтобы соответствовать требованиям и хотениям воли, самодурства и фантазии. В общем гибельное засилие маниака, над которым нет контроля и удержа.

Пересекли длинные колонны обозов, двигающихся на восток; характер все тот же, только кое-где на повозках очень много женщин и детей.

Штаб 2-й армии расположен в большом торговом селе Мокроусово; командующий 2-й армией генерал Лохвицкий произвел на

меня благоприятное впечатление своим обстоятельным и правдивым докладом о состоянии армии.

Адмирал сразу же перешел на необходимость в конце августа начать наступление. Лохвицкий очень тактично, с разными подходами, без острых углов, но обстоятельно и доказательно доложил, что недавно принятая им армия находится в таком состоянии, что наступать не может, хотя бы даже потому, что части войск во время отхода растеряли все средства связи; затем все отделы снабжения находятся в самом жалком состоянии, усугубляемом тем, что 2-я армия не базируется на железную дорогу и принуждена жить подвозом по грунтовым дорогам, не имея организованных колесных транспортов.

Так же умело доложил Лохвицкий и о подорванном нравственном состоянии армии; вообще это был правдивый доклад настоящего начальника, разобравшегося во всей обстановке и не боящегося докладывать правду и собственное мнение.

Состояние тыла армий действительно хаотично; при образовании фронта самостоятельное снабжение армий было сначала уничтожено, а потом приказали его опять восстановить, и все это внесло неописуемую путаницу в это сложное и скрипучее дело.

Старые кормильцы, хозяйственные хвосты дивизий и полков, разорвались на кучки и находятся неизвестно где; многое улетело в общем эвакуационном потоке в Новониколаевск и Красноярск; правильная система снабжения из магазинов регулярным кругооборотом обозов и транспортов не существует.

Вечером воспользовался благоприятной обстановкой, созданной докладом Лохвицкого, и, стараясь всячески сдерживаться, начал доказывать адмиралу, что армии еще не окрепли настолько, чтобы с ними можно было рисковать на решительное и длительное наступление.

Пришлось следовать примеру Лохвицкого и итти последовательными подступами, чтобы не дать адмиралу сразу закинуться и прекратить разговор. Очень трудно говорить по такому деликатному и сложному вопросу с моряком и касаться тонкостей и деталей сухопутной войны, да еще в заведомо неприятном для собеседника направлении.

Адмирал сразу закинулся и нервно стал выбрасывать доводы о необходимости наступления как спасения от развала армий, о невозможности обороны и пр. и пр.

Когда он выкипятился, я доложил ему свои подробные соображения о зависимости всякой операции — а тем более наступательной — от устройства тыла и обеспеченности снабжений; обрисовал маневренную, нравственную и техническую неготовность частей и выразил уверенность, что части смогут начать наступление, но окажутся неспособными его развивать.

Закончил докладом, что временно надлежит отказаться от идеи наступления и перейти временно к обороне на укрепленных позициях на Ишиме и даже на Иртыше.

На это адмирал довольно холодно ответил мне, что главнокомандующий фронтом и командующий 3-й армией, отлично осведомленные о состоянии подчиненных им армий, настроены совершенно иначе и удостоверяют, что к сроку задуманного наступления все будет готово в вполне удовлетворительной степени.

Опять выходило «сапожник, знай свои сапоги»; тем не менее, я повторил свои доводы о недопустимости при нашем положении риска и о том, что лучше потерять пространство, чем нашу последнюю живую силу.

24 августа. Утром узнали, что вчера вечером красные внезапным налетом конного отряда захватили станцию Лебяжью, с которой только что убрали в тыл поезда адмирала и Сахарова; очевидно, красные узнали, что на станции стоит штаб армии и решили попробовать захватить столь ценный приз.

Выяснилось также, что 23 августа весь левый фланг 3-й армии и ее штаб были совершенно обнажены, так как самая левофланговая группа генерала Каппеля, слабая числом и вымотанная боями и переходами, потеряла способность удерживать фронт и, угрожаемая прорывом надвинувшихся красных, откатилась на 30 верст на восток, оставив штаб армии ничем не прикрытым.

С занятием Лебяжьей штаб 2-й армии и находящийся в нем верховный правитель и верховный главнокомандующий очутились вне всякой связи с соседними штабами армий и со ставкой.

С изумлением пришлось узнать, что вся связь штаба 2-й армии шла через станцию Лебяжью, т. е. не назад, а вбок и даже немного вперед.

Связи назад не было, и все просьбы начальника штаба армии об устройстве таковой разбивались об упрямство начальника общего отдела ставки, который убивал все технические средства

связи на подготовку какой-то весьма нелепой сети на случай наступления.

Хорошо еще, что в течение всей ночи красные не догадались перерезать железнодорожные провода, в которые были включены армейские станции, и нам удалось кое-что узнать и кое-что передать.

Не без труда удалось убедить адмирала, что ему нельзя продолжать разъезжать по частям 2-й армии, не имея никакой связи с Омском, и что надо переехать в такой пункт, где бы он был связан и с Омском и со всеми штабами армий.

Адмирал крайне рассержен на то, что неожиданный откат левого фланга 3-й армии нарушил все расчеты и всю идею «его» наступления, и что теперь придется отнести назад линию развертывания назначенных для наступления дивизий.

Я еще раз воспользовался случаем и опять доложил адмиралу, что надо повременить с «его» идеей наступления, так как случай с группой Каппеля предупреждает еще раз, что все пределы сопротивляемости частей перейдены, что нервы у них перетянуты и что с такими больными войсками невозможны никакие наступательные операции. . .

После часового разговора очень расстроенный адмирал спросил меня, что же делать, если не наступать; я доложил опять, что надо все расстроенные дивизии отвести за Ишим, спешно отрекогносцировать и укрепить восточные берега и на укрепленных позициях задержать красных до тех пор, пока мы не произведем необходимые организационные реформы, выправим настроение и снабжение армий, наладим резервы и укомплектования и вообще приготовимся к настоящей наступательной операции с полной надеждой на успех. Я не хотел пугать адмирала, высказывая свое мнение, что эта готовность будет не ранее следующей весны; мне было необходимо только попытаться сломать, и прочно сломать, навязанную ему веру в необходимость скорого наступления.

Одновременно с укреплением линии Ишима надо продолжать отход фронтовых дивизий к этой линии, избегая ежедневных изматывающих войска стычек, под прикрытием арьергардов из более стойких частей.

По отходе за Ишим, занятый к этому времени отдохнувшими частями, передовые дивизии составят резервы оборонительных участков, что позволит им также отдохнуть. Одновременно надо

использовать конницу, бросив ее глубоким набегом в тыл и на сообщения красных (очень жалко, что Каппель заболел дизентерией, что снимает его кандидатуру на командование конницей).

В конце беседы очень взволнованный адмирал сказал мне, что многое из сказанного мной кажется ему убедительным и он еще поговорит с Сахаровым и пересмотрит уже принятое решение по поводу наступления.

Переговоры с Сахаровым грозят свести на-нет все мои усилия.

Первый удар успеху моего доклада был нанесен приехавшим к адмиралу начальником конной группы генералом Волковым, настроенным очень воинственно и сразу поднявшим наступательные тенденции адмирала. Уже тут я понял, что моя борьба проиграна и что наступление мне не остановить.

После обеда понеслись на станцию Макушино, но нашего поезда там не нашли, так как в виду угрожаемого положения этой станции его отправили на станцию Петухово; тут же узнали, что группа Каппеля продолжает катиться назад и вместо нее экстренно выдвинута на левый фланг Ижевская дивизия.

На станцию Петухово к адмиралу явился Сахаров; сначала он был очень смущен, докладывая об откате своего левого фланга, но скоро оправился и сделался хозяином положения. В частности доложил, что из подслушанного на линии разговора между красными штабами стало известным, что налет на Лебяжью был произведен отрядом известного уральского партизана Катирина, хотевшего захватить штаб 3-й армии; как человека — я пожалел бы Сахарова, если бы его захватили красные, но был бы доволен, если бы этот горе-полководец исчез с нашего стратегического горизонта.

Под влиянием Сахарова и общего шторма, вызванного переводом поезда на станцию Петухово, адмирал быстро вернулся к своему наступательному настроению и продолжал злиться на красных и на группу Каппеля за то, что нажим первых и откат второй сорвали весь его план наступления и все надо наново переделывать.

Решено вернуться в Омск; моя поездка с адмиралом кончилась довольно быстро; оптимистических впечатлений из нее я не вынес; зато убедился, что эти поездки совершенно бесполезны для дела; потревоженные в своем обиходе штабы и войска смотрят на них косо и даже недружелюбно, искренности намерений адмирала и

его стремления разделить общие тяготы и всячески помочь никто не знает и не оценивает; подарки и награды, им рассыпаемые, скоро забываются; зато крепко учитываются и не забываются случайные штормы, разносы, задержка железнодорожного движения, мотание частей на смотры и т. п.

У царской власти эти минусы кое-как покрывались традициями, ну, а новой аплике все это ставится в счет.

25 августа. Свита адмирала позволяет себе делать очень печальные для авторитета власти распоряжения; сегодня утром остановили оба эшелона адмиральского поезда на забитом разъезде только потому, что иначе адмирал не успеет побриться до прихода поезда на станцию Петропавловск.

Адмирал этого и не подозревал, а между тем это на $1^1/_2$ часа задержало всю эвакуацию заваленного эшелонами и грузами Макутинского узла. . .

В Петропавловске адмирал выслушал доклады начальника резервной группы генерала Косьмина о состоянии пяти дивизий (по численности равных батальонам) третьей армии, стоящих здесь на отдыхе. Юный генерал несомненно желал угодить в тон адмиралу и бойко докладывал, что если ему дадут то-то и то-то, то к началу сентября или «немножко позже» все его части будут готовы к наступлению. . .

Я убедился, что то, что Косьмин считает воинскими частями, представляет собой совершенно сырые кучи людей, имеющих внешний облик солдат, но лишенных внутренней спайки и специальной подготовки. Да иначе и быть не могло; наши вундеркинды никак не могут учесть той разницы, которая внесена в наш обиход отсутствием у нас старых и опытных кадров; они живут прежними привычками, когда эти кадры в несколько недель переваривали приходящие к ним укомплектования и своими боевыми и моральными качествами руководили и вели за собой остальной молодой состав части.

Теперь все это отошло в область прошлого и с этим надо считаться, особенно же, если вы желаете предъявить к войскам (ныне уже специфически милиционного характера, да еще с прибавкой насильственных мобилизаций) требования длительного и напряженного наступления. Ведь последнее требует опытного командования, знающих и втянутых в войну кадров, обученного состава, прочности морального состояния, удовлетворительного

хотя бы снабжения и сносной подготовки войскового и армейского тыла.

Ничего этого у нас нет, а мы пыжимся начинать решительное наступление. Мы базируемся на числе «штыков», а их-то у нас — в настоящем, боевом значении этого слова — и нет.

Ставка гонит сюда все, что только можно собрать в тылу по части пополнений; несколько таких эшелонов стояло здесь на станции, и я их обошел; народ все здоровый и по внешнему облику довольно симпатичный; одеты в новое обмундирование, но не имеют снабжения, необходимого для похода (его нет и в частях); срок обучения в тыловых частях колеблется между 2 и 11 днями, причем занятия сводились главным образом к словесности, отданию чести, гимнастике и маршировке; многие не видали еще винтовки, а стреляли только одиночные люди из застрявших почему-либо в этих частях на более долгие сроки.

Судя по внешнему виду, из этих укомплектований можно сделать хороших солдат, но для этого надо несколько недель усердной работы опытных и добросовестных руководителей; пример этому можно видеть в Омске по результатам работы нашего владивостокца Волкова и его офицеров.

Адмирал опять полон наступательными тенденциями и приказывает всячески торопить снабжение; доложил, что все, что было, отдано на фронт, или захвачено Ивановым-Риновым, но что того, что выслано и сдано войсковым приемщикам, достаточно для снабжения наших армий; надо только расшевелить армейские снабжения, так как из доклада коменданта станции я знаю, что вещевые эшелоны стоят по неделям без разгрузки.

Из беседы с командирами частей убедился, что, несмотря на многочисленные штабы и бесчисленные осведомления, войска сидят в полной темноте по части всего, что делается в тылу, в стране, в правительстве и т. п. (Только от меня узнали, например, о новых окладах пенсий.) Настроение к союзникам довольно недружелюбное, так как изверились в их реальную помощь, болезненно желательную, потому что все истомились, истрепались, сознают всю трудность положения и жаждут облегчения и помощи.

Петропавловск и станции к востоку от него загромождены хвостами челябинской эвакуации; преобладают штабные и тыловые команды и учреждения; особенно много разных специальных

команд, обильно расплодившихся у нас на немецком фронте и очень усердно восстанавливаемых нашими штабами по мере их распухания.

Ставка не сумела ввести это во-время в организационные рамки и сдержать появление этих команд явочным порядком; в результате то, что полагалось только в армейских организациях, появилось в дивизиях и даже ниже; для войск это было очень удобно, так как прибавило им независимость техническую и снабжательную; это и объясняло, почему у нас были в Сибирской армии штабы дивизий, в которых числилось 120 — 125 офицеров и чиновников (т. е. десятерной штат против нормального).

В обгоняемых эшелонах мало воинского, но много обывательского, из вагонов выглядывают коровы; под вагонами особые приспособления для домашней птицы; всюду обилие женского пола и детей.

Вот куда надо прислать весьма энергичную комиссию, которая немедленно бы отправила в глубокий тыл все небоевое и ликвидировала все экзотические тыловые команды, обратив их на укомплектование специальных фронтовых команд.

26 августа. Вернулись в Омск; настроение скверное, ибо узнал и увидел, что предполагаемое и известное из рассказов и донесений оказалось реальным и угрожающим; исчезла последняя иллюзия, что я до сих пор ошибался в своих мрачных мыслях и что общее положение еще не так плохо, как мне казалось из моего омского далека.

Вечером в совете министров состоялся очередной доклад генерала Андогского о положении фронта; опять самые розовые краски, утверждение о полном «оздоровлении» армий (наши академики всегда любят муслить и всюду налеплять какое-нибудь модное выражение) и обещания скорого наступления.

После доклада Пепеляев спросил мое впечатление от поездки на фронт; ответил, что диаметрально противоположное взглядам генерала Андогского.

Был вызван к адмиралу, где застал Дитерихса и только что прибывшего из Франции генерала Головина. Адмирал предложил мне вступить в исполнение обязанностей наштаверха и военного министра до тех пор, пока Головин не ознакомится с положением дел и сможет принять эти должности.

Предложение было очень неожиданное; ответил, что, по моему

убеждению, нет такого человека, который мог бы одновременно нести такие разнородные по сущности и колоссальные по объему работы и ее значению должности; поэтому прежде всего надо их разъединить и восстановить нормальную и здоровую систему высшего военного управления.

Головин меня поддержал, напомнив адмиралу, что таков же был и его доклад по этому вопросу. Затем я доложил адмиралу, что мои взгляды на положение фронта и ведение операций настолько расходятся с существующими, твердо установившимися и проводимыми в жизнь всеми старшими начальниками (понимая его, Сахарова, Иванова-Ринова и, повидимому, Дитерихса), что я не считаю себя в праве принять исполнение обязанностей наштаверха, бессильного все это изменить. Если же моя работа нужна, то прошу оставить меня при управлении военным министерством при условии непосредственного подчинения адмиралу, как верховному правителю, и предоставления мне самостоятельности в проведении программы, которую я ему представлю.

Порывистый адмирал выразил глубокое сожаление по поводу недавней реформы ставки и министерства и приказал все вернуть в прежнее положение. Доложил ему, что при данной обстановке новая и спешная ломка внесет новый развал в наше управление и что при его одобрении я и генерал Головин сделаем это постепенно, по мере надобности.

В конце концов адмирал решил, что до вступления Головина в должность наштаверха эти обязанности останутся на Дитерихсе, а я буду назначен военным министром с правом постепенного восстановления всего нарушенного лебедевской реформой.

Был у Андогского, который является теперь оперативным руководителем ставки, и сообщил ему свои печальные впечатления, вывезенные из поездки на фронт; высказал ему, что как старый офицер генерального штаба и достаточно опытный организационный и боевой начальник считаю обязанным заявить ему как руководителю военных операций, что армия к наступательным операциям не готова, нуждается в коренной реорганизации и годных для боя пополнениях; сейчас единственный исход — это укрепление линии Ишима (если уже не поздно) и даже Иртыша, отвод туда всего, кроме арьергардов и конницы, и выигрыш драгоценного для нас времени всеми способами.

Надо смотреть на идею наступления глазами опытных воен-

ных специалистов, а не тех юнцов, для которых все кажется таким простым и возможным; мы не можем не понимать, что при настоящем положении армии, тыла и снабжений никакое наступление — в его разумном, оперативном смысле — невозможно; это должно быть понятно уже всякому молодому офицеру генерального штаба, познавшему, что такое подготовка, план и исполнение всякой военной операции и выполнившему свою третью академическую тему. Для нас же, имеющих за плечами много лет практики, это является непреложной истиной.

Рассказал ему свой разговор с адмиралом, обрисовал влияние Сахарова и просил разобраться в этом деле, ибо других способов у меня уже нет; просил отбросить предубеждение против приписываемого мне пессимизма и обратить внимание на мои слова и на мое беспокойство.

Андогский слушал меня внимательно, как будто забеспокоился и обещал разобраться во всем ему сообщенном.

Временами я совершенно изнемогаю в этой борьбе; иду на эти разговоры и убеждения как какой-то проситель или в чем-нибудь виноватый, ибо чувствую, что многие смотрят на меня как на маниака или брюзгу, наслаждающегося в разведении мрачных красок. Никто не понимает, до чего мне хочется ошибаться в моих выводах или же иметь право быть полным радостных надежд и уверенности. Не мой пессимизм, а весь ужас того, что кругом делается, приводит к тому, что «нет песен у меня веселых».

Я не претендую на непогрешимость и прошу только не отмахиваться от моих слов, а внимательно в них разобраться. То, что я говорю о подготовке наступательной операции, о качестве пополнений, об отсутствии уменья управлять боем и маневрировать, о бедности снабжений, о неготовности обоза и тыла и вообще об отсутствии материальных и моральных качеств и запасов, необходимых для серьезной, длительной и *последней* (ибо при неуспехе — смерть) нашей операции, — все это подлежит подсчету, учету, рассмотрению и оценке.

Я только и хочу, чтобы те, в руках которых находится судьба России, армии и нас грешных, заглянули за ту черту, на которую я указываю.

Неприятно смотреть на висящую в моем кабинете огромную карту, на которой заведывающий сводками офицер наносит красными точками пункты и районы восстаний в нашем тылу; эта

сыпь делается все гуще и гуще, а вместе с тем все слабее становится надежда справиться с этой болезнью.

Говорил на эту тему с Пепеляевым; он очень озабочен затруднениями по части организации отрядов особого назначения и не скрывает, что нравственный уровень их личного состава очень невысокий; все лучшее забрано фронтом и центральными управлениями.

Пепеляев составил себе очень хороший, но очень запоздалый план объезда наиболее важных областей Сибири для того, чтобы на месте, путем непосредственного общения с населением, выяснить причины недовольства и восстания и меры, необходимые для успокоения края; по его сведениям, главными заправилами всех восстаний являются новоселы, преимущественно столыпинские аграрники, плохо устроившиеся в Сибири и мечтающие о том, как бы пограбить богатое старожильческое население Сибири, достаток которого разжигает их большевистские аппетиты.

Вкладывать персты в раны дело хорошее, но надо было заняться этим еще зимой. Теперь заниматься диагнозом столь очевидной болезни уже поздно.

Наконец-то совет министров рассмотрел возмутительное дело Омского военнопромышленного комитета, которое наравне с делом Зефирова бросило много грязи на репутацию омского правительства.

Про Зефирова говорят, что виноват не он, а его докладчики и его неопытность; но тогда надо это выяснить и покарать виновных; пока же этого не сделано, над властью висит приукрашенное сплетнями и провокацией обывательское обвинение правительства в том, что его бывший министр приобрел огромную партию чая по четверной цене, нанеся казне убытки в несколько десятков миллионов рублей, и что правительство все это покрывает.

Заседание совета министров было очень жаркое, было произнесено не мало речей против назначения сенаторской ревизии всей деятельности военнопромышленного комитета, как того требовало заключение докладчика А. М. Окорокова, весьма рельефно обрисовавшего все злоупотребления и служебные преступления, допущенные в этом комитете.

Защищать всю эту мерзость по существу было невозможно; поэтому базировались преимущественно на том, что комитет

привлек первую следственную комиссию профессора Лебедева к ответственности за клевету и надо подождать разбора этого дела в суде; кое-где проскальзывали скверные нотки на тему о желательности поменьше раздувать это дело, так как сие может отразиться на репутации правительственных кругов.

Поставленный на голосование вопрос о назначении сенаторской ревизии принят подавляющим большинством; после этого защитники комитета пытались внести поправку, что ревизия назначается по просьбе самого комитета, но эта поправка советом отвергнута.

Идя домой, удивлялся столь страусовой политике, каковой придерживалась до сих пор та кучка людей, которая помыкала и правительством и верховной властью. Неужели же судьба монархии и все последующее ничему не научили (даже по части сохранения собственного положения и благополучия!)?

27 августа. Состоялось мое назначение на должность военного министра с подчинением прямо верховному правителю; просил адмирала смотреть на меня как на временного заместителя, так как здоровье мое совсем плохо и я могу скоро совсем свалиться.

Фронт продолжает ползти назад; настроение в Омске, несмотря на все казачьи завывания, за последние дни сильно сдало; дутый подъем начала августа начинает падать и сменяться растерянностью и пессимизмом; тяга на восток делается все сильнее, так как «служебные и коммерческие дела» того требуют; много охотников получать разные командировки в восточном направлении для разрешения накопившихся там вопросов.

Отбыли на Дальний Восток и далее к Деникину недавно приехавшие оттуда генералы Лебедев 2-й и Нагаев; первый — набирать служащих, а второй — для еще более анекдотического поручения — провести сюда через Закаспий и Туркестан дивизию из уроженцев Сибири, которую он собирается сформировать у Деникина.

Для последней цели экстренно ассигновано около 80 миллионов рублей романовскими и керенками.

Кредит этот проведен через совет министров уже постфактум; впервые я не выдержал и, отбросив все приличия, высказал совету свой взгляд на такие командировки; высказал свое негодование по адресу ставки и авторов этого нелепого и невыполнимого

проекта, ибо они, как офицеры генерального штаба, не могут не знать истории наших туркестанских походов и всех исключительных условий движения и военных действий в тех краях; сказал, что только высокое место, в коем я присутствую, удерживает меня от того, чтобы назвать все это дело и его авторов тем названием, которого они заслуживают.

Тем не менее ассигнование было утверждено, и два превосходительных гастролера, отряся омский прах с своих ног и получив 2000 фунтов стерлингов на расходы плюс обобранные из всех казначейств десятки миллионов романовских, изволили отбыть обратно на юг.

Был у Головина; изложил ему общую характеристику омских персонажей и общего положения, высказал свой взгляд на состояние армий, фронта и тыла, сугубо подчеркнув опасность наступления, вымотанность и нервность войск, неготовность пополнений и общее падение чувства долга, работоспособности и добросовестности. . .

Беседа с Головиным оставила самое хорошее впечатление. Дай бог, чтобы он приобрел доверие адмирала и сделался его руководителем; ведь он не случайный выкидыш революционной фортуны, а человек с большим и многосторонним опытом, привыкший работать в большом масштабе.

28 августа. Утопаю в море бумаги; погибаю в бесчисленных комиссиях и совещаниях: временами устаю до полного выдоха и маразма. . .

Чем сложнее и опаснее обстановка, тем больше нервности и сумбура. Главные распорядители не способны взять себя и других в руки, цукнуть на все смятенное и мятущееся, заставить всех успокоиться и понять, что нам более, чем когда-либо, нужны хладнокровие, выдержка и система в работе.

В этом отношении Дитерихс много лучше других; он наружно спокоен, методичен и пытается внести всюду систему; но зато он совершенно не умеет рассортировать работу, хочет все знать и сам делать; он занят чуть ли не 20 часов в сутки и принимает доклады до 2 часов ночи; сам он уже переутомлен, а для большой работы такая централизация ничего, кроме вреда, не приносит.

Я сам страдаю до известной степени перегрузкой себя работою, но делаю это только в тех отделах, где нет исполнителей или где некогда уже учить и исправлять.

29 августа. Прожектеры и спасатели не дают покоя; сначала они лезут к адмиралу, в ставку, к председателю совета министров; оттуда их присылают ко мне, и я обязан их выслушивать; иначе на военное министерство обрушатся упреки, что оно не пожелало выслушать того чудодея, у которого всамделишний рецепт для сокрушительного разгрома красного врага и блистательного, как $2 \times 2 = 4$, спасения родины. . .

30 августа. Имел длинную беседу с Головиным; доказывал ему необходимость принять исключительные меры по реорганизации фронта и по сокращению штабов и тылов. Мы представляем колоссальное туловище, пухлое и бессильное, с маленькими руками. Достаточно указать, что на красной стороне против нас работает один штаб армии, состоящей из 3 — 4 дивизий и 2 — 3 конных бригад; на нашей стороне штаб главнокомандующего, пять армейских штабов, одиннадцать штабов корпусных групп и, кажется, тридцать пять штабов дивизий и отдельных бригад.

Думается, что комментарии к этим цифрам излишни; думается также, что, не справившись с этим штабным злом, мы будем бессильны сделать вообще что-либо путное.

Головин мне сообщил, что, по докладу Дитерихса, решено создать в тылу должности инспекторов пополнений и формирования стратегического резерва Дальнего Востока, с изъятием тыловых округов из подчинения военному министру и передачей их в распоряжение главнокомандующего фронтом. Вся эта комбинация проведена Хрещатицким, провалившимся на разных комбинациях создать себе разные синекуры, но успевшим на этом последнем проекте.

Все это проведено помимо меня и зная, что я с этим не согласен. Совершенно не понимаю, для чего же было тогда меня удерживать и просить остаться. Просил Бурлина (Дитерихс уехал на фронт) доложить адмиралу, что пока я военный министр, я не соглашусь на проведение такого проекта, который ломает все основы военного управления, вносит многовластие и сумбур в наш расхлябанный тыл и нужен только для материального благополучия нескольких авантюристов; я не могу допустить, чтобы такие реформы, сугубо вредные для всего нашего дела, проводились ради личных выгод господина Хрещатицкого, только и

мечтающего о том, как бы устроить для себя какую-нибудь синекуру и удрать на Дальний Восток.

Все это я считаю вредной глупостью и молчать больше не намерен; поэтому называю проект даже мягче того, чего он заслуживает, и прошу доложить это адмиралу.

Бурлин ответил, что он со мной совершенно согласен, но что проект этот проведен Дитерихсом и одобрен адмиралом, причем все приказано провести ускоренным темпом, так как авторы убедили адмирала, что здесь залог будущего спасения; основанием для доклада положили, что фронт не верит тылу и что поэтому во главе всех пополнений должны стоять известные фронту люди, пользующиеся там авторитетом, а все должно быть объединено в руках главнокомандующего.

Опять повторяется та же история, что недостатки людей сваливаются на вину недостатков системы.

Если фронт считает, что, положим, я и генералы Матковский, Артемьев и Розанов неспособны подготовить для них укомплектование, то ничто не мешает адмиралу удалить всех нас с наших должностей, назначив туда таких людей, которые, по мнению Дитерихса и фронта, заслуживают их доверия и более на это способны.

Вместо этого делается какой-то абсурд: все негодные остаются на своих местах, сохраняют все обязанности, несут всю черную работу и ответственность, но в их районах появляются посторонние и автономные органы, им не подчиненные и осененные всеми благословениями и полномочиями фронта.

Для исполнения своих обязанностей эти органы принуждены будут узурпировать все права командующих войсками, отобрать у них помещения, склады и запасы, обратив старших тыловых начальников в какие-то обмылки власти, существующие только для того, чтобы разбивать об их голову все горшки и сваливать на них все грехи, промахи, протори и убытки.

Просил Бурлина, едущего с докладом, доложить адмиралу мои соображения и мою просьбу одновременно с утверждением приказа о новой реформе подписать приказ об увольнении меня от должности военного министра, так как при такой обстановке работать я не могу и не умею.

Ведь только в омском болоте, в этой каше безволия и личных честолюбий возможны такие неожиданности. То меня просят

занимать сразу должности наштаверха и военного министра; то уговаривают оставаться на посту военного министра, обещая полную поддержку и доверие, а через два дня проводят приказ, совершенно разрушающий все управление тылом и заведомо для меня неприемлемый.

Нужно быть пошлой флюгаркой или жалко цепляться за свое положение, чтобы оставаться после всего этого на своем посту.

31 августа. Вернулся домой очень поздно, так как вечером состоялось заседание совета министров с участием адмирала; выяснилось, что казачья конференция, делавшаяся в последнее время все наглее и наглее, явилась к адмиралу и предложила ему принять на себя полную диктаторскую власть, подкрепив себя чисто казачьим правительством и оперевшись преимущественно на казаков. Сначала создалось очень острое положение, смягченное затем вмешательством соединенных организаций; в результате все требования свелись к необходимости сокращения министерств, упрощения и ускорения правительственной работы и созыва совещательного собрания. Требования эти заявлены казачьей конференцией и всеми группами государственного экономического совещания, т. е. представителями внушительной и наиболее государственной части населения.

Я лично согласен со всеми этими заявлениями, но боюсь, что положение фронта и восстания в тылу делают их очень запоздалыми.

Обращаясь к совету министров, верховный правитель высказал свое неудовольствие по поводу разноголосицы в мнениях членов совета по многим важнейшим государственным вопросам; он подчеркнул, что недопустимо, чтобы решение принималось большинством одного голоса и перевесом голоса председателя.

Сказал он очень резко, затем сообщил о неудовлетворительном настроении и состоянии армии, объяснив это, довольно для меня неожиданно, тем, что армия пропитана большевизмом.

Государственный контролер просил адмирала передать совету министров, какие именно требования были заявлены ему казачьей конференцией, так как об этом ходят по городу разные слухи и версии.

Адмирал, не давая ответа по существу, указал только, что он ответил казакам, что сейчас уже не время производить какие-

нибудь реформы и перемены в составе совета министров, так как это может отразиться на «настроении армии».

Опять откуда-то навязанная идея, ибо армии совершенно не интересуются советом министров и не все даже офицеры знают фамилию нашего председателя; фамилии же министров известны только немногим; кроме того, я уверен, что всякая перемена в составе совета будет встречена с удовольствием и с надеждой на что-нибудь лучшее; надежда на нового барина, который «приедет и рассудит», — явление широко всероссийское.

Очевидно, что это подсказано адмиралу теми, кто хочет забронировать теперешний совет министров; если это сделано искренно и убежденно, то показывает глупость и негосударственность советчиков; если же сделано ради эгоизма, то показывает их подлость.

После отъезда адмирала заседание продолжалось и было посвящено томительным дискуссиям, как осуществить высказанные адмиралом пожелания.

1 сентября. Несмотря ни на что, на фронте началось наступление. Дитерихс взял на себя великую ответственность и поставил на карту последние сибирские ресурсы белой идеи.

Я видел его у Головина перед самым его отъездом на фронт и повторил ему тот же вопрос, который задал при первом с ним разговоре по поводу наступления: «А что же будет, если наступление не удастся?»

И он опять повторил, что тогда «придется разделиться на партизанские отряды и вновь начать то же, что было в 1918 году».

Я с удивлением посмотрел на этого главнокомандующего, так легко и просто решавшего судьбу России и армии и решавшего ее легкомысленно и ложно, ибо теперь уже не 1918 год, а осень 1919 года, и вся обстановка резко изменилась не в нашу пользу; теперь для нас, белых, уже немыслима партизанская война, ибо население не за нас, а против нас; немыслима она и потому, что на Сибирь надвигается регулярная красная сила и идут красные комиссары, уже специализировавшиеся на подавлении наших белых восстаний. Где же мы найдем оружие, патроны и пр. и пр.?

Вспомнил, каким архичехом и руссофобом был генерал Дитерихс во Владивостоке; вспомнил рассказ генерала Розанова о том, как во время очень тяжелого положения наших войск на Урале в 1918 году тогдашний главковерх Болдырев просил командова-

вшего чешскими войсками генерала Дитерихса помочь нашему фронту и взывал к его, как русского генерала, чувствам, но получил отказ, добавленный словами, что «он был русским генералом, а сейчас он чех».

При такой легкости в перемене направления и в священнейших понятиях и обязанностях человека и солдата, мало мудреного в том, что такой человек способен так легко смотреть на возможные последствия от начатой им операции.

Как генерал генерального штаба, занимавший высокие должности — до наштаверха большой ставки включительно, он не может не понимать, что все наступление построено на авоську и даже при успехе даст только частичное удовлетворение, ибо развить успех нам нечем.

Я стал излагать Головину свое несогласие с возможностью вести партизанскую войну, но Дитерихс отговорился неотложными делами и уехал.

По сведениям ставки, наступление наше на фронте 3-й армии развивается успешно; но иначе и быть не могло, ибо красные этого не ожидали, и теперь всякое такое наступление будет успешно.

Всюду кричат: «Гром победы раздавайся»; уныние сменилось неумеренной радостью: уральские беженцы собираются уже домой.

Уверяют, что и первая армия перешла в наступление и нанесла красным решительное поражение. Дай бог, чтобы все это было верным, а главное, чтобы у красных не оказалось достаточно резервов, чтобы самим перейти в наступление, которого наши слабые и разорванные по фронту войска не выдержат. Главная же надежда на конницу и на то, что командование ею Иванова-Ринова не испортит дела; на искусство Иванова-Ринова как кавалерийского начальника рассчитывать не приходится, и вся надежда на его честолюбие и жажду воинской славы. Сейчас перед ним путь к этой славе открыт; если конный корпус глубоко врежется в красные тылы, порвет их сообщения и связь и разгромит комиссарские штабы, то сибирская кампания 1919 года нами выиграна и перед нами вся осень, зима и весна для военных и правительственных реформ.

Несомненно, что от конного корпуса зависит успех всей операции, так как пехота, по слабости своего состава, не может

развить широкого по фронту наступления и не в состоянии долго питать это наступление резервами и пополнениями; по схеме Дитерихса у него около 11 дивизий числится в резерве, но по численности штыков все они равны одной настоящей дивизии.

В городе говорят, что в казачьем буме уже начались прорехи, и что в одиннадцати южных станицах казаки отказались выступить на сборные пункты под предлогом, что после их ухода крестьяне разгромят их семьи.

На фронте два молодых казачьих полка конной группы генерала Волкова уже отказались исполнить боевой приказ; их отвели в тыл и послали стариков их укорять и уговаривать; уверяют, что полки раскаялись, но уже самая возможность таких явлений очень знаменательна.

Но сейчас от казаков зависит вся судьба нашего наступления, и я готов все им простить и отдать им еще по нескольку комплектов снаряжения, если они нам принесут перелом фронтового положения.

2 сентября. Был с докладом у адмирала; доложил ему свой взгляд на образование в тылу автономных инспекций, подчиненных только Дитерихсу, и на назначение на столь ответственные посты таких бездельных авантюристов, как Хрещатицкий; одновременно повторил просьбу освободить меня от управления военным министерством, каковое мной принято в надежде полного его восстановления и полных мне доверия и поддержки.

Прошло всего несколько дней, и министерство еще более разрушается новыми и вредными реформами; доверие же проявляется тем, что такие реформы производятся вне моего ведома и зная, что я с ними резко несогласен.

Адмирал заштормовал и наговорил мне порядочно резкостей; я все выслушал, но заявил, что все мной сказанное доложено ему по долгу службы и совести; личного я ничего не преследую и думаю только об интересах того дела, которому мы все служим.

Раз я удостоен назначения военным министром, то этим на меня возложена тяжелая задача и ответственность; выполнить первую и принять на себя вторую я могу только при полном доверии и при предоставлении мне данной мне законом власти. Я готов нести всю полноту ответственности, но при условии получения полноты власти.

Если я и командующие войсками в округах не пользуемся

доверием фронта, то замените нас фронтовыми начальниками, но не ломайте системы; пусть Дитерихс выберет по своему усмотрению кандидатов на мое место и на должности командующих войсками в округах, и мы с радостью уступим им наши места.

Доложил, что я могу остаться только при исполнении указанных мной условий; в противном случае очень прошу послать меня на фронт в распоряжение генерала Лохвицкого, где я смогу принести еще какую-нибудь пользу.

Относительно же защиты адмиралом личных качеств Хрещатицкого рекомендовал адмиралу потребовать из ставки присланное владивостокской контр-разведкой письмо сидящего в Японии авантюриста очень низкой марки генерала Потапова, в котором тот сообщает дорогому Борису Ростиславовичу (имя и отчество Х.), что принимаются все меры к тому, чтобы адмирал полетел кувырком и чтобы все попытки к признанию омской власти окончились неудачей. Конечно, не всему сообщаемому контр-разведкой надо верить, но в данном случае она личностью Х. специально не занимается, и это письмо заслуживало бы известного освещения.

Адмирал сразу смягчился, но просил поговорить обо всем с Дитерихсом, так как последний очень убедительно просил утвердить представленный проект; добавил, что ему, адмиралу, совершенно все равно, как будет организовано управление пополнениями, лишь бы конечные результаты были успешные и лишь бы работа шла хорошо и гладко.

Мне было очень неприятно припирать к стене этого беспомощного ребенка и говорить ему тяжелые для него вещи, но иного исхода не было.

Я не могу спокойно допустить новый развал тыла; я убежденно считаю, что если судьба нам подарит зиму 1920 года, то тогда весь успех весенней кампании будет зависеть от качества подготовленных за это время резервов и пополнений и от тех реформ, которые будут произведены в самих армиях; успех же подготовки резервов и пополнений невозможен, раз в тылу будут сидеть разномастные и разной подчиненности начальники и притом одни — по законам фронта, а другие — по законам тыла.

Вечером скучнейшее заседание совета министров. Все кругом трещит, а мы занимаемся пустячками самого вермишельного характера. Хладнокровие, спокойствие и отсутствие суетливости,

конечно, хороши, но их-то у нас и нет; цену же времени всегда надо знать.

Видел казачий проект переустройства власти: наверху верховный правитель с двумя помощниками по военной и по гражданской части; дальше совещательный орган — государственное совещание; казакам даруется полная автономия. Проект весьма приемлемый, за исключением казачьей автономии, очень опасной для остального неказачьего населения Сибири.

Судя по той сводке, которую видел в ставке, наше наступление не удалось; сначала красные ошалели, и все шло для нас очень удачно, но сейчас они оправились, перешли в контр-наступление на нашем правом фланге и нажимают на Пепеляева; очевидно, сведения разведки о выдохе красных оказались неправдой.

Одурь берет от своего бессилия: фронту нужны сведущие и опытные военные юристы, которых много в тыловых округах, но которых никак не вытащишь на фронт; в одном Харбине, где нет никаких русских войск, прочно окопались три судейских полковника и упорно не исполняют приказа прибыть в Омск. Хорват их прикрывает под предлогом нужды в военных юристах.

Дитерихс уверяет, что результаты наступления обнаружатся только через две недели; думаю, что это очень опасное заблуждение: при данной обстановке нам нужны были молниеносные результаты, ибо наши войска неспособны на длительное напряжение в тех размерах, как того требует наступательный маневр большого масштаба и решительного характера. Боюсь, что ошибся в своей прежней оценке Дитерихса, считая, что он должен знать состояние фронта; видимо, это знание наружное, по поверхности, без умения оценить многое по его значению и без тех коэффициентов, которые только и определяют истинное боевое значение частей.

Боюсь, что и для него дивизии — это только номера и шашки, ибо только при таком отношении возможно рассчитывать на длительное развитие чрезвычайно трудной операции; он не хочет или не умеет учесть огромного значения душевной усталости и вымотанности войск даже в той части их состава, которая служит только идее и ведет за собой остальных. Успех операции рассчитан на использование для первого удара Ижевской дивизии; но ведь она единственная по своему составу; все остальное, быть может, и способно на первый порыв, но не больше, а если на-

ткнется на сильное сопротивление или, чего боже упаси, красные перейдут в контр-наступление, то все может кончиться катастрофой.

Попрежнему — решительный успех зависит только от действий конного корпуса.

При докладе совету министров весьма оптимистической оперативной сводки Андогский весьма внушительно перечислял многочисленные дивизии резерва. Но разве это дивизии? Это еле слепленные кучи частью очень уставших, частью очень сырых солдат, неспособные к полевому, маневренному бою, лишенные внутренней спайки, не желающие больше воевать, страдать и терпеть. Лучший офицерский состав, несущий на себе все физические и нравственные тяготы ужасной по обстановке гражданской войны, безумно устал и изверился в возможности получения откуда-нибудь смены и отдыха; сырые же, малодисциплинированные, по специальности безграмотные и душевно надтреснутые ряды остального офицерства мало чем лучше солдат: они тоже способны на временный порыв, но не больше; дальше же опять отрицательная реакция, новая порция потери веры в успех и новый, уже неудержимый откат на восток.

Если смотреть на нашу операцию по карте, считая размеченные на ней булавки за настоящие и прочные войсковые части, то не может быть сомнения в полном разгроме красных. Этот мираж туманит головы наших командных верхов и грозит нам тяжелыми последствиями. Чем больше будут продолжать насиловать армии при этом наступлении, тем грознее будет перелом.

Вот если конный корпус выполнит свою задачу и вгрызется, как следует, в красные тылы, то тогда многие части сделаются способными для энергичного преследования и их надо поберечь до этого времени.

Андогский с профессорским видом разглагольствует о присущей нашим войскам маневренности, что-де проявлено ими под Челябинском. Печальное заблуждение господина профессора, видевшего войну только из кабинетов больших штабов и привыкшего копошиться в теории и жить в атмосфере трескучих фраз; этому уже совершенно не дано знать боевых коэффициентов войск; ему не дано понимать, что не может быть маневренности в сырых милиционных, не духом поднятых на брань толпах, руководимых малосведущим по специальности командным составом;

ему не дано знать, что наша старая кадровая армия была очень слаба по части маневренности, ибо 25-летняя практика больших и показных маневров вбила в нашу военную психологию боязнь обходов и прорывов, коим на этих экзаменах для большого начальства придавали решающее значение; ему не дано знать, что на настоящий маневр, да еще наступательный, у нас были способны только редкие, на перечет, дивизии, счастливые тем, что в предвоенный период имели удачный подбор талантливых и идейно работавших над боевой подготовкой своих частей командиров. Но и тогда это были редкие зубры; какие же могут быть разговоры о маневренности теперь, при настоящем составе нашей армии...

3 сентября... В ставке уверяют, что Дитерихс, Хрещатицкий и К° задумали под видом стратегического резерва восстановить гвардейский корпус как основание будущего монархического переворота; поэтому-то все назначения в этот резерв делаются из бывших гвардейских офицеров.

При желании сварить жирные щи из старого топора в выдумках не стесняются.

Для чешско-русского хамелеона новый монархический вольт не представляет ничего особенного: в Киеве он именовал себя республиканцем, а в Сибири стал монархистом.

Вечером был на прощальном обеде у японского генерала Таканаги, который в частной беседе заявил, что уезжает во Владивосток для доклада главнокомандующему японскими войсками о положении дел на фронте и в Омске и о необходимости оказать нам более реальную помощь, чем это делалось до сих пор.

Тяжелое положение Омска делает семеновщину все более и более наглой; мой судный отдел и канцелярия комитета по охранению законности (председатель министр юстиции) наполнены жалобами на грабежи и насилия, чинимые семеновскими агентами; китайский консул жалуется на постоянные случаи ограбления китайских купцов при осмотре их чинами контр-разведки на станции Даурия; американский консул заявил многомиллионный иск от фирмы Вульфсон за захваченные Семеновым два вагона ценной пушнины. Телеграфирую, прошу Сыробоярского повлиять на Читу, но все бесполезно; такие язвы выжигаются только каленым железом.

Из Владивостока прислана краткая сводка деятельности Хор-

вата; очень характерно, как сам верховный уполномоченный и его ближайший антураж разобрали себе свободные земли Посьетского района; самому Хорвату отведен кус в восемнадцать тысяч десятин земли, одному из деятелей дальневосточного комитета, Тетюкову, — в двенадцать тысяч десятин, остальному антуражу по важности и по способности.

К сожалению, это не выдумки контр-разведки нового состава, опорочивающей старых владык, ибо подтверждено документами и официальными справками.

И такие-то люди брали на себя святую и чистую задачу спасения родины, ее оздоровления и вывода на новую дорогу. Неужели же в их голову не забрели мысли о том, какое великое зло они творят, рельефно показывая населению, что за люди стали ко власти; неужели они не понимали, что никто не поверит соусу о важности разведения в крае племенного скота и о том, что сия важная задача под руку только Хорвату, Тетюкову и иже с ними?

Последнее, быть может, и верно, но время ли заниматься такими вызывающими сомнения, нарекания и сплетни операциями; ведь не те времена, когда всем предержащим было плевать и на общественное мнение и на настроение всего населения. По истине «ничему новому не научились и ничего старого не забыли».

4 *сентября*. Просил Головина еще раз поговорить с адмиралом об освобождении меня от должности; атмосфера несогласия между мной и Дитерихсом начинает распространяться на деловые отношения между ставкой и министерством; низы нахохлились, и повторяются времена ссоры Лебедева и Степанова. Устранить это приказами нельзя, ибо оно в психологии служащих топорщиться за свое и за своих; между тем это совершенно недопустимо.

Раз Дитерихсу доверен фронт и ставка, то, очевидно, ему вручен максимум адмиральского доверия, а поэтому его взгляды и решения должны над всем превалировать; в силу этого соображения меня надо убрать, заместив таким лицом, которое было бы солидарно с его взглядами.

Оперативная сводка гласит, что на фронте развиваются упорные бои; термин «упорные» мне очень не нравится, так как показывает, что первый удар наш не был потрясающим и что красные оказались способными на «упорное» сопротивление, т. е. то, что не входило в расчеты ставки.

Дитерихс очень бережно, но безостановочно вводит в дело свои резервы; с этой точки зрения, он руководит операцией очень спокойно и умело; скверно только то, что все эти резервы совсем не то, что подразумевается под прикрывающими их номерами дивизий.

Еще хуже то, что сводка сообщает, что местами обнаруживается переход красных в контр-наступление.

Тем не менее, впечатлительный Омск ожил и подбодрился; местные языкоблуды раскудахтались во-всю и разносят сообщения о решительных победах и разгроме красных.

В ставке опереточные (заменяет «оперативные») вундеркинды насмешливо на меня поглядывают; особенно проникновенно, с величавым спокойствием гениального прозорливца смотрит на меня Андогский; не сомневаюсь, что все сообщенное ему мной по возвращении из поездки на фронт отнесено им на счет моего «острого пессимизма» и «паничности».

Дай бог, чтобы все они были правы, а я оказался старым дураком, пессимистом и выжившим из ума паником, ничего не понимающим в военном деле и в оценке обстановки, событий и лиц.

Ужасно то, что непонятный для многих скрытый язык фронтовых донесений говорит мне слишком много скверного; откинув шумиху трескучих фраз о тяжелых потерях красных, об истреблении целых полков и т. п., я вижу, что артиллерия красных уходит во-время; что тех мелких трофеев, которые неизбежны при истреблении целых частей, нет; что те полки, которые сегодня показаны в реляции уничтоженными, через несколько дней сами атакуют и заставляют нас отступать; для меня нет сомнения, что половина этих реляций и три четверти содержания остальных сфабрикованы и притом малоискусными по этой части штабами. Какие-то частичные успехи и кое-где есть, но они покупаются непомерно дорогой ценой выматывания последних сил; под ударами шпор наши войска напрягают последние усилия. . .

Где же конный корпус? Ему давно пора проявить свое решительное значение.

Омские газеты полны победным пафосом; Сахаров объявлен спасителем отечества и героем; появилось даже в виде особого почета данное ему кем-то название «солдат-генерал»; что он солдафон в генеральской форме, это верно, но чтобы он был солдатом-

генералом в высоком значении этого слова, — сие бесконечно далеко от истины.

Вся шпана, примазавшаяся к добровольческому движению, гордо машет руками и обещает двинуть на фронт целые рати; полились хвастливые речи о поголовном выходе на фронт целых разрядов населения.

А я, как противный, каркающий старый ворон, представляю себе, каким скользким и трусливо-подлым настроением все это сменится, если рассеется этот победный угар и над омским болотом вновь поднимется призрак красного приближения.

Подняли большую шумиху с поголовной мобилизацией бывших пленных из Карпаторуссии; к этому делу примазался Иванов-Ринов, заявивший, что этим путем он получит пехоту вдобавок к своему конному корпусу.

Бедных карпаторуссов стали хватать с помощью облав (Иванов-Ринов по этой части дока); благодаря этому Омск остался без хлебопеков и ассенизаторов, так как миролюбивые и неприхотливые карпаторуссы специализировались по черному труду; узнав о принудительной мобилизации, они разбежались из Омска, и в риновские сети попала только часть.

Озлобление среди них страшное; их собрали на станции Кулюмзино, рядом с бараками, в которых помещаются семьи ижевских рабочих; на днях у меня были старики ижевцы и сообщили, что озлобленные карпаторуссы ругают их за верную службу своей родине и, не стесняясь, говорят, что им только бы попасть на фронт, а там они расправятся с теми, кто их туда погнал, а сами уйдут к красным; те же отправят их домой.

Сообщил это 3-му генквару, прося обратить внимание, что это идет не из контр-разведчичьих сфер, а сообщается стариками рабочими, неспособными на выдумку.

В результате новая глупость и новый вред: до сих пор у нас был добровольческий карпаторусский батальон очень хорошего состава, очень добросовестно несший на себе тяжелые наряды и караулы. Теперь эта надежная и прочная горсточка растворена в массе насильно согнанных и не хотящих воевать людей.

В газетах моря платных восторгов по поводу «изумительного по своему единодушию поголовного подъема героев подъяремной Карпатской Руси на спасение родного русского народа». Платные

перья всегда были особо подлы, а в теперешней гнилой атмосфере они побили все старые рекорды.

Каждое заседание комитета по делам печати дает мне возможность высказать свое негодование по адресу наших осведомителей и наемных писак. Сначала Крафтон на меня обижался, но за последнее время часто соглашается, что я прав и что органы осведомления совершенно не выполняют своего назначения.

5 сентября. Утром вызвали к адмиралу, где уже были Головин и Дитерихс. Адмирал сообщил, что, выслушав все доклады и доводы, он остановился на решении включить в театр военных действий весь Омский военный округ, сделав его главным районом для новых формирований под руководством главнокомандующего и избранных им лиц. Иркутский и Приамурский округа остаются в подчинении верховному правителю и в ведении военного министра; никакого стратегического резерва на Дальнем Востоке формироваться не будет, а потому вопрос о назначении Хрещатицкого отпадает.

Доложил адмиралу, что вполне приветствую такое решение, долженствующее удовлетворить фронт и вполне естественное, ибо все равно Омску суждено стать прифронтовым городом.

Отвечая на просьбу адмирала не уходить с должности до приискания мне заместителя, доложил, что заместителем мог бы быть вполне соответствующий посту военного министра генерал Сурин, по моему мнению, несравненно более меня подходящий к этой должности; адмирал ответил, что против кандидатуры Сурина почти весь совет министров; это меня удивило, так как члены совета не могли не знать, как методично, ревностно и добросовестно работал Сурин и какие успешные, хотя и невидные, результаты дала его работа; если бы у нас было побольше таких людей и работников, как Сурин, то можно было быть спокойным за будущее.

Вечером в совете министров узнал от Сукина, что он, по поручению адмирала, был у генерала Такаянаги, чтобы узнать, правда ли, что японское правительство требует обязательного назначения инспектором формирований Дальнего Востока генерала Хрещатицкого, связывая с этим назначением вопрос об оказании нам дальнейшей помощи.

По словам Сукина, Такаянаги был до-нельзя удивлен этими вопросами и ответил, что ни о чем подобном они никогда и не

думали и что они не считают себя в праве вмешиваться в такие дела.

Таким образом открылась вся провокаторская махинация превосходительного спиртовоза; очевидно, это и повлияло на утреннее решение адмирала.

Но тем не менее Хрещатицкий остается в распоряжении Дитерихса и предназначается на должность инспектора формирований в Омском округе.

Спрашивается, сколько же мерзостей надо сделать, чтобы над вами поставили наконец крест!

Что прочное и здоровое может быть при таком порядке, при котором разоблачений, подобных сегодняшнему, оказывается недостаточно, чтобы с позором и пропечатанием выгнать вон способного на такие поступки генерала.

Не без труда протащил через совет министров законопроект об ассигновании военному министру десяти миллионов рублей на экстренные расходы по устройству дела воспитания детей военнослужащих. Уже осень, и нет возможности проводить все мелкие статьи, разрешающие этот насущный вопрос обычным путем; поэтому я и просил совет министров доверить мне это дело и отпустить просимый аванс.

Пролез большинством только одного голоса и то после того, как резко крикнул, что голосующие не имеют права отказать в помощи детям тех, которые за нас и за Россию умерли и умирают.

Разве можно успешно работать при таком государственном механизме, при котором приходится протаскивать через голосовальную машину такие насущные вопросы и рисковать остаться с носом, если более чем полудюжине министров вздумается голосовать против.

Тошно было слушать, как две бюрократических крысы от контроля и финансов вылезали из шкуры, чтобы как-нибудь провалить мой проект, доказывая ссылками на законы и протухшие циркуляры, что получающим усиленное жалование не полагается выдавать пособий на воспитание детей.

С наслаждением отправил бы этих крыс на фронт, оклеив их этими циркулярами.

6 с е н т я б р я. Капризное настроение Омска опять потемнело; присяжные оптимисты продолжают еще находиться под угаром

«фронтовых побед», но тревожные нотки начинают проскальзывать уже даже у заправил ставки; мелкие успехи есть, но разгрома красных не только нет, но они сами начали нас кое-где теснить; лучшие наши части уже израсходованы, резервы подходят к концу, а красные не желают даже начать отступление.

Спрашивал ставку о причинах бездеятельности до сих пор конного корпуса; по секрету сообщили, что наступление начато, не дожидаясь не то что развертывания, а даже сбора частей конного корпуса; это так ужасно, что не хочется даже верить возможности столь чудовищной оплошности; ведь ничто не требовало начать наступление в столько-то часов такого-то дня.

Отказываюсь понимать поведение Дитерихса; сам адмирал, конечно, тут ни при чем. Как мог допустить это Андогский, который, по званию профессора военной академии, обязан понимать, что значит подготовка операции и удачное для нее развертывание?

В ставке сознаются, что сбор казаков шел очень медленно; угар станичных постановлений, навеянных риновскими ситцами, подарками и пособиями, рассеялся, как только пришлось выходить на службу; но зато вылезли во всей будничной остроте жалость потерять хороший урожай, боязнь за семьи, страх за жизнь и пр. и пр.

Некоторые казачьи части сели в вагоны, забрав со собой жен и обильные запасы водки; по пути казачьего движения идет разгром наших продовольственных магазинов. Иванов-Ринов очень много шумел о том, что у него будет автономное и демократическое снабжение, но когда дело дошло до реального снабжения продовольствием и фуражом, то оказалось, что кроме пустопорожнего названия, у нашего наполеонистого Держиморды ничего не имеется. Скверно то, что все это свалилось на нас неожиданно; все берется по казачьей ухватке в двойной и тройной запас; забираются склады и вагоны, приготовленные для армии и для пополнения магазинов; интендант ходит, как очумелый, но я приказал все давать и все разрешать, дабы хоть чем-нибудь не помешать быстрейшему сбору казаков.

Офицеры из контр-разведки говорят, что в некоторых станицах идут секретные совещания о том, что не следовало отпускать строевых казаков на службу, так как все равно красные придут, а тогда будет трудно с ними сговориться; не думаю, что это

измышлено, так как очень подходит к казачьей психологии и специально сибирской расчетливости, чуждой идейного сентиментализма.

Потеря нами восточного Приуралья и Троицко-Орского района лишила нас огромных хлебных и фуражных заготовок и подвесила все довольствие армий на запасы средней Сибири. Все требования, предъявляемые в течение двух месяцев к министерству продовольствия о равномерном распределении запасов по всем магазинам и о доведении до нормы магазинов средней и восточной Сибири остались неудовлетворенными. Каждую неделю, получая ведомости пополнения магазинов, писал Неклютину бумаги, сначала вежливые, потом резкие, потом угрожающие, и требовал исполнения наших нарядов, но все безрезультатно. Говорил с Неклютиным и его помощниками, получал кучи уверений и обещаний, подкисленные ссылками на трудность положения, вызываемую потерей огромных запасов на фронте и тяжелыми условиями транспорта, смятого стихийной эвакуацией. С точки зрения законной отговорки, они на половину правы, но с точки зрения способности подняться до высоты создавшегося трудного положения— их нельзя оправдать.

Сумело же министерство путей сообщения справиться с еще более тяжелыми и экстренными задачами; сумели же и некоторые более энергичные уполномоченные продовольственного министерства сделать то же самое; там же, где сидят уполномоченными разные дельцы и юнцы (говорят, что среди них есть юноша, несколько лет тому назад кончивший лицей), то там дело совсем хромает. Особенно непонятно плохое заполнение магазинов Иркутска, Забайкалья и Дальнего Востока, где и транспорт легче, и запасов сколько угодно (даже с поправкой на разные семенизации).

Не мало затруднения в деле заготовки снабжений чинят нам милые наши интервенты, любящие плотно и хорошо покушать; сейчас они навалились на ограниченные запасы средней Сибири и изрядно их подсасывают; конкурировать с ними мы не можем, ибо они выменивают необходимое им довольствие у населения на разные товары и этим привлекают к себе весь сбыт. Очень много жалоб на безобразия и насилия, чинимые польскими войсками в районе Новониколаевска; эти не стесняются грабить, производить насильственные фуражировки, расплачиваться по ничтожным

ценам и захватывать наши заготовки, эшелоны и баржи с грузами.

На наши жалобы, обращенные к Жанену, не получаем даже ответа; польское хозяйничанье особенно для нас обидно; чехам мы все же обязаны, и часть их дралась вместе с нами за общее дело; польские же войска создались у нас за спиной из бывших пленных и наших поляков, взявших с России все, что было возможно, а затем заделавшихся польскими подданными и укрывшихся от всяких мобилизаций и военных неприятностей в рядах польских частей.

Очень много нареканий на безобразия, учиняемые весьма экзотическими морскими командами речной флотилии; они разрушили нам весь план тюменской эвакуации, забрав приготовленные для нее пароходы; теперь они плывут по Оби, возмущая своими безобразиями местное население и забирая разные запасы.

Очень тяжело положение с эвакуацией, так как потеря западных каменноугольных районов вызвала необходимость подавать уголь с востока с Черемховских копей и притом в таком размере, чтобы образовать теперь зимние запасы и обеспечить себя от того тяжелого угольного голода, который был так остер в прошлую зиму.

Но молодецкое министерство путей сообщения находится в опытных руках, и личный состав его работает выше всякой похвалы, успешно преодолевая все эти трудности.

7 сентября... При таком халате трудно надеяться на успех реконструкции. Всем не хочется беспокоиться; мой проект о снабжении населения Омска предметами первой необходимости скончался в какой-то комиссии; мои предложения городу построить на половинных издержках дешевые хлебопекарни и бани для совместного пользования войсками и населением остались, как говорится, «без последствий».

Что можно сделать, когда большинство у нас максималисты по части благ и прав и сугубые меньшевики по всему, что касается обязанностей, работы и излишнего служебного беспокойства? По внешности — что-то делается и как будто бы даже усердно; по внутреннему же содержанию — все сводится к исполнению опостылой поденщины, осточертевших номеров.

Испорченный «завоеваниями революции», главное из которых нравственное разложение, наш скрипучий и расхлябанный по всем

частям механизм управления все более и более засоряется своего рода мочекислыми отложениями, и нет в нашем распоряжении такого уродонала, который способен был бы рассосать эти гибельные отбросы больного организма.

Таким уродоналом может быть только нравственный подъем; никакие кары, никакая аракчеевщина и семеновщина от этого исцелить не могут, ибо болезнью этой больны и сами поклонники расстрелов и самой сугубой аракчеевщины.

На возможность такого подъема нет и сотой доли шанса; относительно, да и то под большим сомнением, могло помочь применение большевистской системы понукания и принуждения, но для этого у нас нет комиссарской непреклонности и безудержной решительности...

8 сентября. Сбитый с позиции и уличенный во лжи Хрещатицкий ушел в подпольную или, лучше сказать, в вагонную агитацию; идет оживленная работа, чтобы меня свалить; сегодня мне передали разговоры всей этой почтенной компании, что она грозит отбыть в Забайкалье, соединиться с Семеновым, отделить Дальний Восток от Сибири и тогда «показать Омску и собравшимся там большевиствующим генералам».

Состоящая при Хрещатицком женская особа надеется на значение по этой части своей дружбы с Машкой Шарабан.

Такие серьезные противники не по плечу такому бедному большевиствующему генералу, как я.

Не сомневаюсь, что две честолюбивые и корыстолюбивые бабы, помыкающие прилипшими к ним превосходительными мужиками, способны наделать не мало подлых гадостей.

Вообще сведения из Читы показывают, что все надежды на эволюцию семеновщины надо признать лопнувшими; настроение против Омска там самое озлобленное, и с ним считаются только как с дойной коровой.

9 сентября. Осведомление всячески раздувает мелкие успехи, одержанные кое-где на фронте. Спросил в ставке, зачем вводят в заблуждение и население и весь тыл; ответили, что этим надеются поднять добровольческое движение и этим разрешить уже остро надвинувшийся вопрос, чем пополнять быстро редеющие ряды наших боевых частей.

Сознание о неимении пополнений еще более усугубляет великую вину Дитерихса и Андогского, подвинувших адмирала на

настоящее наступление. Ведь и Главковосток и оперативный генквар были обязаны до мелочей оценить все наши средства и учесть, располагаем ли мы всеми средствами для исполнения и развития предпринимаемой операции; бывший генерал-квартирмейстер фронта и настоящий профессор академии обязаны были знать, что обеспечение пополнениями составляет вопрос наипервостепеннейшей важности.

Надо быть слепым оптимистом или безнадежным дураком, чтобы верить в возможность серьезного значения добровольческого движения и возможность базировать на этом пополнение армии.

Голицын и примазавшиеся к нему господа, не краснея (это качество ими давно и безнадежно потеряно), докладывают адмиралу, что они выставят очень скоро до 30 тысяч добровольцев. Трудно понять, как можно дойти до таких нравственных мозолей, чтобы докладывать такую заведомую ложь, верить которой очи при всей своей тупости все же не могут; они знают, что, несмотря на все материальные заманки, их шумиха провалилась; у них есть донесения о том, что в больших городах тыла число добровольцев определилось в несколько десятков человек, а в каком-то городе записался один человек.

Они знают, что контингент годного в войска населения исчерпан призывами и наборами, а то, что осталось в деревнях, ушло в шайки Лубкова, Щетинкина и прочих лесных главарей и громят наши тылы.

Они не могут не понимать, что нагло лгут ослепленному и плененному адмиралу и подают ему такие надежды, которые никогда не будут осуществлены. Все это делается ради честолюбия и самоустройства; трудно подыскать даже эпитет для оценки деятельности этих мерзавцев.

Очередная шумиха — это дружины креста и полумесяца; провалившись на первом этапе своей добровольческой авантюры, ее создатели при помощи услужливого осведомления стали грохотать, что весь путь добровольчества это религия и защита ее от большевиков; посему зазывание, уговаривание и вербовку надо производить в церквах, с надлежащим подогревом и пр. и пр. Одновременно пущен и такой осведомительный эффект, что чуть ли не все мусульмане Сибири решили итти в добровольцы, ибо Коран осуждает большевизм.

*

Пока что эта шумиха собрала около 200 человек добровольцев; они расположены около здания, занятого военным министерством; большинство из них производит очень благоприятное впечатление; видно, что пришли по убеждению; если бы таких были десятки тысяч, то песня красных была бы спета; все горе в том, что это все, что могла дать ближайшая к Омску Сибирь; больше таких уже нет и не будет.

Моему пессимизму не дано понимать, каким образом можно хоть на минуту поверить возможности минутным подъемом дряблого и трусливого настроения нашего массового шкурника-обывателя двинуть его на подвиг, на лишения и даже на смерть.

Ведь все то, что именуется душевным подъемом населения, связано исключительно с благоприятными сведениями с фронта. Но разве это душевный подъем? Это радость трусливенького поганыша, радующегося тому, что кто-то отдаляет от него все жупелы красного нашествия, прогоняет все связанные с этим грозные призраки и дает возможность продолжать свое спокойное существование с идеалами на манер навозного жука.

Наш трусливый обыватель будет петь молебны, будет захлебываться от радости по поводу побед; со слюной будет смаковать все подробности разных спасительных для него одолений; он будет выносить потрясающие резолюции и храбро, шумно требовать решительного наступления; кое-кто с дрожью вожделения, но оглядываясь, чтобы не услыхало что-нибудь подозрительное на красноту, будет заглазно уничтожать красные полки и расстреливать комиссаров, зловещие тени которых портят его буржуазный сон.

Но в то же время он не даст ни гроша на нужды армии и государства; он облазит все пороги и пойдет на всякую гадость, чтобы спасти себя и своих близких от грязной неприятности попасть на фронт или подвергнуться каким-нибудь лишениям; он бесконечно далек от мысли положить свой живот за какое-то отечество и считает, что это обязаны делать все, кроме него самого и его детей; зато он считает непреложным, что отечество обязано охранять его живот, все его преимущества и оберегать от красных покушений его капиталы и бебехи; он делается весьма злым и крикливым, если считает, что отечество не достаточно надежно его охраняет, и готов тогда насадить ежей за пазухи всем, кого считает в том виновным.

Но если, боже упаси, ничто не выручит и на обывателя все же навалится красная напасть, то он сожмется, тоже покраснеет и будет стараться потрафлять на нового повелителя, молясь всем угодникам об его гибели, но не даст на это ни одного гроша, не сделает ни одного опасного жеста.

Про конный корпус ничего не слышно; в ставке говорят, что его готовности к сосредоточению очень повредило одновременное формирование Степной армейской группы Лебедева; разбросались, и оба формирования вышли недоделанными и запоздали.

Из сводки видно, что потрепанные нашей третьей армией правофланговые части красных успели уйти от окружения и что красный фронт выправился. Это очень печально, так как сводит наше наступление к необходимости наносить лобовые удары, самые тяжелые по приносимым ими потерям и для нанесения и развития которых у нас не хватит средств.

Настоящий момент для нанесения удара конным корпусом уже упущен, ибо если бы Иванов-Ринов вышел в тылы красного правого фланга в то время, когда фронт красных был разбит наступлением третьей армии, то результаты могли быть потрясающими и отозвались бы на исходе всей кампании 1919 года.

Но и сейчас решительный выход конного корпуса к Кургану и к тылу красных по линии Тобола способен привести к полному разгрому красных. . .

10 сентября. Ставка оповещает, что успех наступления развивается и что в последних боях наши части прорвались до красных штабов и батарей; мой пессимизм просил сообщить о числе взятых орудий и получил ответ, что «они подсчитываются».

Для меня это плохое предзнаменование, ибо по опыту большой войны знаю, что значит это темное выражение; оно особенно подозрительно теперь, так как, по сведениям с фронта, красные очень бедны артиллерией, так что долго считать не приходится.

С нетерпением жду появления на сцене конного корпуса и прошу тени всех великих кавалеристов осенить своим благословением все действия Иванова-Ринова. На нем зиждутся все судьбы Сибири. Его успех — это полное выпрямление почти безнадежного направления; это 7 — 8 месяцев передышки и возможности решительно перевернуть весь курс нашего военного управления и нашего государственного строительства. По этой части все мои надежды обращены на Головина; мне кажется, что это настоящий

человек для того, чтобы благотворно влиять на адмирала и разумно его направлять; я убедился, что адмирал его слушается, ему доверяет и очень считается с его мнением.

Из беседы с Головиным я убедился, что он понимает отлично всю нашу обстановку и что он сумеет очень тактично, но достаточно крепко приняться за лечение наших болезней и за устранение недостатков...

Третий день чувствую себя отчаянно плохо; внутри какие-то грызущие боли; все это ухудшает и без того скверное настроение.

Весь вечер пропал даром в бессмысленном заседании комитета экономической политики, где пережевывались общие принципы реквизиции.

Удивительные мы люди: на фронте идет наступление, долженствующее решить судьбу сибирского белого движения и всей России; тыл разваливается и пылает восстаниями, а в это время 12 министров и их товарищи убивают три с лишним часа на обсуждение вопросов самой отвлеченной теории.

Я рекомендовал использовать прямо положение о реквизициях, вышедшее во время большой войны, но решили все же поговорить.

Я и морской министр попробовали пропустить два заседания этого комитета, но получили затем письма от председателя с указанием, что наше отсутствие замечено и впредь просят быть аккуратнее.

Такие заседания напоминают мне дискуссии о спасении души в вагоне, который летит кувырком с многосаженной насыпи, причем пассажиры уже не знают, где у них верх, а где низ, где крыша, а где пол.

11 сентября. Штаб Приамурского военного округа прислал заключение военного прокурора о деяниях хабаровского разбойника атамана или, как он назван в прокурорском заключении, мещанина Ивана Калмыкова. Заключение составлено на основании документов и свидетельских показаний; написано оно обычным для таких заключений кратким языком, причем одно изложение учиненных Калмыковым преступлений занимает около 20 страниц.

Я давно добивался этого документа, чтобы дать адмиралу оружие для начала борьбы с атаманами; сейчас же все это запоздало, ибо хозяевами положения являются казаки и их конфе-

ренция, определенно поддерживающая дальневосточных атаманов.

Доложил заключение адмиралу, дал прочесть Головину и послал помощнику военного министра по казачьей части для сообщения казачьей конференции; вечером мне сообщили частным образом, что, по мнению казачьих лидеров, делу надлежит не давать никакого хода, так как нельзя дискредитировать Калмыкова в виду его «государственных заслуг». При этом сказано, что такое решение будет поддержано конференцией и будет окончательным, так как в виду автономии казаков и выборного звания атамана никто не может привлечь Калмыкова к ответственности.

Поручил главному военному прокурору составить доклад верховному правителю с доказательством нелепости такого мнения и с изложением мнения о необходимости приказать командующему войсками Приамурского военного округа немедленно дать делу законный ход.

Десятки страниц этого заключения дают яркую картину преступного разгула наших белых большевиков — сухое, но наполненное ужасом и кровью перечисление злодеяний и гнусностей, совершенных хабаровским исчадием — «младшим братом» (он себя так всегда именовал) читинского атамана.

Было бы очень хорошо послать этот документ в Японию для непосредственного доклада императору; думаю, что тогда не поздоровилось бы тем японским генералам, которые добились посылки хабаровскому убийце и разбойнику приветственной телеграммы от имени наследника японского престола.

Эти генералы не могли не знать, что такое Калмыков, и этот поступок является чрезвычайно характерным для всей японской политики по отношению к нашему правительству. Ясно, что им нужны наш развал и наше разъединение, ибо иначе нельзя объяснить ту решительность, с которой они поддерживают читинского и хабаровского разбойников.

Неглубокая и неумная это политика, даже с точки зрения существенных и интимных интересов Японии. Возрожденная Россия не может быть опасна для Японии; она может быть ей только полезна, особенно в будущем, как могучий противовес и союзник в неизбежном соперничестве Японии и Китая.

Восточная Сибирь нужна японцам для получения концессий и для отхожих промыслов; здравый смысл подсказывает, что и то и

другое может быть достигнуто только при наличии у нас твердой власти и порядка, т. е. путем решительной поддержки существующего правительства и уничтожения всякой атаманщины.

Политика divide et impera, проводимая японцами в Китае, уже достаточно им напортила и, обогатив многих политических дельцов и коммерсантов, ничего не дала самой Японии. Повидимому, то же идет и сейчас. На Семенова ухлопаны не малые японские капиталы в надежде вернуть их вдесятеро. Думаю, что японские игроки ставят не на ту лошадь. Трудно проникнуть в сокровенные тайны японской государственной политики, но если только Семенов поддерживается с согласия правительства, то такая политика вполне заслуживает того, чтобы назвать ее глупой и очень смахивающей на жульничество.

Получил первую правдивую сводку осведомительного отдела, встряхнутого назначением начальником отдела полковника Сальникова; в сводке очень рельефно и правдиво изложено действительное настроение войск и приведено много кричащих фактов как из жизни армии, так и из жизни населения и тыла. Сведения эти получены путем посылки всюду особо избранных агентов, заглянувших в самую душу войск и населения. Красной нитью проходит, что те части в большом порядке, где офицеры лучше, честнее и преданнее долгу; там и солдатское настроение вполне здоровое, благожелательное и чуждое каких-либо потрясений; и это добыто не распустой и ослаблением требований службы; наоборот, в таких частях сохранились и дисциплина, и порядок, ведутся занятия. Да иначе и быть не может.

Обнаружился наконец конный корпус Иванова-Ринова, имевший крупный успех и разгромивший красную бригаду, подходившую с юго-запада на усиление красного правого фланга. Сейчас Иванов-Ринов становится близок к исторической славе; трудно представить себе более благоприятное для конной массы положение, чем то, в котором он теперь находится. У него $7^1/_2$ тысяч шашек на свежих конях; большинство личного состава старые, опытные казаки, уже бывшие на войне; его корпус находится на обнаженном фланге красных войск, уже совершенно расшатанном двухнедельными боями и нанесенными ему ударами; корпусу открыт весь лежащий перед ним тыл красной армии, на фронт которой навалились наши войска; местность ровная, идеальная для действий конных масс и богатая местными средствами.

Омск ликует. Мне совестно за мой пессимизм. Всем сердцем желаю, чтобы господь благословил дальнейшими успехами действия конного корпуса; ведь от этого зависит судьба России на долгие годы.

12 сентября. Положение на фронте не разрешается; конница как-то замялась; по вчерашней сводке, ей следовало быть уже у Кургана и громить красные тылы, а об этом нет донесений. Дитерихс говорит, что красные дерутся очень упорно и все время переходят в контр-атаки; особенно напирают на армию Пепеляева, который даже просил разрешения начать отходить, но Дитерихс ему отказал.

Я не верю в упорность боев в том смысле, как мы привыкли понимать; несомненно только, что красные превосходят нас упорством командования и маневренностью... Это делает красных менее чувствительными к обходам и прорывам и придает их фронту известную стойкость, которую грим наших реляций называет упорным сопротивлением, упорством боя.

Южная армия разрезана пополам и перестала существовать как организованное воинское соединение. Гибель этой армии надо поставить полностью на счет безграмотной стратегии и честолюбия Лебедева и К°. Они задержали своевременный отход этой армии ради обеспечения своей челябинской авантюры; они игнорировали совершенно ее тяжелое положение по части снабжений, ибо у ней нет железной дороги, колесных транспортов и ее обозы из старых обывательских подвод уже весной были в отчаянном состоянии (наряды повозок казенного образца, данные этой армии из заготовок Екатеринбургского района, частью не были выпущены Гайдой, частью были перехвачены тылами Западной армии).

Когда обнаружилась невозможность удержать за собой Челябинский район, то наши стратеги взвалили на эту несчастную армию задачу прикрывать пути на Туркестан и Ташкентскую железную дорогу вместо того, чтобы разрешить Белову итти на соединение с уральцами, что спасло бы армию и очень усилило бы уральцев; снабжение можно было организовать через Гурьев и Каспийское море.

Теперь положение уральцев отчаянное, так как они предоставлены самим себе. Все это ягодки нелепого выбора северного направления для весеннего наступления наших армий; горькая чаша, испитая нами в возмездие за неграмотность тех, в руки которых

попало высшее руководство белыми вооруженными силами Сибири.

Вечером длинное заседание совета министров; Сукин сделал доклад о конфликте, возникшем между Америкой и Японией по сибирскому вопросу, и сообщил содержание американской ноты, в коей от Японии требуется единство действий и ей делаются упреки в двойственной и эгоистичной политике.

Сукин подчеркнул, что американская нота указывает на обязанность всех союзников вознаградить Россию за ее потери во время великой войны, и заявляет о готовности Америки оказать России всякую помощь.

Затем Сукин доложил, что, по полученным из Владивостока сведениям, там сосредоточились представители эсеров, подготовляющие переворот и свержение омской власти, после чего предположено собрать земский собор; известно, что представители Англии и Америки уже уведомили свои правительства об ожидаемых вскоре событиях и о том, что, по их мнению, дни реакционного омского правительства уже сочтены, причем власть перейдет в руки нового, чисто народного правительства, которое будет всесибирским и немедленно созовет сибирское учредительное собрание и земско-городской собор.

Руководителем переворота выступит сидящий во Владивостоке Гайда, обещавший эсерам активную помощь чехов во Владивостоке и Иркутске и полное содействие главного чешского комиссара доктора Гирса.

Дело считается настолько верным, что заместитель высокого комиссара Великобритании сэра Эллиота О'Рейли виделся с представителями вновь конструируемой власти и обсуждал с ними детали по поводу созыва собора и создания сибирского парламента.

Товарищ министра внутренних дел подтвердил правильность этих сведений; руководство переворотом принимает на себя Гайда, желающий отомстить адмиралу за свою отставку. При проезде через Иркутск Гайда вел длительные переговоры с тамошними земцами и эсерами и тогда уже предлагал им устроить переворот и свергнуть адмирала с его правительством, но иркутяне отказались принимать в этом участие, и Гайда уехал во Владивосток, где и продолжает все время работать над подготовкой переворота.

Как прав был я, когда советовал адмиралу отправить Гайду за границу через Монголию и Китай; ведь и другие лица предупре-

ждали адмирала, что Гайда очень мстителен и всякая задержка его нахождения в Сибири очень опасна. Вот и доминдальничались!

Непонятно, однако, почему же уже в Иркутске не были приняты шаги для ликвидации этого заговорщика; почему его пустили во Владивосток вместо того, чтобы заставить проехать через Чань-Чунь. Было достаточно времени, чтобы снестись с Прагой и принять меры по обезвреженю подпольной деятельности Гирса.

На последнем совещании заговорщиков решено начать с поднятия восстания в Новониколаевске и Иркутске, причем они будут поддержаны чехами и польскими войсками, а затем произвести переворот во Владивостоке. Считают, что этого будет достаточно, чтобы задушить омскую власть.

Данные о заговоре и о деятельности Гайды были заявлены генералу Жанену, который заявил, что за владивостокских чехов он не ручается, а что касается Иркутска, то он послал генералу Сыровому телеграмму с подтверждением приказа президента Массарика, воспрещающего чехам вмешиваться в русские внутренние дела.

Одновременно с переворотом решено открыть во Владивостоке земско-городской собор, члены которого уже намечены и частью уже выехали во Владивосток. Эсеровские главари движения усердно стараются привлечь к себе симпатии союзников, указывая, что все движение совершается по воле народа, восстающего против Колчака и реакционеров; особенно сильно обрабатывают они американцев и владивостокское американское начальство, всегда враждебное по отношению к омскому режиму.

Слепенькие эсерчики усердно работают на пользу Ленину; они воображают, что, свалив Омск, они сделаются властью.

Трудно понять поведение союзников; они держат в Омске своих представителей и оказывают нам помощь; во всем, что касается необходимости изменить общий курс правительства, они молчат, как убитые, называя это невмешательством в наши внутренние дела. И в то же время во Владивостоке их представители имеют сношения с теми, которые собираются на днях сковырнуть этот самый Омск. Поневоле начинаешь думать, не правы ли те скептики, которые уверяют, что всей Европе нужно расчленение и обессиление России и что никто там и не думает желать, чтобы вновь на политическом горизонте появилась могущественная и реформированная Россия. С точки зрения чести и совести, это чу-

довищно, но говорят, что в трезвой политике властвуют только эгоизм и расчет.

Я не могу защищать омскую власть; ее деятельность за 10 месяцев ее существования принесла только вред и разруху; но всякий насильственный переворот будет сейчас только на руку большевикам, ибо эсеровское правительство, попав ко власти при такой обстановке, не удержится и десяти недель и будет слопано большевиками без всякого труда.

Очевидно, приближается время бурных потрясений. Только громовой успех на фронте может отсрочить нависшую уже катастрофу; судьба очередного часа России в руках Иванова-Ринова.

Союзники, очевидно, нас уже взвесили и начинают понемногу нас бросать; отъезды на восток высоких комиссаров очень знаменательны: очевидно, им следует оказаться не в Омске, если произойдут какие-нибудь события. Сведения о настроении чехов внушают серьезную тревогу.

В отношениях союзников все больше и больше прорезываются демократические симпатии, а мы — неизвестно только почему — считаемся на положении черных реакционеров (очевидно, вся грязь Читы, Хабаровска и атаманщины легла и на очень дряблый, бессистемный, болтающийся, но отнюдь не реакционный Омск).

Назвать адмирала реакционером было бы подлостью; что касается состава совета министров, то при всем отрицательном отношении к результатам его деятельности я не могу назвать его даже относительно реакционным; огромное большинство министров настроены весьма прогрессивно, но, конечно, не по-большевистски и левоэсеровски; они очень хотят, чтобы все недостатки прошлого были устранены, но, к сожалению, не умеют этого сделать и барахтаются в море нежизненных проектов, несвоевременных, запоздалых, кургузых и половинчатых поправок. У председателя нет никакого курса, и государственный корабль беспомощно несется по бурному течению текущей жизни; поднимается опасная скала справа — мы мечемся к левому берегу; появится опасность слева — мы бросаемся вправо, но все это не в смысле убежденной реакции, а только в отношении применения средств.

Даже теперешний хозяин положения — казачья конференция — в составе большинства ее членов не может быть названа реакционной, несмотря на то, что по казачьей солидарности она держит как бы руку Семенова; ее лидеры понимают, что полный

возврат к старому невозможен, и это определенно видно в их союзе с государственным экономическим совещанием и в принятой ими программе.

Никакой переворот положения не изменит; нужна крутая перемена в практической работе правительства, в его составе, в систематичности работы, в приближении к населению и его нуждам.

Поднял вопрос о необходимости немедленно начать эвакуацию чехов на Владивосток и далее, а если можно, то и на Чань-Чунь и Дайрен для посадки там на срочно и не останавливаясь перед расходами нанятые пароходы; мне ответили, что это недопустимо, так как имеются самые непреложные сведения о том, что чехи горят желанием оказать нам активную помощь и что уже посланы весьма надежные и компетентные среди чехов лица для того, чтобы выработать необходимое соглашение. Поистине, здравый смысл нас совсем покинул.

Слушал рассказы офицеров ставки о том, как Дитерихс почти что силой захватил тыловой поезд генерала Вержбицкого, и о тех запасах всякого добра и снабжения, которые там оказались, выслушал почти анекдотический по своей внешности, но ужасный по своей правде и по внутреннему значению рассказ о том, как во время описи контролем имущества этого поезда находившийся при этом поезде священник, совершенно пьяненький, все время упрашивал комиссию прекратить опись: «подумайте только, сколько труда и работ положено на все это его превосходительством, а вы все собираетесь разгромить»... так приставал к контролеру словоохотливый батюшка...

13 сентября. Был в ставке; оказалось, что там ничего не знают про владивостокский заговор; очевидно, вся деятельность контр-разведки ушла на выдумывание несуществующих заговоров, на сбор сплетен и на разную мелочь.

Вечером получил из ставки очень неумело и, очевидно, задним числом и наспех сфабрикованное донесение по поводу владивостокских сведений; очевидно, контр-разведка пытается спасти лицо и показать свою осведомленность, но выполнила это так неудачно, что белые нитки вылезли из всех швов.

Харбин срочно донес, что получены достоверные, не внушающие ни малейшего сомнения сведения, что у Семенова, ездившего

недавно в Мукден, состоялось соглашение с Чжан-Цзо-Лином на тему о создании независимых Манчжурии и Монголо-Бурятии с са-

модержавием Чжана в Манчжурии и Григория I (по-моему — III, считая Отрепьева и Распутина) в Монголии.

Считают, что рождено это в японских головах и будет проведено под японским флагом.

Для Японии будет чрезвычайно выгодно иметь своих верных и многообязанных ставленников в столь важных военных и экономических районах Азиатского материка; кроме того, это очень серьезное расчленение колоссального китайского дракона и большая гарантия от будущих китайских неприятностей.

Хорват доносит, что им получены сведения о намерении Семенова занять своими войсками Китайскую железную дорогу и что обнаружено сосредоточение его броневых поездов по направлению к станции Манчжурия.

Мне думается, что это фабрикат харбинской контр-разведки, так как силы Семенова слишком слабы, чтобы справиться даже с китайскими войсками; японцы же никогда не рискнут на активное выступление против Китая, ибо это будет равносильно открытому разрыву с Америкой.

14 сентября. Видел адмирала; вид у него усталый и озабоченный; дела на фронте очень далеки от того, что ожидалось; резервы исчерпаны, а пополнений нет. Ставка гонит на фронт кучи новобранцев, не пробывших и недели в ротных частях, не соображая, что это не усиление, а ослабление фронта.

Высказал ставке, что невозможно посылать на фронт такие пополнения; ответили очень раздраженно и с подчеркиванием, что начальники резервных бригад другого мнения и считают пополнения годными для высылки на фронт; при этом все же добавили, что иных пополнений уже нет, а потому исполняют решительный приказ Дитерихса выслать все, что только имеется в тылу.

Вот к чему приводит начало операции наспех, без расчета и без поверки готовности всего, что обеспечивает ход, развитие и успех всякой большой военной операции.

Надежды на решительный успех конного корпуса сильно потускнели; есть слухи, что Иванов-Ринов не исполнил данных ему директив и что казаки увлеклись преследованием разбитой ими красной бригады и ушли куда-то в сторону. Если это верно, то наше дело совсем плохо.

15 сентября. Получил подписанный Дитерихсом приказ по

ставке о реформе санитарной части, причем в военном министерстве упразднено все главное военно-санитарное управление.

Сделано это совершенно беззаконно, ибо Дитерихс не имеет права распоряжаться в военном министерстве, и, кроме того, все реформы по министерствам подлежат рассмотрению и одобрению совета министров; затем это сделано не только помимо моего ведома, но зная, что я определенно против и согласия не дам.

Кучка самоустроителей решила воспользоваться особой омской обстановкой и нахрапом провести выгодную для них, но вредную для дела реформу, они обманули адмирала и добились его согласия, рассчитывая, что потом отсидятся за этим согласием от всех моих нападений. Главным начальником санитарной части назначен, конечно, доктор Краевский; он явился сегодня в главное санитарное управление, но я приказал его выгнать и его распоряжений, как незаконных, не исполнять.

Написал Дитерихсу и прошу остановить опубликование приказа, как явно незаконного, до тех пор, пока я не доложу всего адмиралу.

Прислали на заключение доклад по поездке на Дальний Восток нынешнего инспектора добровольческих формирований генерала Голицына. Выгнанный с фронта, он выклянчил себе служебную командировку во Владивосток и, вернувшись, представил адмиралу доклад, в котором с развязностью Ивана Александровича Хлестакова и с не меньшим знанием дела разрешил и разрубил все главные вопросы и проблемы нашего дальневосточного положения.

Доклад попал мне под злую руку; прочитав его, написал на полях убедительную просьбу не обременять мое рабочее время чтением хлестаковщины, сочиненной превосходительным гастролером, слишком быстро выскочившим в генералы и не успевшим по дороге, за краткостью времени, ничему научиться.

Правитель канцелярии, ничтоже сумняшеся, сообщил эту резолюцию в ставку и автору доклада.

Вечером был приглашен в совет верховного правителя по поводу созыва государственного совещания. Адмирал открыл заседание очень горячей речью, в которой старался доказать несвоевременность такой реформы; очевидно, он был нафарширован кем-нибудь из ближайшего советнического антуража.

Первым отвечал министр внутренних дел, высказавшийся самым решительным образом за созыв совещания и предоставление

ему законодательных функций; все остальные члены совета по очереди высказали свое полное согласие с мнением Пепеляева и свое убеждение в неотложности этой меры.

Адмирал страшно смутился; было несомненно, что по чьему-то докладу он ожидал совсем других речей.

После непродолжительного обмена мыслями было решено возможно скорее собрать государственное совещание с законодательными функциями и с преобладанием в нем представительства крестьян и казаков, т. е. главной массы коренного и трудового населения Сибири.

16 сентября. Наступление выдохлось и замерло; кое-где продолжаются небольшие стычки, и мы еще сохраняем свое положение; боюсь, что это продолжится не долго, а тогда вымотанные в конец части покатятся вновь назад. Остановить их и поддержать будет уж нечем; честолюбивые игроки израсходовали все ресурсы, уложили все резервы; то, что начали Лебедев и Сахаров, докончили Дитерихс и Андогский. И если грядущая катастрофа разразится и белое движение, начатое в Сибири полтора года тому назад, окончится полным крахом, то красные окажутся очень неблагодарными, если не поставят благодарственного памятника этим белым генералам и не наградят их заочно всеми красными наградами за деятельную помощь по сокрушению сибирских армий.

Иванов-Ринов получил от адмирала георгиевский крест за первый успех своего корпуса, а затем почил на лаврах; по сведениям ставки, он не исполнил шести повторных приказов Дитерихса и адмирала двинуться на Курган в тыл красных.

Свершилось то, чего боялся; последний наш козырь, попав в руки этого полицейского ничтожества и очевидного труса, пропал. После этого для нас уже нет выхода и весь вопрос в том, сумеем ли протянуть военные действия до зимы.

Дитерихс отдал приказ по армиям с благодарностью за победы; стиль приказа напоминает рубленые фельетоны Дорошевича с добавкой выкриков и пустопорожних фраз. Приплетены, неизвестно для чего, и Магомет, и Будда, коим тоже воздается хвала; это nouveauté в стиле религиозного интернационала; недаром Голицын завел у себя мусульманские дружины и зеленые знамена с полумесяцем.

17 сентября. До чего Омск способен на измышление раз-

ных сенсаций, показывает ползающий сегодня по городу слух, что во Владивостоке произошел переворот и учреждено новое правительство в составе Гайды, Хорвата и генерала Болдырева.

Включение в эту комбинацию фамилии Хорвата достаточно определенно гарантирует 100% ложности этого слуха, и тем не менее ему верят, волнуются и создают разные будущие вероятности. Очевидно, что чьи-то юркие уши подобрали обрывки разных разговоров, сводок и сведений и скомбинировали все это вместе.

Настаиваю, чтобы ставка предоставила полчаса разговора по прямому проводу Омск — Владивосток какому-либо органу осведомления для держания нас в курсе владивостокских событий и ориентировки Владивостока о том, что делается в Омске; это лучший способ бороться с пропагандой и сплетней. Правда, что большая часть времени по прямому проводу разобрана союзниками, но все же есть возможность уделить полчаса на настоящее осведомление.

Объявлена грамота верховного правителя о созыве государственного совещания; редакция мне не понравилась, а стиль напоминает перевод с иностранного языка.

Очень жаль, что адмирал поддался на решение совета министров и не возложил теперь же обязанности государственного совещания на выборный состав государственного экономического совещания; это сразу претворило бы посулы и обещания в настоящее дело. Одновременно следовало бы воспользоваться случаем и отправить совет министров и временное совещание в Иркутск, подальше от всяких фронтовых случайностей.

На фронте мы выдохлись окончательно и не без труда отбиваем переход красных к активным действиям; сводка отмечает усиление красных частей; больно и противно читать в ведомостях сводки про такие красные части, которые во фронтовых реляциях показаны совершенно уничтоженными.

Иванов-Ринов отказался окончательно исполнить приказ главнокомандующего о движении в тыл красных; здесь считают ошибкой, что Дитерихс не вызвал его к себе, как бы для получения инструкций, и не отдал приказа его заместителю; говорят, что дивизиями конного корпуса командуют молодцы, которые повели бы за собой свои части.

Иванов-Ринов крепко базируется на свое звание выборного

атамана. В этом много скверного для настоящего и еще более опасного для будущего.

То положение, которое занял сейчас Иванов-Ринов в Омске, заставляет особенно желать, чтобы правительство уехало в какое-либо более безопасное от таких влияний место. Правительству надо быть подальше от разных честолюбий, особливо же военных и казачьих; омские перевороты достаточно это доказали.

18 сентября. Под чьим-то влиянием и ничего мне не говоря, адмирал не сдержал данных мне обещаний по моему докладу о невозможности ломать управление округами и дал согласие на проект Дитерихса и на назначение Хрещатицкого инспектором формирований на Дальний Восток.

Я достаточно определенно высказал свои взгляды по этим вопросам и изложил свое мнение о вредности этих реформ и назначений; я получил заверение, что мои взгляды приняты во внимание и уважены, но это заверение продержалось всего лишь несколько дней.

При таком отношении ко мне, удостоенному быть ближайшим сотрудником адмирала в управлении военным ведомством, я не желаю оставаться более в этой должности и ждать приискания мне заместителей.

Адмиралу следовало бы видеть, что в моих требованиях нет ничего личного и что я только защищаю интересы нашего общего дела, т. е. исполняю то, к чему обязывают мой долг и занимаемое положение.

Очевидно, адмирал лишен способности понимать людей. Неужели он думает, что со мной можно так обращаться и я буду все время терпеть? Неужели он не понимает, насколько некорректен его поступок по отношению к тому, кого он столько раз просил не уходить с поста военного министра? Он облечен правом все отменить и все приказать, но его положение обязывает делать это открыто, а не исподтишка. Повторяется то же, что он сделал со Степановым.

Я понимаю, что его на это толкают; меня надо заставить уйти, ибо я мешаю многим, поэтому все и делается так, чтобы поставить меня в такое положение, чтобы я не мог оставаться. Неизвестно, для чего все это делается, так как гораздо проще было бы дать согласие на мою отставку, которую я так давно прошу.

Я вполне сознаю свою непригодность для службы в этой ком-

пании и прошу только одной льготы — разрешения доехать до Харбина в своем теперешнем вагоне, так как здоровье мое настолько скверно, что иначе мне будет очень тяжело ехать.

Утром я был у адмирала, и он ничего мне не сказал; поразило меня только то, что, встретив меня в зале, он невероятно смутился, подошел к висящей у него в кабинете карте полярных экспедиций и несколько минут как-то бесцельно водил по ней пальцем, ничего мне не говоря.

Передо мной у него был Хрещатицкий, с которым я встретился в передней; очевидно, он только что вырвал у адмирала согласие и подпись устраивавшего его приказа. Адмирал наткнулся на меня совершенно неожиданно и, очевидно, почувствовал себя настолько виноватым, что это и вызвало последующую немую картину.

Послал доклад об увольнении, изложив невозможность занимать столь ответственный пост при том недоверии и пренебрежении, которые мне оказаны; то же самое донес и председателю совета министров.

Сослуживцы упрекали меня, что я отказался от назначения наштаверхом и военным министром, когда мне это было предложено.

Я не знал, правильно ли я тогда поступил, но сегодня узнал, что я был прав: к стилю адмирала я не подхожу, и несомненно, что мое пребывание на вышеуказанных высоких должностях не продолжилось бы и нескольких суток.

Вся польза свелась бы разве к тому, что за это время я успел бы прогнать из ставки кое-какую дрянь, но ведь и она вернулась бы обратно после моего ухода.

Вечером заседание совета министров; министры финансов и иностранных дел доложили о положении Дальнего Востока — политическом и финансовом.

Выяснено, что между дальневосточными атаманами идут оживленные сношения в связи с тяжелым положением Омска и правительства; атаманы считают, что наша песня спета (в Чите уже несколько раз праздновали взятие красными Омска и бегство правительства; то же было и в красных кругах Харбина и Владивостока), и приготовляются делить остающиеся бесхозяйными ризы. Пока намечена полная автономия всего Дальнего Востока под главенством Семенова и под негласным протекторатом Японии; сейчас идет захват всех идущих с востока грузов; захват Семено-

вым первого эшелона золотого запаса, отправленного на Владивосток, обильно снабдил Читу золотой валютой и поднял атаманское настроение.

20 сентября. Утром едва встал, чтобы итти на службу, все время сильный озноб и рвущие боли в области печени; боюсь, что занервничался и перетянул себя в работе.

Напоследок обрадован известием о приобретении в Америке патронного завода и о полном вероятии приобрести станки и машины ружейного завода, изготовлявшего наши трехлинейки; это большой шаг для скорейшего перехода на собственное производство главнейших предметов боевого снабжения. Патронный завод направится в Хабаровск, где на территории арсенала есть здания и все необходимое.

Кроме того, нам удалось спасти часть станков Златоустовского и других уральских заводов; сейчас эти заводы устраиваются вдоль сибирской магистрали и обещают к весне наладить некоторые отделы нашего военного снабжения.

Инженерная часть, руководимая энергичным и нешаблонным Кохановым, уже многое наладила по части заготовки разных видов технического снабжения (до очень хороших телеграфных оборотов включительно); подтянулась и санитарная часть.

Не легко все это далось, но все же есть утешение, что работал и измывался недаром. Обидно, что мои просьбы наладить кустарные производства холста и сукна, обращенные к министрам земледелия и торговли, оказались так и не выполненными; это оставляет нас в зависимости от заграничных заказов.

Ставка совершенно ошалела и проводит разные командировки, причем трудно даже сказать, какая из них наиболее нелепая. На днях ко мне явился присланный ставкой очень бравый полковник, измысливший для себя командировку в Хиву и Бухару для руководства свержением большевиков и совместных затем действий против их тыла. Приказано ассигновать ему несколько десятков пудов серебряной монеты и выдать разное снабжение. В связи с этой командировкой в совет министров внесен проект правительственных грамот на имя эмира бухарского и хана хивинского, с тем, чтобы эти грамоты были вручены сему бравому полковнику для передачи по назначению.

Я решительно протестовал против обсуждения текста этих грамот, высказав, что такие документы присылаются с особыми

послами и вручаются в торжественной аудиенции, а не проносятся зашитыми под подкладку шинели или заделанными в сапоги, как то придется делать нашему полковнику, собирающемуся пробираться в Бухару со стороны Китайского Туркестана и переодетым.

Я высказал, что уважающему себя правительству не следует делать того, что носит смешной, опереточный характер. Но большинство было другого мнения, и текст этих грамот был утвержден.

Всюду нарождаются добровольные формирователи, рвущие последние запасы снабжения; я делаю наряды снабжения для Иркутского округа, но это кассируется именем адмирала, и снабжение передается Голицыну, у которого нет и одной двадцатой того числа людей, на которых он получает все снабжение.

Недавно в районе Томска организовался на наши средства какой-то Ижевский отряд, оказавшийся фальшивым и предназначенный для захвата Омска при проезде через него в направлении на фронт; контр-разведка успела раскрыть это за несколько часов до посадки отряда на железную дорогу, но меры по ликвидации принять не успели, и большая часть отряда с нашими винтовками, пулеметами и отпущенными на его формирование миллионами ушла на север в тобольскую тайгу, создав угрожающее положение в тылу самого Омска.

Вместо упрощения организации у нас идут все новые формирования; за последнее только время родились штабы южной группы (создана для устройства Лебедева), отдельного конного корпуса (создан ради честолюбия Иванова-Ринова), инспектора добровольческих формирований (для пропитания Голицына), инспектора стратегического резерва (для пропитания Хрещатицкого), но ничего не слышно по части сокращений.

При каждом штабе пышно расцветает контр-разведка и осведомление, последнее почти обязательно с собственной газетой.

Среди осведомления неизбежно маячит весьма темная фигура полковника Клерже, обвиняемого в подстрекательстве казаков нашего персидского корпуса к истреблению неугодных им офицеров и в насилиях и вымогательствах над жителями города Перми; кроме того, он приговорен военным судом к исключению из службы и заключению в крепость за оскорбление бывшего начальника главного штаба генерала Марковского, но этот приго-

вор, по таинственному докладу ставки, адмиралом аннулирован, причем об этом запрещено говорить и писать.

Поданный по этому делу доклад-протест главного военного прокурора оставлен ставкой без ответа.

Совершенно неожиданным оказался доклад генерала Щербакова, ездившего в Семиречье с поручением адмирала разобраться с тамошним положением и с нареканиями на сидящего там атамана Анненкова. Щербаков (сам семиреченский казак) вынес такое заключение, что все нарекания на Анненкова измышлены штабом южного отряда и что этот атаман представляет собой редкое исключение среди остальных сибирских разновидностей этого звания; в его отряде установлена железная дисциплина, части хорошо обучены и несут тяжелую боевую службу, причем сам атаман является образцом храбрости, исполнения долга и солдатской простоты жизни.

Отношения его к жителям таковы, что даже и все обираемые им киргизы заявили, что в районе анненковского округа им за все платится и что никаких жалоб к анненковским войскам у них нет.

Надо думать, что этот доклад достаточно близок к истине, так как Щербаков человек наблюдательный, с собственным твердым взглядом и уменьем разбираться в вещах и людях; прежнее представление об Анненкове как о сугубом разбойнике он объясняет враждебным отношением к этому отряду штаба генерала Бржозовского и теми двумя полками, которые под названием анненковских черных гусар и голубых улан наводили ужас в тылу своими грабежами и насилиями над мирным населением. По словам Щербакова, эти полки не были в подчинении Анненкову, и последний много раз просил, чтобы их прислали ему в отряд и он быстро приведет их в порядок, но в этом ему было отказано.

Те сведения, которые приведены в докладе Щербакова об устройстве анненковского тыла и снабжений, дают полное основание думать, что в этом атамане большие задатки хорошего организатора и самобытного военного таланта, достойного того, чтобы выдвинуть его на ответственное место.

На фронте ожидается подход 2-й красной армии и переход красных в наступление.

Нездоровье ухудшает настроение; полон самыми мрачными предчувствиями. Надо спасать армию и уходить, ничего не жалея,

хотя бы за Байкал; спасем армию — спасем будущее; потеряем армию — потеряем все. Я бесконечно рад, что успел отправить главные запасы за Обь и на Енисей; это обеспечит снабжение армии при отходе ее на восток. Пока же надо укреплять линию Иртыша, где оборона очень благоприятна, ибо фронт очень неширок, а фланги прикрыты с севера болотами, а с юга районами, неудобными для движения больших масс. И одновременно самая энергичная эвакуация; обстановка такова, что нужно немедленное и героическое решение; времена полумер и колебаний прошли, ибо идет девятый вал, подходит двенадцатый час.

Как я завидую сейчас красным. Во главе их армий стоят решительные люди. Злая судьба обидела Сибирь и не дала ей вождей по плечу данному времени; юг был счастливее, ибо имел Алексеева, Корнилова, Маркова и других, но и там судьба быстро погасила наиболее сильные и нужные для России жизни. Сибирь выставила не мало тысяч молодых и старых рыцарей долга, чистых энтузиастов, поднявших меч борьбы за родину.

Но не нашлось вождей, мужей опыта и таланта, чтобы использовать эти могучие силы; тысячи этих борцов уже спят в сибирской земле, а все их усилия, их геройские подвиги сведены на нет теми, кто, не имея никаких данных, залез на верхи военного управления и не принес туда ничего, кроме ненасытного честолюбия, самомнения и безграмотности по руководству большими операциями и по организации настоящей армии.

Я завидую этим павшим, ибо они счастливы тем, что не видят, к какой пропасти приведено то, за что они боролись, и какие грязные руки протянулись к заветному белому знамени; я болею душой за уцелевших, ибо им выпала доля все это видеть и пить до дона последнюю горькую чашу, чашу не личную, а русскую чашу горя, стыда и смерти.

21 сентября. Все утро в совете министров, где шло совместное с представителями государственного экономического совещания заседание по рассмотрению проекта положения о государственном совещании.

В глазах зеленые круги; чуть не кричал от боли, но надо было выгребать, ибо разбирался вопрос первостепенной важности. Впервые ушел из совета министров с чувством радости и удовлетворения: это было поистине деловое, государственное заседание; серьезность положения и серьезность рассматриваемого

вопроса приподняли общее настроение, возвысили всех до государственного понимания, внесли в прения сжатость, деловитость и толерантность и сделали все заседание на редкость симпатичным.

Дай бог, чтобы это было первой ласточкой настоящей весны нашего обновления, если ею суждено нас благословить.

Получил приказ Дитерихса о назначении Хрещатицкого инспектором формирований Дальнего Востока; очевидно, мой доклад адмиралу остался безрезультатным.

Адмирал на фронте; послал ему еще раз протест по поводу такого назначения. Сообщил Головину о своем уходе и невозможности оставаться при том отношении к моим основным взглядам, которое проявляется адмиралом и, несомненно, под влиянием ставки и каких-то темных сил. Ухожу, ибо в порядке высшего военного управления совершаются гибельные, непоправимые ошибки и совершаются ради прихоти, честолюбия и эгоистических интересов таких лиц, которых надо беспощадно гнать от нашего дела, которое они грязнят. Я сделал все, чтобы обратить внимание адмирала на эти ошибки, но оказался бессилен остановить скверные распоряжения и предотвратить зло, ими чинимое. Тогда служба моя кончена, долг мой исполнен. Остальное на совести тех, кто все это сделал.

22 сентября. Дитерихс уведомил меня, что санитарная реформа, против которой я заявил протест, проведена помимо него непосредственным докладом адмиралу доктора Краевского.

Хороши порядки, при которых такая серьезная и оспариваемая реформа проводится по докладу очень пронырливого, но случайного человека, вопреки желанию военного министра и без ведома начальника штаба верховного главнокомандующего...

23 сентября. Адмирал вернулся с фронта; привез в своем поезде 270 раненых; новые санитарные распорядители устроили показной прием раненых; по этой части убедили адмирала подписать указ, возлагающий все работы по приему раненых на общественные и городские организации.

Противно было смотреть, как егозили и пытались показать свою энергию новорожденные санитарные юпитеры; ни для кого не секрет, что это был первый поезд с ранеными, который они удосужились встретить; все старались сами выносить раненых,

роняли их с носилок и лили в них столько молока, что можно было опасаться за их животы.

Не знаем мы ни в чем середины; а потом очень любим втирать очки и показывать начальству не то, что есть на самом деле; очень уж въелись в нас эти скверные привычки.

От Головина узнал, что в ставке разрабатывается какой-то новый проект высшего военного управления с подчинением военного министра главнокомандующему.

В омском настроении полный винегрет, создаваемый положением на фронте; обывателю хочется и удрать и движимость и недвижимость сохранить.

Газеты продолжают бряцать мечами и обещать чудеса от собирающихся добровольческих формирований; Голицын устраивает митинги и собрания, но добровольцы нейдут.

Платные перья, захлебываясь от патетического восторга, описали отправку на фронт первой дружины Святого Креста — единственный пока результат месячного раздувания добровольческого подъема; картинно описывается, как на правом фланге шел унтер-офицер Болдырев — профессор и организатор добровольческого движения, — но упущено добавить, что шел только до вокзала, откуда вернулся на свое место в осведомительном отделе и отбыл в Новониколаевск проповедывать новый крестовый поход; последнее вполне нормально, и в этой роли он будет несравненно лучше, чем на должности взводного унтер-офицера, но неприятны ложь и попытки надуть публику. Сейчас это хуже, чем когда-либо.

Большинство населения, однако, понимает всю серьезность положения; только немногие продолжают цепляться за надежду на авоську и чудо. Провал казачьего бума и добровольческого набора отрезвил многих: чем больше были надежды, тем острее разочарование.

Жаль, что до сих пор власть боится открыто и правдиво объявить о своевременности эвакуации Омска; раз ставка на казаков бита, то больше уже играть нечем; надо готовиться к тяжелым временам и всячески облегчить грядущие бедствия; сейчас еще есть возможность удалить из Омска очень многое в порядке срочной эвакуации, а не панического бегства.

Государственной власти нельзя быть близорукой, а тем более нельзя подражать отношению страуса к опасности.

Получены сведения, что в ночь на 19-е во Владивостоке была произведена первая попытка устроить переворот, но неудачно. Розанов, несмотря на протест союзников, ввел в город надежные русские войска, и заговорщики скиксовали.

Совет министров радуется благополучному исходу владивостокских событий; не разделяю этой радости, ибо инцидент не ликвидирован, а только предотвращен, а если к лиге наших внутренних врагов присоединились эсеры, то наше дело плохо, и нас в конце концов слопают в тылу, если даже мы выкарабкаемся на фронте.

Эсеры — специалисты по подкапыванию и опрокидыванию власти; они напрактиковались на этом в борьбе с монархией, бесконечно более сильным противником, и с нами справиться им будет не трудно; все население настроено против нас и ищет только, на кого бы перенести свои надежды.

Наша гнилая контр-разведка бессильна бороться с эсерами; она сама прослоена эсеровскими агентами.

Ведь если подсчитать наш актив и пассив, то получится самый мрачный вывод «every item dead against you»: за нас офицеры, да и то не все, ибо среди молодежи много неуравновешенных, колеблющихся и честолюбивых, готовых поискать счастья в любом перевороте и выскочить наверх на манер многих, это уже проделавших; за нас состоятельная буржуазия, спекулянты, купечество, ибо мы защищаем их матерьяльные блага; но от их сочувствия мало реальной пользы, ибо никакой матерьяльной и физической помощи от него нет. Все остальное против нас, частью по настроению, частью активно.

Даже союзники, кроме японцев, от нас как-то отошли; чехи же определенно настроены против нас настолько, что ничто не гарантирует возможности их активной помощи эсеровскому перевороту вопреки всяким гарантиям Жанена и приказам Массарика.

24 сентября. Настроение несколько лучше вследствие хороших известий от Деникина; даже у Юденича дело как будто выправляется.

Слушали сообщение прибывшего от Деникина есаула Перфильева; он уверяет, что там царят порядок и законность; это не вяжется с теми сведениями, которые привезены офицерами, пробравшимися к нам через Каспийское море; несомненно, что у Пер-

фильева слишком много розовой окраски, а у этих офицеров, недовольных южными порядками, — слишком все сгущено; очень хотелось бы знать, где лежит истина. При том размахе, который приняло деникинское наступление, на одной военной силе не удержаться, даже если она и свободна от всех тех недостатков, коими больны наши сибирские армии.

Без опоры на прочное сочувствие всего населения ничего не сделать. Очень тревожен состав ближайших к Деникину кругов и административных верхов; слишком много фамилий, вызывающих воспоминания о непривлекательных сторонах недавнего прошлого; возникают опасения, что и там, как и у нас, ничего не забыли и ничему не научились.

С настроением Кобленца, с вожделениями реванша и возмездия за все перенесенное и потерянное — России не восстановить. Тяжело забыть, тяжело простить, но тот, кто истинно хочет спасения родины, тот принесет ей эту великую жертву.

Перфильев заверяет, что до сих пор у них не было восстаний в тылу и что отношения между войсками и населением самые благожелательные; приятно было это слышать; значит, там нет того, что составляет нашу смертельную болезнь; значит, там офицерский состав удержался на уровне истинно-офицерских идеалов и не дал распуститься и низам. У нас по этой части плохо; я имел случай беседовать с несколькими старшими священниками фронта. и они в один голос жалуются на пошатнувшиеся нравственные основы офицерства, преимущественно молодого, сильно тронутого переживаниями войны и революции; по мнению главного священника Западной армии, из восьми случаев насилия над населением семь приходятся на долю офицеров (за исключением казачьих частей, где «пользование местными средствами» составляет общий и непреложный закон). Особенно возмущает население отбор офицерами лучших крестьянских лошадей и притом не для войск, а для торговли.

Вечером Головин сообщил мне, что адмирал и Дитерихс поражены поданным мною рапортом об отставке и выражают горячее желание, чтобы я не уходил; затем ко мне приехал начальник штаба фронта генерал Рябиков и уговаривал меня остаться. Ответил обоим, что от работы и исполнения долга никогда не отказывался, но что я определенно поставил условия, при которых я могу работать и быть полезным общему делу...

Не понимаю, почему адмирал удивлен моей просьбой, — ведь мои условия заявлены много раз, и он не может их не знать; неужели он считает, что за честь состоять военным министром можно со всем мириться, все терпеть и всем жертвовать. Я не считаю себя спасителем и знаю, что я очень посредственный военный министр, с массой «но» и недостатков, но знаю также, что никто другой не справится с предстоящими по военному управлению реформами так, как сделаю это я, ибо умею не только приказывать, но знаю на опыте, как и что делается. Но справиться я могу только в том случае, если обстановка работы будет такой, как я прошу.

Просил передать все это адмиралу и Дитерихсу, добавив, что условия мои неизменны.

С фронта приехал один из моих старых сослуживцев по Владивостоку, один из лучших офицеров старого закала, согласившийся из чувства долга взять на себя каторжную должность начальника снабжений первой армии.

Он рассказал, какую тяжелую борьбу приходится ему вести для того, чтобы установить хоть какой-нибудь порядок по части снабжений; сверху донизу все распустилось, забыло про закон и привыкло жить по усмотрению, не останавливаясь перед проявлениями самого бесшабашного произвола.

Было бы нелепо в обстановке настоящей войны продолжать цепляться за разные хозяйственные и контрольные крючки и ради них останавливать удовлетворение насущных потребностей бурной жизни; но нельзя существовать вне всякого закона, без системы и без соблюдения и охранения общего порядка. При настоящей обстановке более, чем когда-либо, нужен надзор, контроль, удерж и пресекновение разных серьезных поползновений, своеволий и беззаконий; все распустилось так, что, если отказаться от одержки, то все обратится в сплошной хаос и кабак, что в действительности и произошло во многих частях и во многих отраслях войсковых жизни и управления.

Наиболее трудно бороться с начхозами (начальник хозяйственной жизни полка), автономными повелителями целых поездов, снабженных салонами, банями, собственным электрическим освещением и таящих горы всяких продуктов и имуществ казенного и благоприобретенного при разных эвакуациях и прочих «ациях».

Начхозы держатся в почтительном и безопасном удалении от фронта, часто не знают даже, где находятся их части, но не особенно об этом волнуются, так как снабжение частей и их хозяйство составляют для большинства самую второстепенную задачу.

Главная же задача — использование своего привилегированного хозяйственного положения в свою личную пользу путем спекуляций с продовольствием и снабжением и путем покупок и продаж разных товаров и провоза их под видом казенных грузов. Все это дает огромные доходы и делает жизнь личного состава этих тыловых учреждений одним удовольствием; поэтому они и переполнены сверх всяких штатов. Есть, конечно, и исключения, но они редки, как зубры или белые слоны.

Мой собеседник, очень сильный по характеру человек, неумолимый проводитель раз принятой системы, но очень хладнокровный и уравновешенный, сомневается в возможности быстро очистить эти Авгиевы конюшни. Слишком всосалось все это в общий обиход; слишком все жирно и вкусно для всех тех, кто непосредственно к нему присосался и кто со стороны частью этих благ пользуется (начхозы понимают, что отношения вверх к старшим штабам и начальству должны быть приятные во всех отношениях, и знают, как в каждом данном случае этого достигнуть).

Самое же скверное, что даже и этот негодный для настоящего дела состав некем сейчас заменить.

Весной была произведена попытка устроить курсы для подготовки чиновников и офицеров на интендантские и хозяйственные должности; собрали сорок человек, занимались с ними несколько месяцев, и получили недоучек с очень скудными знаниями, но с огромным самомнением и с еще большими требованиями; нравственные же качества оказались не лучше, чем у тех, кого хотели заменить; но у подлежащих замене все же был и специальный и житейский опыт, и, кроме того, они уж «сыты», а новые кадры пришли голодными и с такими аппетитами по части «рванья» и притом срочного, что быстро обогнали стариков.

26 сентября. Едва добрался до своего кабинета, до того нездоровится. За работой легче забываешь про боли. Утром приехал государственный контролер как представитель совета министров и верховного правителя, дабы уговорить меня остаться;

он заявил, что мой уход, помимо огромного рабочего ущерба, произведет самое тяжелое впечатление на всех порядочных людей и подорвет последние надежды в возможность благополучного исхода; думаю, что последнее прибавлено для пущей действительности убеждения, так как наверно очень немного людей заинтересованы тем, кто у нас военный министр и что он собой представляет. Думаю, что это личное мнение очень добросовестного и болеющего за все наши недостатки Краснова, с которым я очень часто схожусь во взглядах.

Разъяснил Краснову все положение; рассказал, что̀ я прошу и в чем мои условия; просил понять всю ненормальность проявляемых ко мне отношений, которые во всей совокупности определенно указывают на чье-то желание заставить меня уйти и не мешать делать то, что кому-то нужно и выгодно.

В конце концов сдонкихотствовал и дал себя уговорить под условием, что Краснов съездит к адмиралу и добьется его обещания принять мои условия и гарантировать мне полное доверие и самостоятельность в проведении предлагаемой мной программы. Краснов выразил уверенность, что ему удастся разъяснить адмиралу всю ненормальность сложившейся обстановки и убедить адмирала в необходимости принять мои условия, ибо они нужны для успеха общего дела.

В ставке узнал подробности о причинах бездействия конного корпуса: Иванов-Ринов после первого удачного дела на Курган не пошел и посланных ему шести директив и телеграмм — из них две за подписью адмирала — не исполнил.

Дитерихс отрешил Иванова-Ринова от командования, но тогда, когда уже было поздно и когда общее положение на фронте исключило возможность успешного набега на тыл красных.

Иванов-Ринов прибыл немедленно в Омск, поднял всех своих сторонников, и по ультимативному требованию казачьей конференции его отрешение было отменено, и он с апломбом вернулся на фронт к своему корпусу. Яркое проявление импотентности и дряблости власти, засосанной омским болотом и находящейся в пленении у разных безответственных, но всесильных организаций, во все мешающихся, но ни за что не отвечающих.

Такая власть не может существовать, ибо sine qua non всякой власти — это ее сила.

Удивляюсь, как Дитерихс на это согласился; он ведь тоже

реальная сила и имел право и возможность принять такой тон, с которым должны были бы считаться омские лягушки.

26 сентября. По донесениям из Владивостока, положение там очень острое; взрыв предупрежден, но опасность его не ликвидирована; обе стороны натопорщились и выжидают благоприятного случая.

Краснов был у адмирала, получил его согласие на мои условия, о чем с радостью мне и сообщил; через несколько часов тот же адмирал утвердил доклад ставки об осуществлении всех мер, против которых я протестовал и непроведение которых поставил условием, определяющим возможность оставаться на своем месте.

Отказываюсь что-нибудь понимать.

После обеда Сукин передал мне полученное им из английской миссии известие, что агенты Калмыкова убили во Владивостоке полковника Февралева; его схватили на улице среди белого дня, увезли за город и там застрелили. Таким образом, исполнилась угроза, которая висела над несчастным Февралевым больше полугода, и отвратительный хабаровский разбойник «вывел в расход» (специальное выражение Читы и Хабаровска) опасного кандидата на звание атамана.

Нокс возмущен до глубины души и заявил, что он готов открыто отказаться от поддержки такой власти, которая не в состоянии предупредить такие гнусные убийства. Всецело разделяю его негодование.

Сообщил об этом убийстве казачьей конференции; телеграфировал Розанову о розыске и предании виновных военно-полевому суду; телеграфировал Семенову, выразив надежду, что он, по званию походного атамана дальневосточных казаков, примет все меры, чтобы не осталось без примерного наказания убийство одного из старших и лучших уссурийских казаков, кем бы оно ни было совершено.

Печально положение той власти, которая не может расправиться с такой гнусностью, а именуется всероссийской и заботится о великодержавии России.

27 сентября. По докладу новоявленного начальника санитарной части, адмирал отрешил от должности моего подчиненного, начальника главного военно-санитарного управления, доктора Лобасова за исполнение последним моего приказа не пускать доктора Краевского в свое управление.

Это нечто совсем уже экстраординарное — бить по подчиненным за исполнение приказа начальника, тем более, что и ставке, и адмиралу известно, что распоряжение о недопуске отдано мной и отдано вполне законно, так как ни Дитерихс, ни его ставочные подчиненные не имеют права распоряжаться в подведомственных только мне управлениях военного министерства.

Это освобождает меня от обещания, данного Краснову, не уходить с своего поста. Я не верю, что адмирал делает все это умышленно, но он, повидимому, так переутомился, что ничего уже не помнит, а этим пользуются те. . ., которые способны на все, лишь бы добиться своего.

С этими господами мне не по дороге и к изображенному ими «омскому двору» я не подхожу. Послал телеграмму адмиралу, уехавшему на фронт, и усердно прошу отменить отрешение Лобасова, виновного только в исполнении моего приказа, и взыскать с меня, так как я считаю невыносимым такое положение, когда вместо меня карают моих подчиненных. Усердно прошу разобраться в последних распоряжениях, касающихся меня и им одобренных, так как поставлен ими в исключительно безвыходное положение, совершенно не вяжущееся с его обещаниями и заверениями.

Настроение Омска близко к панике; поезда переполнены удирающими в восточном направлении. Омские лягушки продолжают квакать о великом значении Омска, о невозможности выезда правительства и о необходимости защищать Омск до последней крайности; этим напичкали адмирала так, что с ним невозможно говорить в противоположном духе.

Проезжающие через Читу фельдъегеря передают, что там не скрывают радости по случаю тяжелого положения Омска и стараются, чтобы им досталось побольше из омского наследства.

29 с е н т я б р я. Поехал на службу после двух болевых припадков, во время которых терял сознание; повидимому, что-то неладно в области печени; ей пришлось переварить столько треволнений и гадостей, что она в праве начать пухнуть и проявлять свое негодование.

Из министерства пришлось вернуться вследствие невозможности продолжать работу. Подал рапорт о болезни и прошу отпуска до увольнения в отставку.

Казачья конференция разодралась с Дутовым и Хорошхиным;

им ставится в вину, что они знали от Дитерихса об его решении отрешить Иванова-Ринова от командования, но не доложили этого конференции; этим воспользовались для сведения старых счетов и наговорили Дутову таких вещей, что он собирается ехать в Новониколаевск «по семейным делам».

Вызывают в конференцию Иванова-Ринова для объяснений по поводу его агитации по возрождению сибирского областничества и его заигрывания с кооперативами. Во Владивостоке ожидаются сегодня серьезные события. Генерал Опя приказал Розанову вывести из города русские войска, на что Розанов ответил отказом. Адмирал одобрил распоряжения Розанова и приказал не останавливаться ни перед чем ради сохранения русской национальной чести и достоинства.

Эх, если бы такая же решимость была проявлена десять месяцев тому назад, во время семеновского инцидента, не тряслись бы теперь омские обыватели и не сидели бы мы все перед разбитым корытом, гадая на пальцах: пронесет или не пронесет?

30 сентября. Свалился пластом; попал в плен к медикусам, которые меня щупают и качают головами; вечером объявили жене, что у меня, повидимому, гнойное воспаление печени и закупорка всех желчных каналов; положение серьезное и требующее лечения и моего согласия покориться всем медицинским требованиям, а главное — от всего отойти и не волноваться; поэтому запретили кого-либо ко мне допускать и со мной разговаривать.

14 октября. Две недели ничего не записывал, вернее, не мог записывать, ибо находился в бессознательном состоянии, но в конце концов выкарабкался благодаря исключительной заботливости доктора Б. и уходу жены.

Отставка моя не принята; я назначен в распоряжение верховного правителя и уволен в отпуск для поправления здоровья; на мое место назначен бывший командующий Западной армией генерал Ханжин.

Не понимаю, почему не назначили генерала Сурина, как нельзя более подходящего к роли военного министра, с огромным стажем, как раз по этому месту.

Пока меня отправляют в томскую клинику для лечения и, буде потребуется, операции, предупреждают, что сильно тронуты желчные пути и надо долго и систематически лечиться; это хуже всего, так как хотелось бы поскорее стать на ноги и начать рабо-

тать; в более свободном положении надеюсь оказаться полезным, хотя бы в качестве разъездного инспектора войск и учреждений и осведомителя адмирала о действительном положении дел.

15 — 26 октября. Бесцельно пролежал в томской клинике; она обращена в госпиталь, и все клинические устройства разгромлены; нет даже ванн, без которых мне нельзя существовать. Рекомендуют двигаться дальше на восток, где сохранились лечебные заведения, так как мое положение до сих пор сомнительно и весьма вероятна необходимость серьезной операции.

26 — 31 октября. Медленно двигаюсь на восток; слава богу, что мне оставили тот вагон, в котором я жил в Омске; адъютанты моего преемника пытались его отобрать, но я впервые так окрысился, что они сразу куда-то исчезли; вероятно, мой скелетообразный вид и черно-зеленый цвет увеличили эффект моего выступления.

Кончился омский период моей жизни; в вагоне тихо; поезд долго стоит на станциях; лежу и подвожу итоги своему 174-дневному пребыванию в Омске; не прошло и шести полных месяцев, а сколько пережито и перечувствовано!

Пробыл раза в четыре дольше, чем рассчитывал, когда уезжал из Харбина. Возвращаюсь обратно с разбитыми вдребезги иллюзиями.

Омск держится, но, повидимому, приближаются его последние дни; он еще трепыхается, но над ним и в тылу реют и каркают черные вороны; союзники сокращаются, дабы своевременно выйти из неприятного положения.

Продолжение борьбы в том, сумеют ли спасти армию, совершенно вымотанную произведенными над нею экспериментами; все можно поправить и восстановить за исключением армии, если ее израсходуют на нелепой защите Омска.

Пока что Москва одержала победу над сибирской Вандеей, и даже не Москва, а наше собственное ротозейство, наша дряблость, наша государственная и военная безграмотность.

Уже во время пребывания в Харбине чувствовалось, что в Омске что-то неладно и что у военного и гражданского рулей стоят какие-то плохонькие кормчие.

Омские гастролеры кричали о могучей армии, о налаженном государственном механизме, но то, что приходило оттуда в виде приказов и распоряжений, внушало немалые сомнения в правиль-

ности гастролерских сведений. Только Иванов-Ринов был способен заверять, что в распоряжении Омска 400-тысячная армия, дисциплинированная, организованная и рвущаяся в бой.

Но то, что я увидел, узнал и пережил за истекшие шесть месяцев, превзошло все мои пессимистические ожидания и выбросило опять на восток физическим инвалидом, с разбитыми надеждами на скорое возрождение России и с самыми мрачными взглядами на ближайшее да и на далекое будущее.

Главная язва, убивающая Омск, адмирала и правительство, это отсутствие реальной и сильной власти. Повторяется вечная сказка о голом короле; он голенький и беспомощный, а все притворяются, а кое-кто искренно верит, что король и одет и могущественен.

Власть Омска — призрачный мираж; власть, как сам адмирал, лишена средних регистров; она или шало и безрезультатно гремит, или, вернее сказать, пытается греметь, или дрябло и робко закрывает глаза на творящееся зло, убогая в своем бессилии, импотентная заставить исполнить ее волю и ее приказ; она вынуждена молчать и терпеть, зная, что ее распоряжения исполняются постольку — поскольку, и то главным образом в выгодных и приятных для исполнителей секторах. Повторяется то же, что было с нами, военными начальниками, после революции 1917 года, когда из армии вынули ее душу — дисциплину, и мы, отдавая приказ, не знали, будет ли он как следует исполнен, да вообще будет ли исполнен.

В таком же ужасном положении находятся ставка и сам верховный главнокомандующий; они тоже не знают, будут ли исполнены их приказы, если не понравятся почему-либо фронтовым сатрапчикам.

Конечно, такие случаи, как открытые выступления Семенова, Анненкова, Гайды и Иванова-Ринова, относительно редки, но они подслоены сотнями, а может быть и тысячами таких случаев, когда неугодное распоряжение затягивается, забывается, искажается или исполняется так, что лучше бы уже ничего не делать.

Начавшись на верхах, эта смертельная для всякой прочной организации болезнь проела постепенно весь военный и государственный механизм и выпила из него всю силу.

Власть, рожденная путем военного восстания, оказалась неспособной быстро и решительно оторваться от родивших ее организаций и не сумела сама стать силой. . .

Совет министров дал мне возможность познакомиться с размахом государственной деятельности нашей власти и ее результатами. Та же дряблость, то же отсутствие определенной деловой программы и то же бессилие заставить выполнить свою волю; кроме того, скверно было то, что власть оказалась, если можно так выразиться, неглубокой; она сидела далеко от населения, не приносила ему никакой реальной пользы, не базировалась на коренном, кондовом населении Сибири; она не улучшила условий его жизни и не удовлетворила его насущных нужд; она оказалась бессильной оградить его от злоупотреблений и насилий своих местных агентов; вместо ожидаемого благодетеля и целителя она оказалась чудовищем, возлагавшим на измотанное общей разрухой население новые тяготы и старые, ненавистные скорпионы.

Сибирское коренное население, оригинально, по-сибирски консервативное, а по достатку весьма и весьма буржуазное, не могло не поддержать власть, если бы она пришла сильной, твердой, для всех справедливой защитницей от разных напастей. Но такой власти не пришло.

Когда власти надо было быть сильной, чтобы оградить население от насилий, то оно ее не видело, и только напрасно взывало о заступничестве и покарании виновных; когда население хотело власти энергичной, распорядительной и заботливой, оно ее не имело.

Местные агенты власти, т. е. те, по чьей деятельности население судит о самой власти, оказались в большинстве случаев очень плохими, преследовавшими личные интересы и заставившими заныть старые обывательские раны и мозоли, разбудить скверные воспоминания прошлого; они только усугубили и углубили то недоверие, а временами ненависть, которая так свойственна нашим темным массам по отношению к власти вообще.

А между тем работали и работают усердно; омские министерства и их бесчисленные департаменты выбрасывают тучи законопроектов и распоряжений, требуют донесений, ведомостей, статистики и всего прочего, что полагалось благопристойному российскому министерству или департаменту. Все это взгромоздилось во всероссийский масштаб, распухло в революционных пропорциях и впитало в себя большую часть немногочисленных в Сибири специалистов-работников. В министерстве земледелия у нас, напр., 17 департаментов и отделов, причем есть отдельные департаменты

охоты и рыбной ловли; там, где прежде отлично справлялся один чиновник, теперь сидят и не справляются три-четыре, а то и больше; вместо писца или одной машинки сидит многочисленная стайка машинисток.

Зато на низших должностях, там, где обслуживаются ближайшие нужды населения, ощущается острый недостаток работников; мелкие повседневные нужды обывателя забыты или плохо обслужены; это и вызывает острое негодование и глухую злобу населения к далекому и никчемушнему омскому чудовищу, которое, «обло, озорно, стозевно, лаяй и иский кого бы поглотити», сидит где-то на берегах Иртыша и ничего, кроме неприятностей, не приносит.

Власть должна была быть сильной — и ею не была; она должна была быть глубокой, т. е. близкой, полезной и нужной населению, — этого и в помине не было.

Наши молодые министры с серьезным революционным, но очень легким практическим багажом забыли про то, что революция и большевизм разрушили все скрепы старого государственного аппарата и разгромили многое внизу. Они воздвигли во всем их величии дубликаты петроградских министерств и в них заблудились и погибли для живого дела возрождения и восстановления.

Вся работа шла и идет на верхах, на фронтонах министерств и на лепных украшениях департаментов, а про серые фундаменты и темные подвалы, про разные мелкие скрепы и перекладинки забыли.

Высокие ранги министерских должностей привлекли к себе все самолюбия; большинство должностей IV и V класса, т. е. то, достижение чего являлось когда-то недосягаемой мечтой мелкого чиновничества.

Власть должна была быть честной и кристально-чистой, ибо это требовалось, как никогда, условиями ее зарождения; высшие агенты власти должны были показать, что они стали на свои посты ради идеи и подвига, а не достижения каких-либо личных выгод.

Нужно было быть сугубо осторожными, чтобы не дать материала для сплетен, наветов и обычных обывательских обвинений в непотизме, взяточничестве, казнокрадстве, попустительстве и материальных связях с поставщиками, коммерсантами, спекулянтами и пр. и пр.

Вместо этого мы имели дело Зефирова, дело Омского военно-

промышленного комитета, деятельность разных агентов министерства снабжений, деятельность наших агентов по заграничным заказам, раздачу Хорватом казенных земель, избавление от призыва и укрывательство богатых и влиятельных сынов и племянников, продажу вагонов и пр. и пр.

Все это раздувалось, размазывалось и обдавало липкой и вонючей грязью верхи управления, не разбирая виноватых и невиноватых. Избежать этого, при наших российских обычаях, было, конечно, нельзя, но уменьшить основательность и правдоподобность обвинений следовало до последней степени.

В результате омский переворот дал Сибири власть дряблую и бессильную, вылившуюся в узкие омские формы и непопулярную, неспособную дать населению закон, порядок и заметное улучшение тяжелых условий его жизни. Такой власти оказалось не по плечу подняться на высоту предъявляемой ей жизнью задачи и сделать что-нибудь прочное и действенное в воссоздании разрушенной государственности в улучшенных, разумных и обновленных формах человеческого, общественного и государственного сожительства.

Власть оказалась только формой без содержания; министерства можно сравнить с огромными и внушительными по виду мельницами, озабоченно и быстро машущими своими крыльями, но без жерновов внутри и с попорченными и недостающими частями главного рабочего механизма.

Возможно ли теперь поправиться? Думаю, что уже поздно, ибо слишком много времени потеряно и слишком много напорчено. Даже если бы обстановка не была такой грозной и почти безнадежной, то и тогда едва ли возможно было бы вернуть доверие населения и привлечь его на свою сторону. Сейчас я не представляю себе даже, какие реформы надо было бы осуществить, чтобы поправить положение. . .

Надо откровенно сознаться: мы обманули надежды обывателя, и нам веры нет, особенно словам.

Нужна действительность; нужно резко, сочно и вкусно показать, что мы изменились и можем быть полезными для населения. Но чтобы сделать такое чудо, у нас нет уменья, а главное — нет людей; сейчас же, вероятно, нет уже и времени, ибо треснувший фронт и воспаленный восстаниями тыл не позволяют надеяться на успех продолжительных и широких реформ.

Особенно мне жаль, что не умели использовать ту благоприятную обстановку, которая сложилась в августе 1918 года на Дальнем Востоке; там была полная возможность создать и укрепить настоящую и прочную государственность в твердых, честных и полезных для населения формах; это привлекло бы на сторону власти все здоровое население и, при отсутствии в крае остроты рабочего и земельного вопросов, давало все шансы на успех; против пошла бы только довольно многочисленная каторжанская шпана и уголовно-хулиганский элемент городских отбросов, но с этим население справилось бы собственными силами, если бы власть обеспечила ему организованную помощь и общее сохранение порядка.

Но злая судьба бросила на Дальний Восток дряблого, бездейственного Хорвата и позволила развиться там читинскому и хабаровскому гнойникам.

Вместо закона, порядка и твердой власти население Приамурья получило аракчеевско-полицейский режим казачьего держиморды Иванова-Ринова, карательные отряды, насилия Семенова и Калмыкова и вихлянье Хорвата, принесшего в край все порядки и атмосферу своей харбинской Хорватии и ее сомнительных дельцов.

Все это и на Дальнем Востоке привело к тому, что мы и там сидим сейчас у разбитого корыта, с натопорщившимся против нас и ненавидящим нас населением, готовым променять нас на эсеров, большевиков, партизан и кого угодно, кто поможет им нас сковырнуть. . .

Жизни мы не поймали; ее требований не поняли и не уловили. Жизнь ушла от нас и стала искать более примитивных, но реальных осуществлений.

Получилось не создание государственности, а ее опрощение. Старыми прокислыми дрожжами пытались поднять новое тесто иной закваски и находимся теперь у порога банкротства.

Таковы итоги шестимесячного пребывания в Омске, тяжелых переживаний, печальных выводов и мрачных заключений. Считался в Омске и уехал из Омска с званием брюзги и пессимиста. В этом отношении характерно письмо моего сослуживца, полученное мной в день отъезда из Томска; он сообщает, что, узнав о моем отъезде, адмирал выразил сожаление о потере хорошего работника, но добавил: «но у него был несносный характер, и он вечно со всеми ссорился». Бедный полярный исследователь так

и не разобрал, что если я и ссорился, то не ради себя, а ради того же самого дела, о котором так горел он сам.

В совете министров, рядом с искренними сожалениями о моем уходе, высказывалось и облегчение; один из моих соседей по столу заседаний сказал: «Ну, что это за военный министр; сидит и критикует; молчит, молчит, а потом все разругает и наговорит кучу неприятностей».

Я польщен этим отзывом; по внешности он верен; жаль только, что говоривший не сумел разобраться в том, что подвигало меня на эту критику, и до сих пор не расчухал, насколько она была справедлива и как следовало бы к ней прислушиваться.

Но на звание присяжного пессимиста я не согласен; я не пессимист, я только привык разглядывать жизнь, анализировать события и делать выводы; началось это еще в училище, развилось на почве увлечения высшей математикой, укрепилось жизнью и двадцатью годами ведения дневника, ежедневного подсчета виденного, слышанного и выведенного. Я не могу скользить по жизни, — слишком уж въелась привычка все положить под аналитический микроскоп.

Сейчас, переживая опять последние месяцы моей жизни, когда перед моей больной памятью проносятся омские события и воспоминания, искренно жалею, что доктор Б. отстоял меня от перехода в потусторонний мир. Я всегда боялся «доживания» жизни с потерей веры в будущее, и эта опасность теперь на меня надвинулась во всем ее ужасе.

До Омска у меня украли все прошлое; омский период украл у меня будущее, разбил последние иллюзии, лишил всяких надежд, что я доживу до восстановления России — России, а не своих потерянных прав, которые я похоронил безвозвратно и воспоминание о которых меня даже не тревожит.

До Омска я надеялся на осуществление заветной мечты увидеть опять Россию сильной и здоровой, в новых и разумных формах управления честными и идейными людьми, подвижнически трудящимися на благо своей страны и своего народа.

Надежда эта была сильно потрепана тем, что я видел в Харбине и во Владивостоке, но все же еще теплилась; я продолжал верить и надеяться, что все пережитое и переживаемое нас наконец встряхнет, вышибет много старой дряни и заставит думать иначе и лучше и поступать иначе и лучше. Омск эту надежду до-

конал, вытравил последние ее остатки каленым железом всего пережитого и испытанного, едкой кислотой проклятых, но неопровержимых выводов беспощадной действительности.

Я выпил смертельный яд безысходного отчаяния в бессонные ночи подведения омских итогов.

С таким багажом кончаю омский период своей жизни и качусь к временному харбинскому гнезду, в печальное бытие печального доживания без прошлого и без будущего.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1].

---

[1] Имя Колчака, как часто упоминающееся в книге, в указатель не введено.

2 Р. 75 К.

91.
93. Lo
97.
98-99
161

2020073722